

М РЕАКЦИИ В ГОРЛОВКЕ

ИЗ ВОСПОМИНАНИЙ СТАРОГО РАБОЧЕГО

После разгрома царским правительством революции Шосткинский завод был ликвидирован и всеобщая забастовка рабочих продолжалась две недели, пока прибыл из Киева саперный полк и рота драгун. Войска разгромили рабочий дом (рабочий клуб), где помещался стачечный комитет, членом которого состоял и я.

10-го января 1906 года рабочие завода приступили к борьбе без удовлетворения предъявленных требований. Были произведены массовые аресты рабочих; члены стачечного комитета скрывались от преследований в окрестностях, члены их семей подвергались дикой репрессии со стороны полиции и жандармерии. В начале февраля появились карательные отряды, которые не щадили ни стариков и малого, подвергали всех порке и бесчеловечному издевательству.

Приходилось оставлять семьи на произвол обезумевших солдат баши-бузуков и бежать от преследования. Получив сведения от бежавших из Шостки тов. Жданова и Шевца, что они находятся в Дружковке, я направился туда. По пути я заехал в Конотоп в надежде застать там кого-либо из членов организации РСДРП(б), хотелось получить явку в Киевский Комитет РСДРП(б), но найти никого не удалось. Я поехал в Дружковку и остановился у Эдельмана М. В., тоже из Шостки. В это время там был убит директор завода бельгиец, возвращавшийся из квартиры в 7-м часу вечера. Он был застрелен несколькими выстрелами, „виновник покушения“ не обречен. Полиция и дирекция вывесила объявление: „кто найдет виновника в убийстве директора, тому выдадут награду в тысячу рублей“. Но такого охотника не нашлось. Полиция обрушилась на всех вновь прибывших лиц и начала арестовывать их. Во избежание нашего ареста Эдельман направил меня и Жданова к своему сваяку в Константиновку, мастеру электрического цеха. Там, боясь рисковать, принимая меня к себе на работу, поместил меня в другой цех, на мартеновские печи, в цехе каменщика, к десятнику Матюхину. Этот Ма-

тхун очень грубо относился к вновь поступившим, ок
жил себя зѣмляками, с которыми было трудно ужити
Но через некоторое время я стал среди них своим
тельным малым". Связавшись с организованными тов
щами неоднократно бывал ночью на массовках, в ст
за экономией Елисеева у р. Торец, где проводили соб
ния приезжие товарищи, раз'яснявшие нам значение
ского указа о созыве Государственной думы на 26 а
ста 1906 года.

В день открытия первой Государственной Думы, со
ялось многолюдное стечение народа, как рабочих, та
крестьян из окрестных сел. Под колокольный звон по
хором певчих, со всем своим переносным инвентар
крестами, иконами, хоругвями, кропилами, отслуж
„благодарственный молебен". Перед началом этой пр
дуры поп громогласно возвестил „неизреченную милост
своим любимым подданным", „его высочайшее соизволе
на открытие первой Государственной Думы, которой
ждено будет по милости всевышнего творца положи
предел всем смутам в необ'ятном великом русском госу
стве; отныне почует благодать святого духа, снисходи
через помазанника божия, нашего благоверного госуд
императора Николая Александровича, благополучно ца
вующего с его великим христолюбивым воинством
благо всем подданным ему народностям, на славу вели
государства российского и на страх врагам".

Я заметил, что слушая эту поповскую ахиною ми
впали в умиление. Многие возлагали на Думу вели
надежды. Не всякий понимал, что она никакого обле
ния не принесет, а была лишь ширмой, за которой
валась черносотенная сволочь во главе с Марковым,
ришкевичем и прочими.

В ту же ночь рабочие собрались на массовку в ба
Сошлось человек 70. Решено было 1-го мая не вый
работу и устроить революционную демонстрацию. Б
предложено два варианта: первый—не выходить на раб
оставаться в квартирах и в 10 часов утра, всем, ср
выйти на площадь, начать шествие по пути к
станции и оттуда разойтись по домам; второй—пойт
завод, там снять со всех цехов рабочих и выйти
ворота, построиться в ряды и начать шествие. Но не
лучилось ни то, ни другое. Быть может потому, что
гие поддались на поповскую демагогию в день откр
Государственной Думы. Забастовка получилась пест
невышли цеха—механический, кузнечный, прокатный,
ительный, а литейный и мартеновский работали. Де
попытки снять с работы, но очень слабые, т. к. по
цехам было много полицейских, которые подметили

зывающих к забастовке. Демонстрация не состоялась. Вышедшие на работу сидели дома, ругая тех, которые остались на работе.

Каждое утро недосчитывали многих рабочих, ночью их отсылали. Приехал из Бахмута жандармский ротмистр и ему водили на допрос арестованных рабочих. Погнали меня, но к счастью я имел паспорт, прописанный только константиновской полиции и на вопрос: как я поступил на работу в завод—я сказал, что я выехал с рудника Димова на заработки к своим землякам, которые работают в Екатеринославе, но у меня хватило денег на проезд только до Лозовой. Дорогой я узнал, что здесь можно идти на работу, вот я и работаю каменщиком в мартеновском цеху.

Ротмистр несколько раз осмотрел меня с головы до ног и сурово спросил: „а зачем ты призывал к забастовке и снимал рабочих с работы?“ Я ответил: „ни я этого не снимал, ни меня никто не снимал, я человек честный—посмотрите на мой паспорт там шестеро детей, да жена, они ждут от меня присылки денег на хлеб, и надо работать.

Он еще раз пронзительно посмотрел мне в глаза, пошевелил усами, и прошипел: „Я доберусь до вас. Все вы будете меня помнить“. Я вышел в коридор, хотел выйти на улицу, но дежурный городской приказал сидеть. Ну, думаю „втрескался“. Был первый час дня, обед я уже не попаду. В коридоре со мной стояло человек 7 рабочих, их выводили и вводили из кабинета ротмистра, некоторые „счастливики“ прямо выходили на улицу, других же не выпускали, как и меня. Поговорить с товарищами не было возможности, т. к. тут же, кроме городского, сидел жандармский унтер.

Время тянулось убийственно долго, тем более, что никто из нас не знал, чем кончится этот невольный „визит“. Наконец, раздался звонок и к ротмистру пошел дежурный городской. Минут через пять он вышел из кабинета, держа в руке несколько паспортов, вызвал каждого по фамилии и сказал: „идем за мной“. Мы пришли с ним в контору, где он велел нам-обождать, а сам ушел в бухгалтерию. Через полчаса городской дал каждому из нас расчетные книжки и сказал: „идите в кассу, получайте расчет и уходите отсюда, чтобы и духа вашего тут не было“.

В кассе мы получили свой заработок. Городовой настаивал, чтобы мы сейчас же „ушивались“. Я попросил у него разрешения хоть на пять минут забежать в казарму и взять там свою котомку и белье. Он нехотя согласился, с условием, чтобы я не медлил и вернулся к нему. Захватив свои пожитки, не попрощавшись с рабочими артели, т. к.

они были на работе, я вернулся. По пути на станцию городского все время ворчал и выражал свое недовольство по поводу того, что „насталась весьма неспокойная служба“.

В конце концов он дал нам совет скорее выехать из Константиновки, если же останемся, хотя на один день, то нас посадят в тюрьму. Мне во что бы то ни стало нужно было повидаться с кем-либо из товарищей. Проводив глазами городского, кушив хлеба и колбасы я ушел в степь, а два моих товарища взяли билеты на станцию Еленовку и уехали. Подождав до 9 часов вечера я быстро направился в поселок и пошел на квартиру тов. Афонина он же Анохин. Поговорив с ним и получив явку в Горловку на завод к т. Палию Я. Г., я уехал из Дружковки.

В шести километрах за ст. Никитовка по левую сторону железнодорожного пути было раскинуто на двух холмах более пятисот „однообразных“ землянок по три окошка в каждой. При входе в это жилище человек выше среднего роста должен был сильно сгибаться. Полы в этих „жилищах“ везде земляные, крыши толстые, изредка черепиные, но в таких жилищах подрядчики или десятники шахты.

Землянки рабочих выглядели значительно хуже они были разбиты на 17 линий, на каждой линии от 25 до 40 так называемых „каюток“, а место 7—8 и 9-й линий было отведено под базарную площадь, где имелось с десяток лавок, принадлежавших бывшим корабейникам и шетинщикам. Тут же на площади ютились в два ряда харчевые ятки, крытые рогожами.

Товары были дешевы, да деньги очень дороги. Были мануфактурные, готового платья и даже часовой магазин с серебряными и золотыми изделиями, но покупать в нем было не на что. Так выглядела Горловка.

Рядом с железнодорожным мостом расположилась шахта № 1, имеющая два ствола с подъемными паровыми машинами, обширное каменное двухэтажное здание, по крышей которого взгромоздился на толстых и высоких столбах деревянный копер. Шахтный двор был очень загроможден всевозможными постройками: кочегарка, эстакада, мастерские, магазины, кладовые и донельзя тесный лесной склад. Возле ворот шахтного двора были кирпичные домик почты, белый двухэтажный дом главного инженера Монахова П. В., напротив одноэтажное, длинное кирпичное здание главной конторы. Директором шахт 1—5—8 был француз Бах. Его двухэтажный дом находился на расстоянии версты от шахты, на восток, в Янковской роще. Это „мусью“ Бах был весьма желчный человек, с рабочими он никогда не разговаривал: когда к нему обращались с какой-либо просьбой, он всегда посылал к своим подчиненным. Зав. шахтой был горный инженер Гурский, рабочие ели

Тов. Максименко.

прозвали „свистуном“, он имел привычку, когда выслушивал заявление или просьбу рабочего, обязательно насвистывать. Если просьба принята во внимание, он говорил рабочему: „ну, ступай“. Если же нет, то кричал: „пошел про Я тебя оштрафую“. Вот только эти две фразы от него слышали рабочие, и ни одного не было рабочего, который не был бы оштрафован „свистуном“.

Главный инженер Фесенко Я. М. был признан слишком либеральным, за что и был уволен. Вместо него поступил Белый Г. Д., этот внешне с рабочими был ласков и добродушен, но выжимал из них соки, не прямо, а косвенно, через младших инженеров и номерных десятников, которые под руководством Белого гнули шахтеров в барачный режим.

Для более верного осуществления своих эксплуататорских целей Белый подобрал себе двух помощников—задающего расчетный отделом Косачева Н. Ф. и зав. шахт ремонтной мастерской Логунова Ф. Р. Это „трио“ заправляло всеми работами шахты и под землей и на поверхности. Все трое образцово выполняли свои задания, зачастую целые сутки не покидали здания на шахте, но не было одного дня, чтобы они не п’янствовали, у Косачева никогда не сходила четверть водки с письменного стола. Белый Логунов слыли заправскими ловеласами, и как подходил помощник по этой части был избран подрядчик строительных и транспортных работ Шуцкий. Шуцкий имел свой хутор на хуторе Стенках, возле дома сад, и в этом саду творили ночные оргии. Разговоров и суждений об этой „веселой компании“ было очень много, но положить предел „шалостям“ не было возможности.

Машиностроительный завод Бельгийского акционерного общества находился рядом с шахтой № 1, на земле крестьян Железнянской волости. Тут же имелся заводской поселок с глинобитными, двухквартирными домиками, на деревянных полах, с черепичными крышами, и одноквартирные деревянные, обнесенные штабелем, с крохотными двориками сарайчиками и легкой плиткой, сложенной на открытом воздухе.

Директором завода был бельгиец Лоэст, оголтелый акционер и вдохновитель расстрела рабочих в декабре 1905 года. Механиком завода был Вильмот, ярый чернотенец; рабочие дали ему кличку „клещ“. При появлении его в мастерских эта кличка мгновенно передавалась станку к станку, при чем все работали с крайним напряжением сил, и горе тому рабочему, который разогнет спину и закурит—„клещ“ немедленно штрафовал. Заметив этого—штраф, а сидящему сейчас же давал „маленький машка на большой контор“ для получения расчета без пенсаций. Большую услугу Лоэсту и Вильмоту оказывали

переводчик Норов, который верно нес службу сторожевой
обаки. При объяснении какого-нибудь вопроса, касающе-
го интереса рабочего этот Норов всегда перевирал суть
рассказа.

Завод изготовлял паровые котлы, паровые машины, по-
воротные круги для железнодорожных паровозов, вагонные
и, железнодорожные стрелки с переводными рельсами.
Зимой работало до 700 человек, а на зиму сокращали до
100 человек. Оставляли тех, кого можно было прижать:
односемейных и высококвалифицированных мастеровых.
В наступлении осени дирекция завода обычно вывешивала
какое-нибудь объявление: „В виду отсутствия заказов заводу, ди-
рекция вынуждена произвести увольнение не менее 25%
работающих в цехах, оставшиеся же работать будут обес-
печены квартирой, отоплением и подвозкой питьевой
воды, расходы на это контора примет на себя, а на по-
крытие этих расходов дирекция по соглашению с фабрично-
заводским инспектором на время зимы, т.е. до 1-го ап-
реля снижает заработок рабочим на 20%. При этом рабочий
будет продолжаться с 8 часов утра до 1 часа, час на
обед и с 2-х часов до 5 часов вечера, за это время кон-
тора будет записывать $\frac{3}{4}$ дня. На эту вопиющую несправед-
ливость надо было соглашаться, царь-голод был верным
сопутчиком Лоэста и Вильмота. Увольнение начиналось
обычно месяцем позже, и так как после объявления никому
не было желательно быть уволенным, то работа велась
наши изо всех сил, что называется не покладая рук. На
время отдохнуть бегали в уборную.

После сокращения рабочие начинали залезать в долги
до швейцару Андриенко, хлеботорговцу Машур'янцу, мясо-
продавцу Воловину и разносчику-татарину. В семье только
разговоров было: „как бы перезимовать и дожидаться весны,
чтобы скорее рассчитаться с долгами, неровен час, торговцы
пойдут в суд, останешься совсем без хлеба и в рваных
одеждах“. И так протекала наша рабочая жизнь из месяца
в месяц, из года в год; работаешь для того, чтобы есть,
ишь для того, чтобы работать.

Никаких культурных развлечений не было. В поселке
только две чайных Общества трезвости, „союза истинно-
русских“ в доме Шапошникова. В „истинно-русский“ чай-
ную по воскресным дням проводились собрания, велись
патриотические беседы поповско-полицейского содержа-
ния, заправилами были тут дьякон Горковенко, Гурков,
Гусев И. К., Бухалин портной, Кузнецов содержатель
кафе, Геталор швейцар главной конторы, мясники,
извозчики и разные темные личности. В этой
мелкой собиралось до сотни душ, отсюда выходили
патриотические манифестации. Особенно без-

образничали в день 23-го апреля по старому стилю, это было самое главное торжество черносотенцев.

Во время их шествия необходимо было без драк. В передних рядах за иконами и царскими портретами черносотенцы орала во все горло: „боже царя храни“ и горе тому, кто не снимал шапку; такого „патриоты“ избивали до крови. Увидя шествие, рабочие разбегались врассыпную, чтобы и их не присоединили к этой взбешенной своре негодяев.

Чайная при заводе помещалась на углу Заводской улицы и Кладбищенской, здесь имела библиотека, газеты „Россия“, „Земщина“, „Южный край“ и „Сельский вестник“. В книжном шкафу были соблазнительные журналы: „Русское богатство“, „Современный мир“, „Былое“, „Минувшие годы“, но эти книги держались в библиотеке для „приманки“ шевелящего мозгами читателя и пользоваться ими было рискованно, так как интересующегося этими журналами брали на учет. Сюда ходили для отвода глаз. Сознательные рабочие имели что читать без библиотеки, имела нелегальная литература: „Южный рабочий“, „Вперед“, брошюры, издаваемые в Лондоне: „Что должен знать и помнить каждый рабочий“, „Пауки и мухи“ (Дибкнехта) и другие. На базаре имела лавочка с писчебумажными принадлежностями гр. Лесного, через него получалась и нелегальная литература, здесь можно было достать хорошие книги. Много было политических брошюр, изданных в 1905 году „Донской речью“. Распространялась эта литература в строгой конспирации.

Летом после работы ходили купаться в пруду за домом директора рудников, после купанья шли в рощу, здесь обменивались новостями, обсуждали прочитанное. Новости приходили из Ксеньевского хутора от т. Палия Я. Г. Когда у него останавливались нелегально приезжие профессионалы-революционеры т.т. „Михаил“, „Соня“ и др., Палий тот же час оповещал кого следует и ночью проводились рабочие массовки. Собирались в балке за ж.-д. мостом или Байракской ветке или за станцией в питомнике. В эти моменты не направлялись прямым путем, а шли по одиночке обходили стороной. По дороге к месту массовки расставались товарищи, они давали пароль и направляли на определенное место. Массовки собирались редко, в месяц-полтора один раз. Участвовало в массовках не более 30 человек, включая сюда и рабочих рудника 5 и 8.

Во второй половине сентября 1906 года среди рабочих распространилась весть, что после шести часов вечера нужно быстро собраться на летучий митинг у бугра возле заводской больницы. Собралось на митинг до трехсот человек. Когда подошел, то на митинге уже говорил молодой парень в кумачевой рубашке.

В своей речи он разъяснял рабочим действия царского правительства, проводящего свои драконовские законы через Государственную Думу. Он говорил о необходимости примиримой борьбы со всем царским строем. „Нам всем надо сплотиться воедино и вооружиться против кровавого царского самодержавия. Организуйтесь в боевые отряды, вооружайтесь. Смыкайте теснее ряды для дружного напора на кровавого царя и его прихвостней“.

Участники митинга жадно глотали слова оратора и не отрывали с него глаз, толпа незаметно расширилась до 50 человек. Внезапно в толпе появилась фигура полицейского пристава Глущенко. Публика засуетилась. Кто-то громко крикнул: „Казаки едут. Стрелять будут!“. Толпа разбегалась враспынную. Подъехали четыре всадника, тем временем оратор одел темную рубаху и фуражку и скрылся в разбегающейся толпой. Попытка пристава Глущенко арестовать оратора не удалась. Полиция рыскала за ним всю ночь, но безрезультатно. На другой день горловский пристав Глущенко был смещен „за проявление халатности по службе“ и по приказу Бахмутского уездного исправника Невзнова, на место Глущенко назначен был из „заслуженных“ жандармов — Кононенко. Получивший „повышение“ по службе жандарм из кожи лез, чтобы оправдать себя в борьбе с „внутренним врагом“, „вольнодумством“ и „крамолой“. На заводе вместе дежурных по посту городских еще был назначен окопный надзиратель Чувалов; у проходных ворот помещалась его канцелярия, выполняющая обязанности „тащить и не пущать“. Этот Чувалов усвоил всю „премудрость“ царской политики; с рабочими был нежен до приторности, затевал „нововведения“, завел при проходной витрину для писем рабочих и другие „благоустройства“. Так, например, регулярно каждую субботу топили баню для рабочих завода; мыться можно было бесплатно, но со своим мылом и веником. Чувалов вел себя с рабочими „приятельски“, часто после работы его можно было видеть у пивного склада Екатеринославского пивного завода „Звезда“, где он с мастеровыми пил пиво и разговаривал „на душам“ про „жизнь-бытие и рабочую нужду“. Здесь он долго выуживал „настроение“, но кроме черносотенных выводов пивных завсегдатаев, он не мог ничего выудить. Более передовые рабочие понимали, что он волк в овечьей шкуре. Чувалов обязательно указывал рабочим на заботу и попечение правительства в виде домов „Общества трезвости“, „там тебе все удовольствия — читальня, библиотека, чайная, где можно дешево и разумно провести время своего досуга“. Но его слушатели поддакивали и, глядя в глаза Чувалову, думали: „скорее бы давали получку, не одну четверть водки осушили бы в казарме“.

Плохо прививалась Зубатовская агитация Чувалова. ужином часто велись разговоры о том, что много защитников и печальников о нашем брате бедняке, и кого из них не посмотришь, то или у него ворот рубаги тесен, или на пояске штанов пуговку надо перешить тесно; все они полицейские захребетники.

Весной 1906 года организованных рабочих на заводе было и десяти человек. Большевики были т. Палий Я. Коваленко И. И., Ткачев В. С. Метельский не работал на заводе, скрывался от ареста, но на массовках появлялся. На шахте № 1 большевики: Жуков Т. М., Иванов Степан Черкасов.

Мне было предложено заводскими товарищами перейти в завод, где нужно проводить большевистскую пропаганду. Переход в завод тянулся более месяца, пока была подыскана мне подходящая работа кочегара. Работа при котлах вела по две смены, по 12 часов, стояли вдвоем на четырех котлах, т. е. по четыре топки на кочегара, мусорщиков и шлаковозов не было. В 12 часов дня во время обеденного перерыва чистили топки, вкладывали выпавшие колосники, убирали мусор, шлак и золу, сами же отвозили по 2—3 тачки с каждого котла за 40—50 сажень от кочегарки.

Обеденного времени нам не полагалось, так как во время остановки машин на обед начиналась чистка топок, самая убийственная работа кочегара, после чистки часа полтора поджигали трясутся. Все время работали без остановки, чтобы к первому гудку собрать в котлах давление паров меньше 4 атмосфер. Эти два часа без передышки танцуют у котлов, ешь на ходу; вкусил хлеба, хлебнул ложку супа и за лопатку. За 12 часов работы не присядешь, нет времени как следует пот вытереть с лица, а рубаха мокрая, хоть выжми.

За эту „веселую“ работу получали рубль за смену и за 2 часа обеденных получали полуторную плату, т. е. 15 коп. в час, всего приходилось за упряжку 1 р. 30 коп. Эти тридцать копеек доставались кровавым потом. Не лучшие условия труда были и в других цехах: в литейном надо дышать едким газом сплавов, всегда идешь домой с больной головой от чада и путаешь ногами. В кузнечном цеху редко какой не с обожженным лицом работал, а руки у всех печеные. В котельном от одного стука и лязга головок кругом идет; здесь надо иметь крепкие мышцы, за день в среднем забивали по двести дюймовых заклепок, каждый берет по 25—30 размашистых ударов по оправке полупудовым молотом, таких ударов надо дать 6.000 за день. После такой работы уснешь не умывшись, как убитый; приходишь на квартиру — рад месту, упадешь и не жив. Жена не может будитесь ужинать.

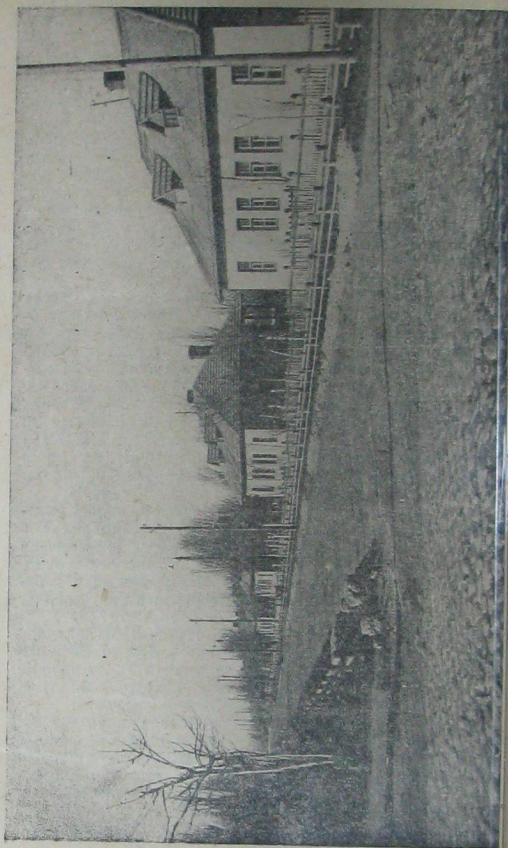
Некоторые рабочие пытались подавать заявления об изменении условий труда фабричному инспектору и окружному инспектору Краевскому. Они вызывали жалобщиков себе в канцелярию, толковали им закон, говорили о том, что теперь нигде и никому даром денег не платят, везде деньги добываются упорным трудом. Ваше дело трудиться, ваше дело тоже не легкое, мы должны следить за своевременной выдачей вашего заработка и безопасностью вашей работы в ваших пехах... Идите, мирно и спокойно отстаивайте, вам известно, что сейчас нет благоприятных условий, заводы терпят убытки и еле хватает средств на оплату жалования. Мы знаем, что условия работы не важны, вы все таки работая вы поддерживаете свое существование. Если же улучшить условия труда и повысить заработок, это приведет к банкротству. Акционерное общество не выдержит, завод закроют, а тогда и того не будет, что вы получаете теперь...".

Между тем революционное движение в рабочих массах усиливалось. Не реже одного раза в месяц проводились нелегальные массовки в питомнике и в Байракском лесу за селеньевкой. Ораторы на них вели агитацию против нового фабричного закона о введении отрубных кулацких землевладений, потому что сельская беднота попадала в кабалу новым узаконенным обиракам. Нам давались задания вести беседы с очередными рекрутами, призывниками на военную службу, чтобы они идя на военную службу знали об истинного своего „внутреннего врага“, мы разъясняли предательскую роль „храбрых семеновцев" и „молодых франгорийцев"...

Весне репрессии увеличились. Началась полоса ожесточенной реакции, охранка работала во всю, подпольную работу вести надо было строго конспиративно, собрания массовки стали собираться реже, в питомнике оперировали только конные стражники. По улицам было запрещено собираться. Как завидит городской вместе человек пять, сейчас кричит: „Разойдись, чего сходки собираете?"

Уржуазия подняла голову выше. На заводе усилились надзирательства над рабочими, мастера цехов еще производнее понижали расценки. Пьяниц, уличных хулиганов не только не следовали, это были „свои люди“, если же тебя замечали с газетой или книгой, сейчас попадешь на учет. Недолго оставалось мне быть на воле. В ночь на 19 сентября 1908 г. в третьем часу ночи я стоял на смене у парового котла с т. Алексеевым И. Ф. Мы только окончили паровую чистку топок паровых котлов, стали поднимать пар. Я наблюдал за манометром и водомерными стеклами. В это время входит городской, за ним жандармский унтер. Городской указал на меня рукой, а жандарм крикнул:

Максименко ты будешь? Следуй за мной". Я говорю: „Мне надо одеться". „Бери свою одежду, оденешься там в канелярии". Я пошел за ним, а за мной городской. У ворот двора нас поджидала линейка, меня усадили и повезли в полицейский участок. Там я пробыл в отдельной комнате, в присутствии жандармского унтера, до 9 часов утра. Тов. Алексеев сообщил жене о моем аресте, она поспешила крестити повидаться со мною, но пристав Кононенко не допустил ее и мне было только передано белье и больше ничего. Мне не разрешали повидаться с семьей.

Подали крытый экипаж. Со мной рядом уселся охранник на кишке с капюшоном, на козлах с кучером уселся со своей „сеledкой" и наганом городской. В три часа дня я был заключен в Бахмутскую тюрьму. Пробыл я там до 28-го августа. В этот день меня вызвали из одиночки в контору тюрьмы и объявили, что я по распоряжению Екатеринославского генерал-губернатора высылаюсь в административном порядке в Тобольскую губернию, в Березовский округ, сроком на три года. Тюремный надзиратель торопил меня скорее собираться. Я одел на себя единственный рабочий пиджачишко, фуражку, взял две пары белья и вышел во двор. Тут уже выстроились в ряд до 30 человек арестованных. На меня одели железные наручники и повели тоже в ряд. Процедура приема арестованных конторами продолжалась с полчаса и мы под командой заехали по шоссе к южному вокзалу. Здесь нас посадили в арестантский вагон и повезли по направлению в Карькову. На протяжении 5000 верст до г. Березова мне пришлось провести десятки пересыльных тюрем, каторжных централов и целую вереницу этапов, заброшенных в подной Сибирской тайге. В Березовский округ я прибыл 30 ноября. Остановился в селе Самарском, где пробыл до 18 августа 1911 года, а 20 сентября я вновь прибыл в Горловку, где и нахожусь по сие время.

ДИВИДЕНДЫ

ФРАГМЕНТ ИЗ ИСТОРИИ ШАХТЫ „ИЛЬИЧ“ В НАДПИСИ

I.

ВЕЛЬМОЖНЫЕ КОММЕРСАНТЫ

Известный русский барин, родовитый аристократ, выдающийся вельможи сын, князь Владимир Николаевич Тенгше, как ему и подобало, почти с детских пеленок значил при особе государя-императора и уже двадцати семи лет с присущим ему достоинством, носил шитый золотом мундир придворного камергера.

„Свет“ любил и уважал молодого князя. Его „светлость“ был скромен, мягок и главное не злоупотреблял своей властью носителя и хранителя золотого ключика от того сугубо интимного места, „куда даже сам царь вынужден был ходить пешком“.

История „славной Российской империи“ богата заманчивыми примерами, когда человек, добившись счастья дежурить у дверей царской уборной, хватал свободной рукой руль правления и мощно зажимал в кулаке суд „святой матушки-Руси“ и становился тем, чем были свое время Бирон, Меншиков, Потемкин и Аракчеев.

Нет, осмотрового князя не соблазняла роль ограниченного в своей власти царского сатрапа. Понимая дух эпохи, Владимир Николаевич желал пойти иным, более верным путем.

Приобрести славу и добиться неслыханной власти можно уже было и без официального титула фаворита — „временщика“. Нераздельным владельцем России все больше — становится капитал. Что это значило — князь полностью давал себе отчет.

Тридцати пяти лет от роду князь сильно увлекся изучением проблемы развития горной промышленности, т. е. Юга России. Его интересовали: донецкий уголь, криворожские руды, никопольский марганец, а больше всего — размеры возможных прибылей от эксплуатации этих природных богатств.

Но князь не имел необходимого опыта промышленника, а главное не доставало ему... соответствующего капитала.

Слишком уже дорого стоило „бедному“ князю кажды

все выше и выше поднимать свой славный род: из 5.600 десятин наследства — у него остался старый прадедовский усадьба и при нем... 450 десятин заложенной в земельном банке земли.

Князь загрустил и решил развлечься на теплых водах. Где-то в Виши или Баден-Бадене Владимир Николаевич познакомился с бельгийским аристократом бароном Де-Макар. Но приятное общество эlegantного джентельмена принесло ему никакого облегчения.

Альфред Де-Макар прекрасно разбирался в русских делах, великая Донецкий бассейн вторым американским Клондайком неисчерпаемых запасов черного золота.

Больше того. Барона просто лихорадило неудержимое желание урвать и себе хоть частицу от тех драгоценностей, которые нерадивые русские так бесстыдно игнорировали.

Однако, одного желания в коммерческих делах, как правило, было мало. Барон имел гонор, незапятнанную честь, а в дополнение к ним — трижды заложенный замок и две тысячи луку при нем. Поэтому ему оставалось единственное занятие — мечтать. Что он, необходимо отметить, достаточно старательно и делал.

Князя Тенишева охватило отчаяние. Увы... даже соединив свои капиталы, они с бароном могли бы только купить несколько листов гербовой бумаги и заплатить нотариусу гонорар за составление им документов на право эксплуатации донецких подземных богатств.

Где-то на стороне нужно было искать необходимых капиталов.

Счастливая случайность... Обоих их — и князя, и милого барона — спас лодзинский первой гильдии купец, Едуард Герст.

Он уже объездил Донбасс, знал его экономическую географию так же доподлинно, как и расположение полок в этих двадцати магазинах. У него были деньги, но ему не хватало главного — солидной протекции влиятельного лица.

В основу всех деловых отношений в горном департаменте были положены взятка и хорошая протекция выдающихся лиц. Этого не скрывали. Об этом откровенно говорили. К сожалению, пан Герbst, купец первой гильдии, видной из фрейлин при царском дворе кумом не признался.

Договорились очень быстро. Князь поставил на кон свое имя, свои связи в большом свете, свой золотой мешок и свою близость к монарху, а Герbst, под все это реальное, но стоящее добро выложил на стол целиком чистого золота червонцы.

Решили организовать акционерное товарищество с уста-

новленным основным капиталом и определенным количеством акционеров-пайщиков.

Едуард Гербст пригласил в товарищество Вильгельм Рау и Роберта Сюрмонда, старых своих компаньонов в деле экспорта за границу дешевого русского сахара.

Уважаемые эти коммерсанты жили постоянно в Германии и были преданными подданными своего доброго кайзера, но это не представляло никакой помехи. И в России, и везде, очень хорошо понимали, что деньги не пахнут.

Пришла и барону Де-Макару счастливая мысль привлечь в компанию своего банкира, господина Карла Делуа.

Банкир охотно согласился на предложение барона, сразу же отдал приказ клерку уменьшить долг барона на десять тысяч франков.

Благодарен был ему барон безмерно. Но взяв в руки перо, с милой улыбкой исправил ошибку банкира: вместо „десяти“, — он четко вывел в приказе „пятьдесят“...

Осторожности ради, банкир Делуа взял себе в компаньоны зарекомендованных клиентов своей конторы — Генриетта-Октавия Пастора и Адольфа Грейнера. Все они были добрые католики и преданные слуги бельгийского короля.

Со временем, чтобы уравновесить „национальное представительство“, в состав товарищества записали дворянина Владислава Александровича Ляского.

Почтенный этот шляхтич растратил свое имение, проиграл приданое жены, проиграл в клубе теткины ломбардные билеты и в то время существовал с того, что исполнял особые князя Тенишева обязанности... камердинера.

Но его двоюродный брат как раз возглавлял ту индустрию, от которой зависела судьба товарищества. Ляский предложил пол акции и двадцать пять рублей единовременно. Уважаемый дворянин подписал устав товарищества и поклялся на второй же день отправиться к „негодяю и болвану Жоржику и если тот сразу же не утвердит устава, расправиться с ним „по гвардейски“.

Господин Ляский энергично выполнил свое обещание, князь Тенишев, помогая ему, в полной степени использовал магическую силу порученного ему золотого ключа.

И неслыханное дело... За каких-нибудь два месяца (18 XII. 1884) появилось на свет новое „высочайше“ утвержденное Южно-Русское Днепро-Донецкое Товарищество, поставившее себе целью добывать и эксплуатировать природное богатство Донецкого бассейна. Основной его капитал в сумме пять миллионов рублей должен был делиться на десять тысяч акций по пятьсот рублей каждая. Первичный взнос основоположников должен был составлять пятьсот тысяч рублей.

Так по крайней мере писалось в „высочайше“ утвержденном

ном уставе товарищества и так буквально должны были понимать его соблазнительный параграф будущие держатели акций, стоимостью в пятьсот рублей каждая.

На деле же господа фундаторы расщедрились лишь на каких-нибудь двести тысяч, необходимых для того, чтобы открыть себе в одном из петербургских банков текущий счет.

Достаточно было и того. Громкое имя князя Тенишева, двора его величества камергера, обеспечивало им полное доверие промышленных кругов, а главное расчищало им путь к неограниченному кредиту государственной кассы.

Значение Донбасса возрастало. Все свои силы направляло правительство на развитие горно-заводской и металлургической промышленности, т. наз. Юга России. Фундаторы нового товарищества получили солидную субсидию при утверждении устава, а еще со временем им любезно была выдана, больших размеров, безвозвратная ссуда.

Фундаторы, конечно, не отказывались, а правительство не знало границ своим щедростям.

Обедневший князь, великосветский авантюрист-барон и кучка бесстыдных, лакомых к наживе негоциантов полными пригоршнями хватили из государственных сундуков пахучие, добытые миллионами трудящихся рубли и с ангельской невинностью записывали их себе в дивиденд.

Барон де-Макар имел потом возможность поселиться в Париже. И когда его спрашивали, что именно представляет собой тот сказочный Донбасс, он авторитетно, с полным пониманием дела, пояснял:

— Донбасс, уважаемые мсье?... Это второе Эльдorado, плюс неопенимая русская глупость.

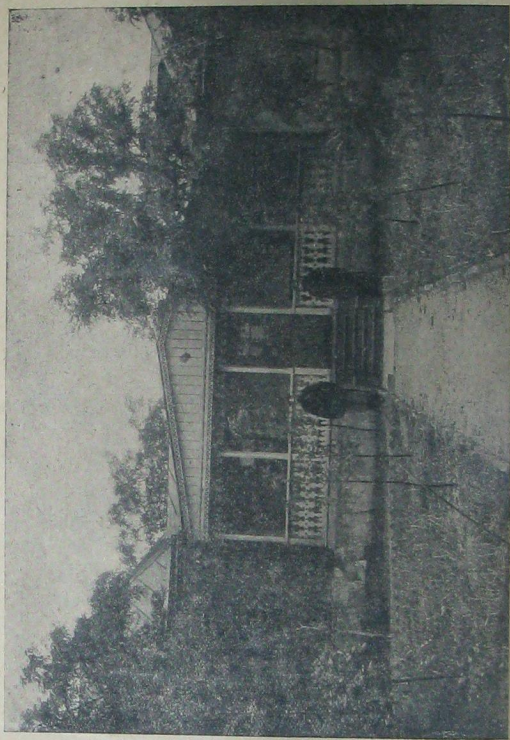
Мечта князя Тенишева осуществилась. Не имея ни полушника за душой, он стал во главе одного из сильнейших промышленных предприятий т. н. Юга России.

Товарищество владело Днепровским металлургическим заводом, кривоворожскими и городищенскими железными марганцевыми рудниками, анненскими, лидиевскими и масимовскими угольными шахтами, а в 1904 году прибрало своим рукам, на особых условиях с Алмазьянским акционерным товариществом, еще и Кадиевскую группу каменно-угольных шахт и металлургический завод при ст. Алмазной.

К той Кадиевской группе принадлежала и шахта „Карл“ Карл Делуа подарил ей свое имя, которой пролетариат Донбасса присвоил теперь бессмертное имя великого альфа.

Золотой ключ сделал князя Тенишева главой эксплуататоров. Товарищество покорило себе земли, воды, леса; товариществу принадлежали неисчислимые богатства глубоких недр. Власть товарищества была безгранична, священна

не подлежала никакому контролю. Тысячи, десятки тысяч людей, клейменных номерами, обязаны были послушно и покорно выполнять волю могущественного товарищества — акционеров.

Труд этих существ, — их пот и кровь целиком принадлежали товариществу; жизнь, счастье, смерть — все это зависело от высшей воли господ-акционеров.

Лучшею частью Юга России завладел русско-бельгийско-германский капитал. Эксплоатация трудящихся в этом благословенном крае приобрела утонченнейшие формы. Разрывы ежегодных дивидендов помрачали разум господ акционеров. И они... и они требовали от своих директоров и управителей... добиться повышения ренты на их капиталы в крайней мере еще на сто процентов.

Требования эти повторяло каждое общее собрание участников обжорливого товарищества.

Рента...

Рента — вещь высшего порядка; она бестелесный дух, вечно витающий где-то в надземных высотах и животворящей силой своею оплодотворяющий жизнь.

Рента...

Ей противны раздор, злоба, ненависть; тот, кому выпадет счастье питаться щедротами святой ренты, тот есть существо вполне совершенное, лишенное абсолютно всяких страстей.

Рента есть единая движущая сила жизни.

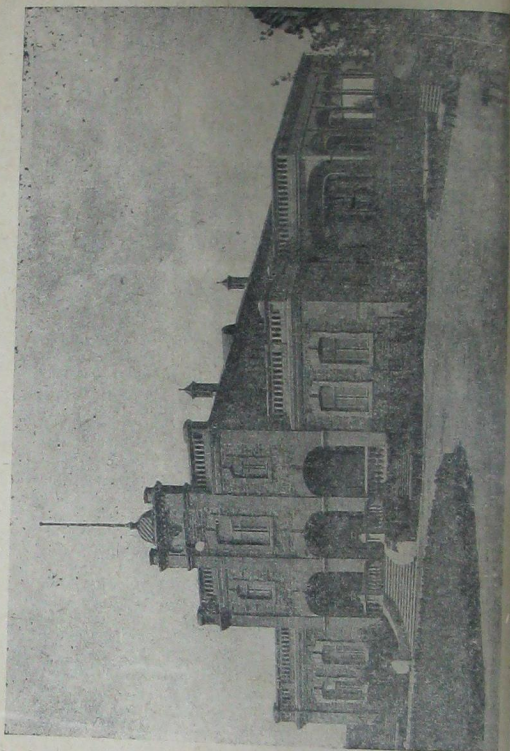
Так думали и в этом были уверены господа-акционеры. Генрих Коперс (Ессен-Рур, Германия) Джон Пик (Шеффилд, Англия) и директор Кадиевской группы шахт доказали на практике, в деловых своих взаимоотношениях непоколебимость принципа:

Интересы держателей акций — выше всего...

Ежегодная спекуляция

Договор имел четырнадцать печатных страниц; он вмещал в себе несчетное количество пунктов, примечаний и предупреждений; составили его опытные, высокооплачиваемые юрисконсульты Днепровского металлургического товарищества, а на немецкий язык перевели присяжные переводчики; договор широко трактует права и обязанности каждого участника великого промышленного гешефта и ясно намечает путь его развития и окончательного завершения.

29 января 1911 года Генрих Коперс (Ессен-Рур, Германия) явился перед Южно-Русским Днепровским металлургическим товариществом построить для него за свой собствен-

счет и своими собственными средствами 240 коксовых печей с рекуперацией и регенерацией, а также рекуперационный завод для переработки побочных продуктов коксования и завод серной кислоты.

При чем как печи, так и заводы должен был Коперс оборудовать так, чтобы они выдавали для товарищества миллионы пудов доброкачественного металлургического кокса ежегодно, или 106.950 пуд. в сутки при нормальной, а при форсированной работе.

Со своей стороны, товарищество обязалось засыпать коксовые печи такого качества углем, какое имело бы в себе от 18 до 24% летучих веществ и влажности до 11%. 160 печей из общего числа 240 печей условились построить на том месте, где стояли старые печи товарищества. Коперс обязался разобрать старые печи товарищества своими средствами, а товарищество отдавало ему за это бесплатно весь пригодный строительный и огнеупорный материал из разобранных печей.

Выполняя поставленное перед ним требование, Коперс обязался построить и передать товариществу первые две группы печей (по 40 печей в каждой) вместе с газовыми аппаратами и дымовыми трубами, газопроводами, башнями для угля и транспортерами, а также и жилищные помещения для рабочих — не позже 1 апреля 1912 г.

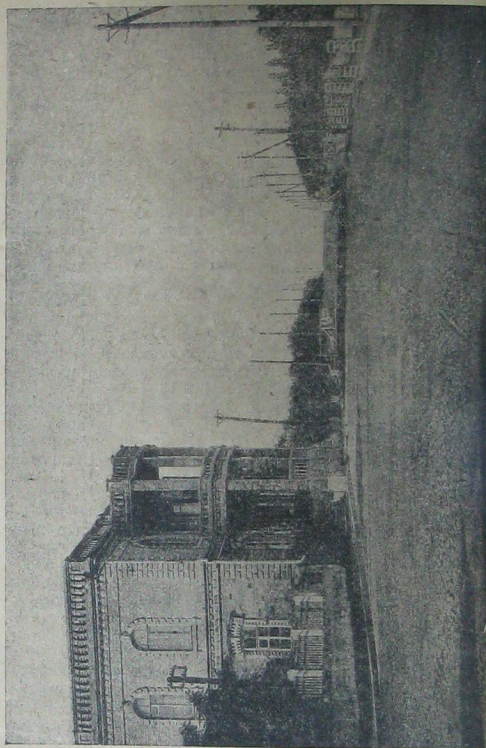
Одновременно с первыми двумя группами (дивизиями) коксовых печей Коперс должен был построить оба завода — для рекуперации побочных продуктов коксования и производства серной кислоты. Поэтому Коперс должен был передать их товариществу не позже 1 апреля 1912 г. 160 коксовых печей Коперс выговорил право строить и передавать товариществу постепенно: 80 — 1 января 1913 года; 40 — 1 октября 1913 года; последние 40 — 1 января 1914 г.

Все расходы Генриха Коперса на эти сооружения представляли собою довольно солидный капитал и вряд ли где-нибудь иной, кроме него, отчаялся бы заключить с членами Днепровского товарищества подобный договор. Финансовый эффект от которого был достаточно predictable.

Как думали в компетентных кругах, знакомых с донецкою промышленностью. У многих же были еще и другие причины сочувствовать „бедному“ Коперсу.

В кругу членов биржевого комитета деятельность Днепровского товарищества получила вполне недвусмысленную оценку.

В таких сутяг, таких бесстыдных плутов и воротил, какими были господа директора-распорядители товарищества (Ясюкович, Делуа, Емил, сын fundатора Карла

ду, Кислянский) — трудно было найти среди уважаемых промышленников.

Несчастные акционеры Алмазьянского товарищества, которые на горе себе попали в лапы днепровских пройдох, могли бы много чего интересного рассказать об их деятельности и тех странных способах, кикими они наговорили сумасшедшие дивиденды своим акционерам.

Конеч Генриху Коперсу... Плакали его „кровные“ дельцы... Честное слово, пустят его днепровцы с сумою под мышку... Глупый немец... Сумасшедший немчура...

Но Генрих Коперс не испугался днепровцев-разбойников. Строив собственными средствами Днепровскому Товариществу 240 печей и два завода, он удовлетворился очень скромною подачкою. Генрих Коперс не гнался за большими прибылями.

На покрытие вложенных Коперсом капиталов Днепровское Товарищество обязалось передавать бесплатно в полное пользование Коперса на протяжении восьми с половиною лет абсолютно все продукты, которые будут отходить, при работе на 240 коксовых печах, тридцати девяти миллионов тонн металлургического кокса ежегодно.

Рекуперационный завод и подсобный при нем завод серной кислоты на протяжении всех восьми с половиною лет или даже до тех пор, пока товарищество не сожмет в построенных печах 298 млн. пуд. кокса (по 39 млн. пудов ежегодно) — должны были находиться в бесконтрольное владение Коперса.

А на них-то и предполагал он окончательно перерабатывать все выброшенные амониакковые продукты на твердые амониакковые соли, а также превращать жидкую смолу в твердую и соответствующие минеральные масла.

Вся выручка от продажи рекуперированных побочных продуктов и коксования шла в пользу одного лишь Коперса. И это право сохранялось за ним на протяжении всех восьми с половиною лет. И только после этого срока, и заводы, и заводы и все оборудования, все сооружения и даже жилищные строения для рабочих переходили в полную собственность Днепровского Товарищества.

Генрих Коперс должен был оставить Кадиевку с одним чемоданом в руках...

Ему искренно сочувствовали, его предупреждали и советовали не бросать денег на ветер. Бедный гер Коперс... Эти изворотливые дельцы из Днепровского Товарищества говорят из вас, честного наивного немца, банкрота, нищего... Генрих Коперс молча благодарил добрых советчиков и, грустною, положив руку на сердце, отвечал:

— Их подписал контракт... Поздно...

Но... Именно в том кармане, который прикрывал собою бессердечные переживания бедного Коперса, именно там

сохранялась у него тоненькая записная книжка, исписанная длинными строками загадочных цифр. И цифры те оживали, двигались и символами высшего утешения привыкали к пораженному сердцу.

Да, бедный, наивный Генрих, да... Ты выберешься. Кадиевки после восьми с половиной лет тяжелой работы с одним лишь пустым чемоданом. Тебе может быть и извозчика придется занять у кого-нибудь из добрых ветчиков...

Между тем... чемодан тот будет наполнен чековыми книжками на текущие счета в немецких, английских, французских банках и, на всякий случай, в Шанхайском и Токйском отделах известного американского банкирского дома. Выведенные в записной книжке цифры убедительно доказывали, что достаточно будет двухгодичной выручки за те скромные амониакосодержащие соли, смолы и минеральные масла, чтобы с лихвой покрыть все его „рискованные“ предприятия и на печи и на заводы.

А шесть с половиной лет... Их несчастный Генрих Копер разумно использует на то, чтобы набить чемодан билетами государственной кассы, сертификатами и разноцветными чековыми книжками.

Сроки выдержаны. Рядом с шахтой „Карл“ выросли длинные ряды новых коксовых печей с шестью выходящими трубами, просторные цеха и лаборатории двух заводов. Коперс добросовестно работает, чемодан его быстро наполняется.

Почему так быстро... Директор Кадиевских рудников с недоумением подсчитывает количество вагонов с рекламирированными продуктами коксования, отправленных агентами Коперса на станцию Алмазную... Что-то их слишком много... Если будет так итти и дальше, то достаточно будет господину Коперсу еще какого-нибудь года, чтобы вернуть затраченный капитал...

В Петербург на имя директоров Правления поступил из Кадиевки соответствующего содержания докладная записка, с двумя-тремя хитроумными советами. Однако принимать какие-либо меры против Генриха Коперса ему не пришлось. Хорошая „свинья“, которую готовились ему „подложить“, осталась жить только в детально разработанном проекте.

Война 1914 г., как это ни странно, положила конец скрытой враждебности и сделала интересы Коперса кровно связанными для управителей Днепровского Товарищества, которые готовились было проглотить уважаемого Коперса вместе с его переработанными минеральными мастилами.

Генрих Коперс, как известно, был одним из подданных „добраго“ германского кайзера. Русское правительство

вестрировало его предприятия, передав их во временное пользование дирекции Кадиевских рудников.

Пророчества некоторых членов биржевого комитета сбылись полностью.

„Бедный“ Генрих Коперс отправился на станцию Алмазную с ценным литером до германской границы и одним единственным чемоданом в руке...

Конец несчастному Коперсу...

Капут... Крышка...

Тоезд тронулся. Коперс улыбнулся и с удовольствием перелопачивал. Устроившись удобно около окна, он достал карманную книжку и на третьей странице вывел: „Джон Пикк (Шеффилд, Англия)“.

Имя этого уважаемого джентльмена Коперс впервые вспомнил во время длинного и секретного разговора с прибывшим в Днепровку главным директором Днепровского Товарищества единолично Ясюковичем.

Разговор длился далеко за полночь и закончился обоюдным подписанием небольшого, но суто конфиденциального документа. Содержание подписанного договора условились не оглашать впредь, пока один из корпусов доброго немецкого кайзера не продефилирует вдоль Невского Промышленного проспекта. А, что это должно было случиться самое большее через три-четыре месяца, в том оба „высокие“ договорные стороны нисколько не сомневались.

Все хорошо, все прекрасно. Чтобы то там ни случилось, но Коперса, интересы не потерпят в России ни малейшего вреда. Об этом побеспокоятся, во-первых, господа акционеры Днепровского Товарищества, а во-вторых, уважаемый Джон Пикк (Шеффилд—Англия).

Возвращаясь на родину вышепоименованный Коперс шел тихий, успокоенный и вполне счастливый.

ГЕНРИХ КОПЕРС ЛЮБИТ ДОБРЫЙ НЕМЕЦКИЙ НАРОД

В Южно-Русском Днепровском Металлургическом Товариществе, как известно, преобладал германско-бельгийский капитал. Дальнейшая участь русского отечественного капитала в эксплуатации захваченных товариществом богатств Донецкого бассейна ограничилась присутствием на общем собрании акционеров роскошного камергерского двора русского аристократа, князя Тенишева и ежегодной выдачей ему довольно солидного вознаграждения, как „главному управителю“ Товарищества.

Князь Тенишев и дворянин Ляский, которые значились среди основоположников Товарищества, служили акционерными визитными карточками, перед которыми открывались

неприступнейшие двери и теми универсальными ключами с помощью которых они хозяйничали в государственных кассах, получая кредиты и безвозвратные займы.

На этом и ограничилась промышленная деятельность ясного князя и его старшего лакея г. Ляского.

Спустя несколько лет после организации Товарищества господин Ясюкович Игнатий Игнатьевич, поляк по национальности, присоединил свои свободные средства к бельгийско-германскому капиталу и стал вскоре главным директором-распорядителем правления, продержавшись в этом посту с 1905 до 1914 года.

Старые кадиевские шахтеры кадровики еще и до сих пор с лютой ненавистью вспоминают Ясюковича. Гонимый шляхтич и бешеный шовинист, он признавал людей только благородных поляков; русские, украинцы, белоруссы значились у него под общим названием „нестоящая быдла“. Кадиевский директор, управляющие отдельные шахт, инженеры, штейгеры, десятники, конторщики, счетоводы—все были поляки по происхождению, всех их повар писывал г. Ясюкович с милой ему Речи Посполитой.

Многолюдная польская колония в Кадиевке жила замкнуто, обособленно, заселив определенные улицы, развлекаясь в своем закрытом клубе, посещать который просто „быдлу“ строго воспрещалось.

Обращалась польская гонористая администрация с порочным ей рабочим населением Кадиевки, как порочествовало то английским или французским капиталистам с укрошенными туземцами Мадагаскара или Ямайки.

По инициативе дирекции шахты в Кадиевке долгое время существовали магазины, т. н. „Общества Потребителей Русских“ с достаточно солидным оборотным капиталом. Кадиевцы на самом деле магазины „потребилки“ обслуживали „русских потребителей“, видно хотя бы из того, что, скажем, за аршин ситцу с русского или украинца брали 15 копеек, а с поляка 10 копеек.

За одинаковую работу в шахте поляк получал примерно 1 руб. 20 копеек за упряжку, а не поляку платили только 80 копеек. Протесты были ни к чему. Они всегда служили лишь основанием к увольнению с работы и принудительному выселению наглого протестанта за территорию колонии.

Во главе Кадиевского круга представителей зоологического национализма и жгучей ненависти к подчиненным „быдлу“ стоял в свое время Иосиф Михайлович Дворжанчик, известный по шахтинскому процессу, как один из главных руководителей группы инженеров-вредителей.

Иосиф Дворжанчик был воспитанником господина Игнатия Ясюковича; он вырос и выбился в „люди“ под его властной рукой.

Колония польской технической интеллигенции в Кадиевке считалась образцовой. Господа акционеры Днепровского товарищества, которому она преданно служила, не имели никаких оснований в чем-нибудь упрекнуть своих наемников. Они старались, ночей не досыпая, стерегли интересы своих хозяев. Дивиденды росли ежегодно и размерами ими сбивали с толку самих держателей акций.

Милость удовлетворенных хозяев могла разнежить червейшие сердца. Щедрой рукой раздавало правление своим верным слугам всяческие таптыемы, вознаграждения, премии. Больше всего их, конечно, приходилось на долю директора Кадиевских шахт и заводов, господина Кржижановского, постоянного заместителя Иосифа Дворжанчика. Назначенные ему за „труды“ 3% из общей суммы чистых прибылей от Кадиевских шахт и заводов доходили в некоторые годы... до 100 тысяч рублей.

Однако, хозяева все-таки оставались только хозяевами—и больше. Тот же матерый высокооплачиваемый слуга Кржижановский чувствовал это на собственной спине.

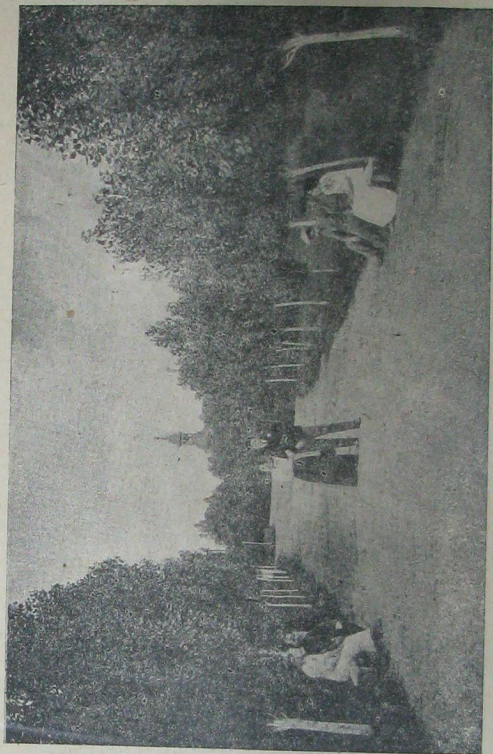
Господа акционеры были обыкновенными плутами, прекрасно понимающими секреты „двойной“ бухгалтерии и соизвляющими себе из этого искусства источник доходов. „Единого“ Кржижановского они обегорили за два только года на 203.752 руб. 79 коп.

Вместе с Кржижановским под действие „двойной“ бухгалтерии подпало также и „несчастное“ Алмазнянское Товарищество, с которым днепровские акционеры должны были по-братски делиться чистой прибылью от предприятий Кадиевской группы. Но это обстоятельство ни в малой мере не утешало тогда г. Кржижановского. По крайней мере жалобы его в коммерческий суд были составлены далеко не в шутиливом тоне.

Случай с Кржижановским—случай совсем не исключительный. Господа акционеры, как правило, пользовались всяким предлогом для того, чтобы прилично по-отцовски вытащить каждую копейку из кармана своих верных слуг.

С особенным же искусством уважаемые патроны стригли вышнюю часть своих слуг—директоров и различных управляющих, видя в них, и не безосновательно, будущих конкурентов в погоне за высокими дивидендами.

И это так. Не проводи они, скажем, директора Кржижановского сразу на двести тысяч, этот душой и телом преданный интересам Товарищества инженер-специалист быстро заделался бы собственником двух-трех шахт. А купить их и притом почти задаром у крестьян соседних дел не было сложным делом. Относительно этого существовал богатый опыт, и им пользовались как только могли.

Так называемый «Народный Парк», в котором веселилась и отдыхала исключительно перушка рудничной администрации.

крестьянские „ямы“ и „збайки“ многих и многих выдвинули первые ряды солидных капиталистов.

Понятно, что обманутые директор и управляющие не авались в долгу. Как и чем могли, возмещали они при-тенные им мошенничеством акционеров убытки. Средств стигнуть этого было множество. Выбирали, конечно, са-ые прибыльные и безопаснейшие.

Уменьшить, например, в годовом отчете добычу угля каких-нибудь сотню, вторую вагонов и перепродать на-адные на этот скромный груз агенту соседа-шахтовла-дльца не составляло никакого труда и считалось делом лне „законным“.

Последним директором Кадиевской группы шахт и заво-ыл инженер-технолог Михаил Иванович Семашко, ково прозванный шахтерами за свой мягкий характер... бакой“.

Человек больших коммерческих талантов, Семашко за еродолжительное время своего директорствования успел ихоньку купить где-то на Донщине порядочный кусок ели с шахтами на ней. Но шахты требовали капитального монта и переоборудования, а денег на это не было. Дело хт один из „талантов“ Семашко.

На станцию Алмазную в адрес Управления Кадиевских ат прибывали десятки вагонов с лесом, рельсами, цемен-листовым железом, машинами и проч. Полноправным ином их был директор Семашко. По его приказу часть вагонов с рельсами, лесом, цементом переадресовыва-на станцию Таганрог с дубликатом на „предъявителя“. ечего рассуждать по поводу того, что предъявителем дубликатов был штейгер самого господина Семашко... иректор и управляющие, даже конторщики и сче-и бессовестно расхищали доверенное им имущество, а каемые собственники, зная об этом, на каждом шагу и в всяком случае безжалостно стригли и брили своих хих слуг. Мошенничество приобретало обоюдный харак-и стало, наконец, служить основанием добрых взаимо-шшений хозяина со слугою.

Существовала своеобразная этика: „Ты меня, я — тебя, ыносить сор из избы, боже сохрани...“

строго придерживаясь правил этого требования, и боль-и малые жулики находили путь к мирному сотрудни-езу и быстро понимали способы полюбовной ликвидации таликтов, которые бывало временами возникали на почве шком уж неприкрытого и наглого „хапуна“.

его ради, собственно, ссориться им и портить хорошие звые взаимоотношения.. Ведь источник этих благ был и тот же — труд рабочих.

принимались соответствующие меры. Усиливались при-

теснения и репрессии, увеличивались штрафы и наказания; снижались расценки оплаты труда; внедрялся т. н. „мелкий“ режим; на дело технической безопасности тратились мизерные копейки—угроза несжиданных обвалов и взрывов тяготела над сотнями и тысячами шахтеров.

Когда же высосанных таким образом денег становилось недостаточно, тогда обращались в Правление казенной железной дороги и сбывали ему двух-трехгодичные запасы никудышнего, забракованного покупателями угля. В управлении железной дороги сидел целиком „свой“ человек. Угольный мусор шел за высококачественное минеральное топливо, которое имеет в себе каких-нибудь 12% золы.

Результаты подобной деловой „операции“ вскоре давали о себе знать.

Лопались котлы, паровозы, отопливаемые „высококачественным“ топливом, сериями выходили из строя, долгими рядами стояли они на паровозном кладбище.

Настал год 1914. Империалистическая война с ее экономическими и политическими сдвигами и осложнениями в какой мере не изменила отношения акционеров с верхушкой своих испытанных прислужников. Ничего нового прибавило это историческое событие и к установленной системе эксплуатации труда и средств обогащения капиталистов высокими дивидендами.

Во главе Кадиёвской группы шахт и заводов стоял тогда не раз уже упомянутый Кржижановский. Как и раньше, так и теперь он руководил доверенными предприятиями. Дивиденды росли, акционеры не жаловались.

Правда, с объявлением войны и дачей заказов на обмундировку, методы борьбы с непокорными рабочими несколько модифицировались. Власть директора, усиленная чрезвычайными законами военного времени, стала неограниченной диктаторской.

Уменьшены расценки, увеличены нормы добычи. Объявлялось это особенностью момента и потребностью жер на „алтарь возлюбленной родины“. Ежедневно возникали одиночные конфликты, количество же групповых протестов, общих забастовок, не взирая на строгость режима, даже увеличилось по сравнению с предыдущими годами.

В тоне и содержании требований чувствовалось нечто новое, до тех пор неведанное—страшное и неслыханное. „Бог, царь, нация, многострадальная наша родина“ об этих высоких вещах громко трактовалось не иначе, как с примесью красочных примеров из жизни и „подвига“ Распутина.

Вместо того, чтобы сажать закованных в кандалы б

арей и „предателей родины“ в тюрьмы, дирекция десятками отправляла их на фронт, подальше на передовые позиции от пули „супостата“.

Но на свободное место в забое или к печам необходимо было кого-то поставить. Тогда господин Кржижановский отправлял агентов на Дальний Восток, и те присылали в Кадиевку эшелоны китайцев. А если и их не хватало, спускали под землю и ставили у печей плененных „врагов“: немцев, австрийцев, мадьяр.

Предприятия работали бесперебойно, полным ходом. Что же касается предприятий Генриха Коперса, обыкновенного в то время немецкого подданного, то беспокойство о них со стороны Днепровского Товарищества приобретало какой-то особенный характер...

В архивах найдены исключительной ценности документы. Их содержание представляет в достойном освещении высокие патриотические чувства господ владельцев Кадиевских заводов и лишний раз подчеркивает „их безграничную преданность „многострадальной родине“.

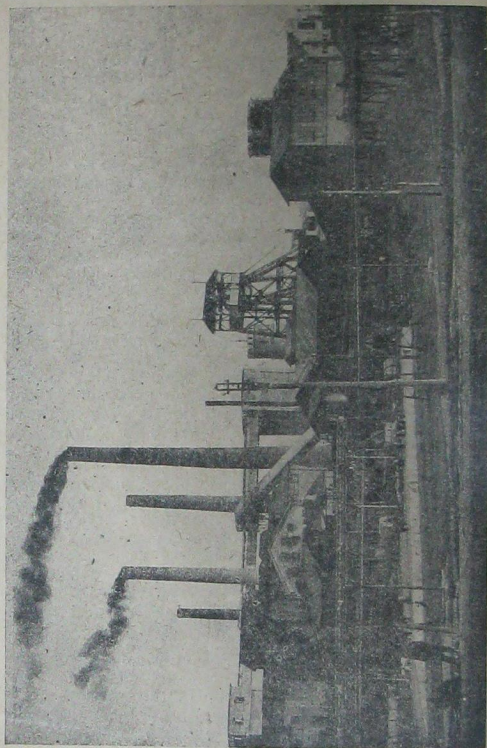
Не мало отрадного рассказывают они и о добродушном и корыстолюбивом Генрихе Коперсе, который больше всего жалал своего воинственного кайзера и безумно любил свой добрый немецкий народ.

Заводы его в Кадиевке секвестрировало военное министерство и, пока что, передало их во временное управление Кадиевской дирекции. Генрих Коперс не пал духом, спокойно покинул Россию. Это и была первая жертва предателем возлюбленной родины.

Но...

Но упомянутые документы дерзко приподнимают завесу и показывают нам добродушного Генриха Коперса за сетным ночным разговором с господином Ясюковичем, главным директором-распорядителем Днепровского Товарищества: милая беседа эта состоялась накануне изгнания Коперса из России и отличительное содержание ее теперь уже легко передать. Не составляет труда определить в ней особое место и Дж. Пикк (Шеффильд—Англия)...

Документы вещь уважаемая... Хотя имеем мы всего пятьдесят писем, но их достаточно. Они дают нам возможность восстановить долгую и упорную борьбу Днепровского Товарищества с военным министерством за ненарушимость интересов Генриха Коперса, а также и интересов самого Товарищества, прочно связанных с заводами Коперса. Предложенные ему условия работы на защиту родины ни в какой мере не удовлетворяли сумасшедших аппетитов акционеров. Только соответствующей тактикой они могли заставить военное министерство подписать с Товариществом такой договор, какой продиктует оно само.

о времени тактика Товарищества блестяще себя проявила.

Вобщем же документы ставят нас перед тем фактом, что Днепровское Товарищество считало для себя малейшие неудобства, связанные с защитой страны, тяжелым несправедливым наказанием, а потому и открещивалось от них всеми возможными способами.

Комитет Защиты организовал на Орловско-Еленевском заводе (в 7 км. от Кадиевки) центральную районную мастерскую для производства пушечных снарядов. Ставя известность об этом радостном событии директора Кадиевских предприятий, правление сообщало ему о своем пожелании освободить его от участия в издержках на оборудование этой мастерской. Хватит, мол, и того, что оно строило аналогичную мастерскую на своем Днепровском заводе...

Заводы Коперса (рекуперационный и серной кислоты), зарегистрированные правительством, сразу же после объявления Германией войны и до декабря 1916 года находились в контрольном владении Кадиевской дирекции. От этого, естественно, Генрих Коперс ничего не потерял, ибо заводы работали бесперебойно и приносили ему сказочные при-

были. Мало уважаемых лиц перебивало за два года в Кадиевку. Приезжал туда, между прочим, и штабс-капитан Липинский, которому был поручен контроль выполнения заводских заказов на взрывчатые припасы и серную кислоту. Все его попытки продвинуть вперед дело участия Коперса в защите отчизны не имели никакого результата. Выехал он из Кадиевки сильно рассерженный.

Главное артиллерийское ведомство, используя право секвестра, намечало себе, во-первых, завладеть заводом серной кислоты с тем, чтобы всю его продукцию использовать на нужды защиты, а во-вторых, переоборудовать агрегаты рекуперационного завода под производства абсолютно необходимого бензола.

Его планы оставались планами на бумаге до того времени, пока в Кадиевку не приехал „сам“ генерал-майор Ипатьев, председатель комиссии при главном артиллерийском управлении в деле заготовки взрывчатых веществ.

Товарищество принуждено было уступить, но не раньше, чем генерал Ипатьев согласился платить ему за кислоту по своему расчету за пуд: себестоимость, включая в нее и расходы на покупку уральского колчедана, издержки на оплату рабочей силы и плюс от 10 до 15% чистой прибыли. Этот гешефт давал господину Коперсу при всех возможных комбинациях неслыханный заработок.

История приезда в Кадиевку генерала Ипатьева очень

сложна и, как это ни странно, вызвана не так его доброволь и природным для него чувством патриотизма, как неотложной необходимостью любой ценой ликвидировать неприятный инцидент, который приобретал характер международного народного скандала. А не случись этого, вряд ли Кадиев пришлось бы лицеизреть импозантную особу уважаемого воина.

Приезду генерала Ипатьева предшествовало такое обычайное происшествие.

Леонид Федорович Давыдов—член Правления Днепровского Товарищества спешно выехал из Петрограда в Кадиевку. Правление поручило ему встретить там с надлежащим уважением комиссию французских военных инженеров, которые интересовались делом изготовления Донецкими заводами взрывчатых припасов для нужд действующей армии. Было известно, что господа французы ехали в Кадиевку с определенными инструкциями и должны были поставить дирекции совсем недвусмысленный вопрос: когда же, в конце концов Кадиевские заводы Генриха Коперса начинают работать на защиту союзного государства... И вторые, какие именно причины мешали дирекции прийти на помощь родине еще два года тому назад...

Встретили союзники господина Давыдова очень и очень не приветливо. Разговор был слишком короткий, но острый и до жути неприятный. Давыдов растерялся и послал правлению тревожное письмо с намеком на генерала Ипатьева.

Давыдов информировал, между прочим, правление, что у французской комиссии, как лично заявил ему о том господин Градье, один из членов ее—сложилось такое впечатление, что кадиевская администрация не очень охотно встретила их пожелание, как можно быстрее построить безоловый завод. И больше того, это уже пахло настоящим скандалом. Комиссия заметила в администрации такую тенденцию слишком уже ретиво оберегать интересы Коперса.

Паника, испуг. В правлении только теперь раскусили наконец, что Генрих Коперс, собственно говоря,—представитель враждебного государства. Разве же допустить было оберегать, да еще и „слишком ретиво“, интересы заклятого врага...

Нужно было спасать хорошую репутацию честного товарищества.

Сам председатель правления отправился в военное министерство и там на свое счастье в вестибюле познакомился с генералом Ипатьева. Христом богом просил он его немедленно выехать в Кадиевку и принять от дирекции эти „проклятые“ заводы Коперса. Разумеется, все издержки га...

и обычные и необычные—правление охотно принимает свой собственный счет.

Только благодаря „злостным интригам“ французского генерала Гравье, генерал Ипатьев очутился 6-го декабря 1904 года в далекой Кадиевке, а добрый Коперс неожиданно вошел в число злейших врагов „дорогой отчизны и возлюбленного монарха“.

С тех пор заводы честного германского промышленника Коперса начали ускоренно работать на нужды защиты Российской империи. Изготавливаемыми на его заводе газами и патентованными припасами „русское православное воинство“ не только не уничтожало дорогих ему хороших немцев.

Коперс грустил, Коперс погибал от тоски. Ужасная вещь... Приходила в голову безутешному Коперсу одна важная мысль, и он сразу успокаивался. Дело в том, что в родной Германии он имел точно такие заводы, как и в России. Слава богу. Выходит, что изготавливаемыми на них снарядами газом храбрые немецкие солдаты безжалостно уничтожали „грязных русских свиней...“

Радость бедного Коперса была быстропроходящей. Пришлась сразу ему миниатюрная Бельгия... Пресвятой Богородице. Таким образом и все его Бельгийские заводы работали сейчас на защиту этой враждебной его нации страны. Снабжаемыми собственными снарядами, снарядами фирмы Генриха Коперса бельгийский король попадает просто в трон доброго германского кайзера.

Коперс поймет всю глубину душевной трагедии несчастного капиталиста...

Вот готово колесо... Генрих Коперс безнадежно махал рукой. С наслаждением доставал с полки тяжелый гросс-бух. Он аккуратно разлинеенные странички этой своеобразной семейной библии фирмы „Генрих Коперс“ могли утешить окончательно разбитое сердце.

Страница тридцать вторая. На этой заветной странице Коперс собственноручно с присущей ему точностью записывал, когда именно и какими суммами переводили ему деньги и бельгийские коллеги-акционеры надлежащие отчисления от его секвестрированных предприятий.

Дж. Пикк (Шеффилд—Англия)...

Директор Ясюкович честно выполнил обещание. Прибыль от кадиевских заводов Коперс получал хоть и небольшими суммами, однако достаточно аккуратно. И странная вещь... Если переводило ему само правительство империи, то правительство, которое секвестрировало его предприятия считало их своею собственностью вместе с прибылями от них.

Оказалось это очень просто. Дирекция Днепровского общества обращалась с письмом в особую канцелярию

кредитной части министерства финансов и „покорнейше“ просил перевести на имя, примерно, фирмы Дж. Пик (Шеффилд — Англия) 16.880 английских фунтов стерлингов в уплату стоимости заказанных товариществом 20 врубловых машин. К требованию присоединился билет о внесении на текущей счет особой канцелярии указанной суммы в русской валюте. И все.

Что касается Дж. Пикка, старого клиента известной фирмы „Генрих Коперс“, то ему совсем не приходило морочить себе голову вопросом, что делать с перечисленными из России суммами.

Инструкции господина Коперса, согласованные с правлением Днепровского Товарищества, не оставляли места ни для какого сомнения и кривотолкам. Регистрируя „заказы“ из далекой России, уважаемый Дж. Пик кривил губы и без злого успокоения думал:

— Еще один заказ на 20 врубловых машин системы „Гарди-Патент“... Эти варвары жаждут лучших марок... В всяком же случае „механизация“ донецкой угольной промышленности проводится усиленными темпами и... и... очевидно положительно отражается на активе господина Коперса.

Кадиевка.
Декабрь 1933 г.

БЕНЮ-ФРИЦИС" *)

ГЛАВА ИЗ ИСТОРИИ ХАРЬКОВСКОГО ЭЛЕКТРОМЕХАНИЧЕСКОГО
ЗАВОДА-ШКОЛЫ **)

„Рабочим всячески мешают соединяться: либо прямым и зверским насилием в таких странах, как Россия, где нет политической свободы, либо отказами брать на работу таких рабочих, которые проповедуют учение социализма, либо, наконец, обманом и подкупом“.

(Ленин, Избр. произв. в 6 том., 1933, том I, стр. 473).

Было еще совсем темно. Двадцатилетний токарь Иоганн разбудил своего младшего брата:

„Вставай, Фридрих, пойдем со мной на завод! Я покажу такую штуку, какая нашему деду и не снилась.“

Фридрих был на двенадцать лет моложе брата. Но по утрам, когда брат, вернувшись с завода и пообедав, вошел у своего верстака, он, не сводя глаз, следил за его работой.

Первые годы ученичества Иоганн проходил у отца на реку Двины. Там, против старинной статуи Лелайс Кристальской ***) , по преданию переправлявшего через реку, была строительная верфь. Отец Иоганна работал кузнецом. Он же вместе с матерью, приносившей обед, приходил и Фридрих. Строили буксирный пароход. Фридрих приходил к отцу, и глаза его, синие, как волны Даугавы ****), вытравываясь, глядели на руки отца, сильные, загрубелые от работы, ловко орудовавшие тяжелым молотом.

Отец с братом Иоганном мыли руки в Даугаве и садились обедать. Потом, когда мать брала Фридриха за руку, чтобы идти домой, он все оглядывался на работавших отца и Иоганна. Ему не хотелось уходить.

Так прозвали в Риге электриков. В переводе на русский язык — „Молния“.

Харьковский Электромеханический завод - школа (ХЭМЗШ) возник в 1915 году на основе эвакуированного из Риги завода „Всеобщей Компании Электричества“, бывшего Акционерного Общества „Электра“.

Большой Кристалл.

Латышское название Двины.

Фридрих думал о том, когда, наконец, он вырастет большим, как отец, или хотя бы как брат Иоганн, и научиться так же ловко владеть молотом и делать из полыхающего железа ровные, будто аккуратно выточенные, предметы.

„Какая-нибудь новая машина“...—думал Фридрих, идя рядом с братом.

Когда они пришли на завод Фельдзера, там еще никого не было. Все было, как обычно, только с середины потолка свешивался огромный пузырь из матового стекла в форме яйца.

Постепенно цех наполнялся людьми. Кроме рабочих машиностроительного и литейного завода Фельдзера, пришли токарь, слесаря и кузнецы с Балтийского вагоностроительного. Они спешили протиснуться вперед, торопясь к своим работам. Рижские краутеры*) закрыли с утра мастерские и вместе со своими подмастерьями и учениками пришли сюда. Были и просто любители технических новинок, начиная от парикмахеров и кончая зубными врачами. Всем интересно было посмотреть на чудо.

Было еще рано. В цеху стоял полумрак, рассеиваемый одинокими газовыми рожками. Вдруг рожки потухли. Фридрих расширил глаза от изумления. В стеклянном пузыре что-то затрещало, появились искры, ярко обозначились двоящиеся друг к другу острями уголька, напоминавшие толстые цветные карандаши, и между ними сверкнул ослепительный свет.

Фридрих чуть не вскрикнул от восторга. Неменьший восторг охватил и всех присутствующих. На дворе только рассветало, сквозь закопченные окна едва проникал слабый свет. А в цеху было светло, как в полдень, даже еще светлее, конечно, светлее!

Когда гости вдоволь налюбовались зрелищем, их повели в машинное отделение и показали привезенную из заграницы динамомашину мощностью в сто лошадиных сил.

Большое впечатление произвела лампа и на рабочих Фельдзера. Молча смотрел на ее немигающий свет, стоя у станка, токарь Иоганн Паллас, и в задумчивых светлых глазах его роились новые, ею рожденные мысли.

Большой выдумщик, изобретатель, токарь Иоганн Паллас очень интересовался техническими усовершенствованиями. По вечерам у самодельного домашнего верстака он подолбывал корпус, забывавая об отдыхе, над своими конструкциями. Электрическая машина словно глаза раскрыла Палласу. С этих пор его внимание направилось в сторону электрической техники.

Кто привез из заграницы динамомашину, так никто

*) Цеховые мастера.

Группа рабочих бывш. „Русско-Балтийского электротехнического завода“ (1900 г.). Крайний справа во втором ряду— Пауль Ленерт. Первый справа в нижнем ряду—Карл Калнин, награжденный орденом Трудового Красного Знамени.

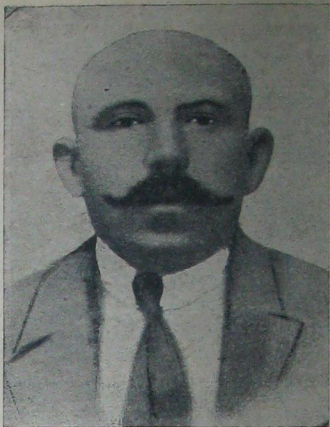
омнит. Кто знает, может быть, и здесь не обошлось участия оптика Деттманна, сыгравшего впоследствии тную роль в развитии электропромышленности в старой раторской России.

наделец оптической мастерской на Герренштрассе*)
их Деттманн имел деловые связи у себя на родине, вейцарии, с электротехнической фирмой „Эрликон“. ириимчивый оптик угадал в электричестве растущую почуюл начало новой эры в технике и быстро сообразил, подобных случаях зевать не следует. Правда, он не электротехником. Ну, что же, почему не заняться этим м, если на нем можно хорошо заработать? Фирма икон“ выпускала удивительные конструкции электрих машин. Стоит установить хотя бы в одном месте о машину, и слава о Генрихе Деттманне разнесется ей Риге. За ним будут бегать, ему не дадут покоя:

Гер Деттманн, когда вы установите у нас динамо-ну? Гер Деттманн...

еттманна станут разрывать на части. Его мастерская силах будет выполнять бесчисленные заказы. Он ет новых рабочих—десятки, сотни рабочих. Он станет

(Господская улица.

Тов. С. И. Покко („Деттерманн“), с 1914 г. участник революционной работы на ВЭК'е. В 1916 г. сослан за организацию забастовки. Один из руководителей борьбы в 1917 г. г., член Горсовета и Петинского райпаркома.

хозяйном огромного завода. Он будет выполнять заказы для всей Риги, для всего Прибалтийского края, для всей России, даже для Германии. Имя Генриха Деттманна прогремит по всей Европе. И отовсюду к нему потекут деньги.

Такие и им подобные мысли не давали покоя жадному до наживы предпринимателю. В один из серых рижских дней Деттманну поручили установить электрическое оборудование в городском немецком театре.

Это был знаменательный день. Сам городской голова пожал ему руку. Городской голова любил поговорить, любил блеснуть красноречием:

— Гер Деттманн, — сказал он, — керосин и газ не могут удовлетворить возросшие потребности нашего культурного общества. Вы, конечно, слышали: в Париже, в Опорто, Вене сгорели театры. То же самое, может быть, ждет и нас. Прекрасное здание, роскошные декорации, над которыми трудились лучшие, талантливейшие художники, в один вечер могут превратиться в пепел. Мало того... Вы знаете, что такое толпа? А знаете ли вы, что такое паника? Во время хода действия где-нибудь в углу раздается дикий пронзительный крик: „Пожар!“ И вдруг загрохотали стулья, поднялся крик, вой, визг, сотни людей бросаются к выходу... Мужчины, сильные мужчины, широкоплечие, с мускулистыми шеями, дают детей, ста-

топчут их ногами... О, гер Деттманн, разве вы не видите, что такое людское стадо? Сотни людей могут погнаться, и не найдется ни одного, кто крикнул бы: „Спасение! Времени очень много... Вы все спасетесь до последнего, если не будете думать каждый только о себе, а подумаете о том, что не вам одному нужно жить и наслаждаться жизнью“...—Городской голова передохнул и перешел к делу:—Гер Деттманн, мы возлагаем на вас большие надежды. Театр нашего славного старого города должен иметь образцовое электрическое оборудование. Сцена должна сверкать огнями. Когда нужно будет для хода действия, на сцене должна быть лунная ночь, а через мгновение, если это необходимо автору пьесы, должен занять свой солнечный день. Тогда мы сможем сказать, что наша старая Рига имеет настоящий европейский театр, и иностранные консулы, пребывающие у нас, смогут сравнить наш театр со столичным театром в Мюнхене, и, клянусь, мы ударим лицом в грязь. Вся надежда на вас, гер Деттманн!

Герих Деттманн внимательно слушал речь городского головы, и почтительная улыбка не сходила с его губ. В этом деле,—думал Деттманн,—есть, конечно, определенная доля риска. Оборудовать театр — это гораздо сложнее, чем отремонтировать медицинский прибор. Но где сказано, что Деттманн должен произвести эту работу своими силами? Почему ему брать на себя такое рискованное дело? Какое отношение к городскому магистрату, кто будет устанавливать машины в городском театре: сам Деттманн, силами своей мастерской, или монтажная группа какой-либо заграничной фирмы? Герих Деттманн берет на себя ответственность за окончание работы в срок—вот что важно!“ Установка электрического оборудования в рижском городском театре стоила Деттманну больших хлопот. Зато когда Деттманн сидел в первом ряду партера, в том же зале, где сидел „господин полицеймейстер“ города Риги, и смотрел на сцену, где переливались огни разноцветных люстр, молниеносно превращающих реальнейшую будничную действительность в волшебную феерию, в фантастическую сказку, он думал о том, что, кроме автора и артистов, публика обязана своим удовольствием, о котором говорит ее детский восторг и несмолкающие аплодисменты, и ему, оптику Гериху Деттманну. И вслед за этой мыслью пришла другая: с этого момента начинается его жизнь: отныне оптик Деттманн начинает вырастать в купца Гериха Деттманна, а в недалеком будущем—и фабриканта. Электрическая станция в городском театре была своего рода пионером электрификации старой Риги. Она давала энергию для освещения других общественных зданий. В

высокоротжественные дни, пользуясь ее энергией, устраивали в городе иллюминацию. Рижские мальчишки, да и великовозрастные пашпуйки*) взбирались на столбы и, осмелев, прикасались к разноцветным лампочкам.

— Что ты делаешь: убьешь!—кричали снизу.

— Вот так штука!—воскликали в восторге рижане:— не горит и светит...

Генрих Деттманн не ошибся в своих ожиданиях. После успеха с оборудованием городского театра его осаждали заказами.

Это было время своеобразной кустарной электрификации. Тут и там в кварталах старой Риги, в домах состоятельных обывателей устанавливали динамомашины, и роскошно обставленные квартиры и лестницы заливались ослепительно ярким светом. При машине, приводимой в действие керосиновым двигателем, работал всего один человек. Расчетливые домовладельцы охотно передавали за определенную плату пользование энергией своим соседям. В пределах квартала это допускалось, не разрешалось только протягивать провода через улицу.

В жизни старой Риги возникло дотоле небывалое явление—новый профессиональный тип. Это был „Зибеню-Фрицис“ („Фриц-Молния“). С неожиданной быстротой появлялся всюду, где требовался свет, лазил по столбам, по крышам домов, устанавливал кронштейны с блестящими белыми изоляторами, натягивал провода.

Где-нибудь в сарайчике, на черном дворе, он устанавливал керосиновый двигатель, прилаживал динамомашины, в две лошадиных силы, и возникала домашняя, кустарная электростанция. Стоило повернуть выключатель на мраморной доске, и мигом засверкают окна во всех этажах дома, на лестницах, в передних, во дворе станет светло, как днем, и видна будет каждая соринка. И все это оттого, что в сарайчике, на черном дворе, чуть слышно пытит маленький двигатель и бесшумно вращается ротор динамомашины.

„Зибеню-Фрицис“—электрик—стал героем дня. Чем был в сравнении с ним старые цеховые мастера и подмастерья. Узкие специалисты, отправляющие свои ремесла, как сотни лет тому назад, неспособные создать что-нибудь новое. Не то что он, человек-молния, рождающий молнию и сам неподобившийся ей по быстроте и подвижности, с которой всюду появлялся, делал свое дело и уходил.

В такой период всеобщего увлечения электричеством нетрудно было развить свое дело ловкому и предприимчивому человеку, на практике знакомому с техникой, каким являлся Генрих Деттманн.

*) Пашпуйк — по латышски „свой парень“.

Старейшие производственники ХЭМЗШ'а.
герои труда и краснознаменцы.

Ленивая русская промышленность, кормившаяся казенными заказами и дотациями в центрах императорской России, спешила с проникновением на окраины. Прибалтика с ее немецкой культурой, господством немецких баронов не привлекала русских Кит-Китычей.

Зато Германия в поисках рынка для своей растущей индустрии не могла обойти Прибалтийских губерний. Территориальная близость, удобные морские пути сообщения, господствующий немецкий язык, — все это в огромной степени облегчало проникновение в Прибалтику немецкого капитала.

Немецкие фирмы создали в Риге свои представительства. Они снабжали рижскую полуремесленную в то время промышленность машинами на выгоднейших условиях. Мало того, что машина давалась в кредит на длительные сроки, — кредитующие фирмы принимали все меры, чтобы облегчить выплату долга. Чего только ни делали они, стремясь захватить рынок!

Первое время машины доставлялись в собранном виде. Когда русское правительство обложило ввоз готовых металлических изделий высокими пошлинами, положение изменилось, и вместо готовых машин стали ввозить детали. Это дало толчок развитию промышленности в городах

Прибалтики. Стали возникать промышленные фирмы. И часто под громкими вывесками почти ничего не было: какое-нибудь предприятие, именовавшееся машиностроительным заводом, на самом деле, только собирало подешевленные из-за границы детали и ставило на машине свою марку. Число рабочих на таком заводе исчислялось, в лучшем случае, десятками. Специалисты, технические руководители предприятия, даже рабочие высокой квалификации присылались из-за границы.

В промышленности господствовал в то время принцип „свободной конкуренции“. Европейские банки охотно оказывали кредит предпринимателям, которые по надлежавшей все-сторонней проверке оказывались кредитоспособными. Под видом помощи они опутывали своих клиентов тысячью нитями и ставили их в полную зависимость от себя. Фабрикант, кичившийся своей фирмой, оказывался попросту приказчиком одного из германских банков.

Это было по существу. А по внешности владелец предприятия казался солидным деловым человеком, самостоятельным и независимым.

Обогащение, нажива — вот что было основным стимулом деятельности этих людей. Вино и женщины — вот что было украшением и содержанием их жизни. Эти свойства вместе с ловкостью и предприимчивостью соединял в себе и Генрих Деттманн.

— Бабник и пьяница... — говорили о нем близко знавшие его рижские предприниматели. — Ну что ж! Так оно и должно быть: энергичному и деловому человеку как не позволить себе маленькую шалость? Для всего время найдется... — снисходили добрые соседи к чужим, а заодно и к своим слабостям.

Первый успех — оборудование городского театра — имело большое значение для Деттманна. С того времени он начал работать самостоятельно, рассчитывая на силы своей мастерской.

Вскоре засверкал огнями „Гевербеферайнзаль ин Рига“ — зал ремесленного общества. Затем Деттманн установил электрическое освещение на ремесленно-промышленной выставке. Это было в 1883 году.

Почтенные краутеры, выросшие в капиталистов, держали в своих руках городское самоуправление в Риге. Деттманн был среди них своим человеком. И нет ничего удивительного в том, что Деттманну, оборудовавшему городской немецкий театр, осветившему зал ремесленного общества и павильоны ремесленно-промышленной выставки, на этой же выставке „за усердие и крупные успехи“ была присуждена медаль.

Деттманн не обольщался наградой. Он прекрасно понимал семейный ее характер: сегодня наградили его, а завтра

вместе с другими наградят еще кого-нибудь. И тем не менее медаль доставила ему радость. Она словно закрепляла его позиции. На торговых бланках, в преискурантах, на эмблеме будущего завода, — рядом с фирмой будет красоваться медаль с гербом города Риги. Это неплохо! Не полагается... Обеспечено доверие заказчиков, кредит банков и поставщиков сырья...

★

Мелкие предприятия вырастали в заводы и фабрики. Новые мастера частью превращались в крупных хозяев. Первое время они сохраняли еще патриархальные традиции, можно было наблюдать на семейном торжестве за столом хозяина десятка три-четыре рабочих. Понемногу картина менялась. Место цехового подмастерья занимал фабричный рабочий.

Старые обычаи, сложившиеся в мастерских цеховых мастерских, переходили вместе с людьми в крупные предприятия, вытеснявшие ремесленников. То же четырехлетнее обучение у мастера, те же подзатыльники. И только по окончании учебы ученик становился равным в рабочей среде. Чтобы получить звание подмастерья, он должен был выполнить пробную работу. Это был решающий момент в его жизни. „Пробу“ обязательно надо было всприснуть. Товарищи ученика и подмастерья во главе с мастером направляли извозчиков и направлялись в загородный ресторан. В конце Александровской улицы, при въезде в город, были старинные Александровские ворота. Кто знает, кто когда их построил, ибо название получили они уже после долгих лет своего существования. За воротами начиналось Петербургское шоссе. С левой стороны шоссе, где впоследствии вырос вагоностроительный завод „Феникс“, находился ресторан Лерха под названием „Аркадия“, с правой — „Эльдорадо“. Здесь молодой человек держал вторую пробу: он должен был показать, что он уже мужчина: умеет зарабатывать, не жалеет денег на угощение товарищей.

Таким же всприскиванием сопровождалось поступление на новую работу. Плохо приходилось тому, кто отказывался от товарищей. Ему не было житья на новом месте: мастер, товарищи по бригаде — все принимали меры, чтобы свести новичка, и рано или поздно это им удавалось. Эти обычаи, занесенные, может быть, еще из средневековья, от старых цеховых мастерских, были перенесены и на крупные предприятия, одно за другим возникавшие в старой Риге.

Невдалеке от „Эльдорадо“ в направлении станции „Александровские ворота“ Риги-Псковской железной дороги, на

участке земли, принадлежащем купцу Августу Форбеку, была небольшая фабрика сапожных гвоздей.

В двадцать девятого октября 1885 года купец Август Форбек внес на утверждение строительной комиссии при Рижском магистрате проект пристройки к фабрике одноэтажного каменного фабричного здания для производства котельного толя при том же паровом двигателе и удлинения сарая для устройства котельного помещения.

Через два года земельный участок вместе с построенной на нем фабрикой был укреплен Рижским магистратом торговым домом „Братья Камарины“ — владельцами фабрики свинцовых белил — на углу Суворовской и Перновской улиц, больше известной под названием „Фабрики смерти“. В помещении фабрики стоял вечный свинцовый туман. Свинцовая пыль до того губельно отражалась на организме рабочих, что там нельзя было проработать больше двух недель подряд, не рискуя жизнью. Никаких мер борьбы с такими условиями на производстве хозяева не принимали. Им было тратить деньги на оборудование, когда за стенами завода стояли всегда наготове „саулес-бали“ *) — безработные, готовые две недели глотать свинцовую пыль, чтобы просуществовать затем некоторое время впроголодь, пока не удастся поступить опять на работу, может быть, на ту же „фабрику смерти“. Позже, когда стало разгораться рабочее движение и по Риге пошли гулять „черные шкуры“, к „саулес-бали“ присоединились рабочие, уволенные с заводов за участие в забастовках. Их нигде не принимали, кроме „фабрики смерти“. Здесь не разбирались, может сделать за какие-нибудь две недели самый лучший агитатор среди пестрых, меняющихся каждый день сменяемых работающих? Самое большее — это, уходя с работы, послать проклятие ненавистным владельцам „фабрики смерти“, ни во что ставящим здоровье и самую жизнь рабочего.

В двадцать второго января 1888 года тот же участок на Рижском шоссе от братьев Камариных перешел во владение Генриха и Арнольда-Энгельберта Деттманнов. Генрих Деттманн умел находить нужных ему людей. В этом деле это было особенно важно. Заказы росли, а специалистов электротехников в Риге не было. Высокий светловолосый токарь Иоганн Паллас возился со всеми конструкциями. Электрические машины, обладающие скрытой, непонятной энергией, приковывали его внимание. Для Деттманна он был самым подходящим человеком. Серьезный, непьющий, интересующийся делом, — что

*) „Солнечные братья“. Так называли в Риге безработных, имевших реальную возможность непрерывного общения с солнцем.

может быть лучше для прозорливого, знающего толк людях предпринимателя?

В тысяча восемьсот восемьдесят седьмом году Фридрих Паллас проходил еще учебу у старшего брата на заводе Фельдзера, а спустя полтора года Иоганн Паллас встретился с Деттманном.

— Гер Паллас! — сказал Деттманн. — Я хочу предложить вам выгодное дело.

Паллас посмотрел на Деттманна своими светлыми спокойными глазами.

— Я хочу предложить вам место у себя на заводе, продолжал Деттманн: — вы будете зарабатывать больше, чем у Фельдзера, и к тому еще вы сделаете блестящую карьеру. Электротехника — дело новое, и толковый человек каким является вы, много может успеть... Что же, вы согласны?

Электричество давно не давало покоя Палласу. Не было ему нужды преувеличением сказать, что он только и ждал такого приглашения, можно сказать, мечтал о нем, и потому коротко ответил:

— Согласен.

В механической мастерской Деттманна была тогда всего лишь какая-нибудь пара станков. Маслобойни, лесопильни, часовые дома — такова была в первое время клиентура Деттманна. За одним из станков стал токарь Иоганн Паллас. Дело пошло веселее.

Деттманн был щедр на обещания. На деле оказалось совсем так. „Щедрый“ хозяин назначил Палласу за одиннадцать часов ежедневной работы всего двенадцать рублей в неделю. Вместе с аккордными работами это составило первую получку ноября 28 рублей 36 копеек. Во вторую получку Палласу причиталось 22 руб. 16 копеек, но он получил ровно двадцать два рубля; чья-то бухгалтерская рука, подводя баланс, округлила сумму, переделав 53 копейки за аккордную работу на 37, и 16 копеек оставили в кассе „Русско-Балтийского Электротехнического завода“. Таким образом, месячный заработок Палласа вместе с приработком составлял рублей 50. Это была самая высокая плата для рабочих завода Деттманна. Якобсон, опытный monter, зарабатывал и того меньше. Младший monter Фогель получал в месяц рублей двадцать. Столяр Года — рублей до тридцати пяти. Плотник Драбше еще меньше. Что уж говорить об учениках! Евгений Виш, Оскар Берзинг, Альфред Литтемани, Иоганн Вильцин и Гринфельд за шестьдесят шесть часов еженедельного труда получали всего по пятидесяти копеек. Казалось бы, что может быть меньше одной копейки в час, при общепринятой часовой оплате, но и с этой жалкой суммы хозяин, „отец и благо"

етель", путем того же округления умудрялся снимать каждую неделю по шестнадцати копеек.

Деттманн не ошибся в своих расчетах: Иоганн Паллас был для него ценнейшим человеком. Каждая новая машина привлекала любознательного толкового токаря. Не было такого поручения, которое заставило бы его призадуматься. С июля 1890 года Паллас был уже назначен „веркфюрер“ — вводящим производственной частью. Это было связано некоторым повышением оклада. Теперь Паллас получал шестьдесят рублей в месяц. Это была высшая ставка на Русско-Балтийском Электротехническом заводе. Правда, предшественник Палласа Эльцен добился повышения до семидесяти пяти рублей в месяц и, кроме того, получил ратификацию *) в сумме двадцати пяти рублей. Но, кто знает, может быть, это и послужило причиной его ухода. Паллас был скромнее: каждый месяц в графе „кредита“ его личного счета неизменно фигурировала одна и та же цифра.

Дело росло. Деттманн часто ездил по делам за границу: закупал материалы, договаривался о необходимых для выполнения заказов кредитах. И каждый раз перед его отъездом в квартире Иоганна Палласа появлялась подвижная, низмистая фигура хозяина.

Иоганн Паллас не пил, но для почтенного гостя у жены в буфете всегда была припасена бутылочка, и рюмка прошого вина облегчала распорядительному хозяину предание инструкций остающемуся на время его отсутствия главным лицом на заводе Палласу.

Иоганн Паллас был правой рукой Деттманна. Это было живительное сочетание: толстяк Деттманн, добывающий кредиты, материалы и заказы — типичный рыцарь наживы, — сосредоточенный, ушедший в себя, молчаливый токарь Паллас, которому спать не давал неутомимый гений выдумки. Не зная отдыха, он вечно корпел над своими конструкциями, как ребенок, радовался каждой новой машине, своей электрической установке.

Стол от ножной швейной машины с вертящимся колесом Иоганн Паллас приспособил под станок и по вечерам, идя с завода, подолгу возился за ним. Трудно было оторвать его от этой работы.

— Иди, Иоганн, кофе простынет! — звала его жена ужина.

— Сейчас, сейчас! — отвечал Паллас и неизменно выпил кофе уже холодным.

За границу Деттманн ездил часто. И когда он возвращался, в мастерских чувствовалось оживление. Подбавлялись материалы, появлялись новые солидные заказы.

*) Вознаграждение.

Получалось впечатление, что настоящий хозяин завода не здесь, на Петербургском шоссе, а где-то там, за границей, а Генрих Деттманн—только уполномоченный его, доверенный его фирмы по делам в Риге.

Когда Деттманн уезжал, Иоганн Паллас оставался по-прежнему хозяином, ходил по мастерским, распоряжался.

А хозяйство было немалое. Дом Деттманна в немецком стиле, покрашенный в серую краску, выходил к Петербургскому шоссе. За домом был раскинут аккуратный небольшой садик. Из ворот длинный узкий двор вдоль забора отгораживавшего сад, вел в обширный двор, где был расположен завод.

Вместе с Деттманном в усадьбу на Петербургском шоссе пришли каменщики и плотники. Плотник Ратнек пришел даже раньше—в тысяча восемьсот восемьдесят шестом году работал на постройках у Форбека и дождался Деттманна. С тех пор началась для строителей горячая пора. Фабрика сапожных гвоздей, а затем кровельного толя должна была превратиться в завод электрических принадлежностей.

Денег у Деттманна было мало. Но ждать нельзя было, дело не стояло на месте. Первое время он производил небольшие работы по внутреннему оборудованию. Установил станки. Набрал рабочих. Вблизи станции „Александровские ворота“ вырос „Русско-Балтийский завод электрической аппаратуры“.

По существу, завод мало чем отличался от мастерской в городе. Но Деттманн уже видел будущие пристройки, новые корпуса, которые должны были на этом месте вырасти. Ведь пока, в старом здании, можно было только собирать полученные из заграничной машины и, сбив заграничную марку, вывести большими буквами на станине полукругом: „Русско-Балтийский Электротехнический завод в Риге“.

Но это еще не делало погоды. Тем более, что пошлины на металлические изделия росли, и надо было от сборов по чертежам привезенных из заграничной детали переходить к производству машин по тем же заграничным чертежам собственными силами. Пришлось строить свою меднолитейную. Четвертого апреля 1890 года купец Генрих Деттманн подал в строительную комиссию Рижского магистрата проект сооружения фабричного здания для устройства литейной и формовочной.

Видно, частые поездки за границу подкрепляли ресурсы предприимчивого фабриканта. Он беспрерывно строил, пристраивал, перестраивал. И вместе с расширением завода росла и крепла уверенность его в своих силах.

По мере того, как росло дело и богател Генрих Деттманн, росло благоговение перед ним семьи токаря Иоганна Палласа. Хозяин, по твердому убеждению жены Палласа,

вывел мужа в люди и даже хотел послать его за границу учиться. По этому поводу между ними происходил, примерно, такой разговор:

— Гер Паллас!

— Я в с слушаю, гер Деттманн!

— Знаете, что мне пришло в голову?

— Не могу знать, гер Деттманн!

— Мне пришло в голову, что из токаря Иоганна Палласа вышел бы совсем неплохой инженер-электрик.

— Весьма возможно, гер Деттманн.

— Но для этого вам необходимо поехать учиться в Берлин.

— Вполне понятно, гер Деттманн.

— Вы знаете, дело мое выросло. Мне нужны технически образованные руководители. Вот я и думаю отправить вас за границу.

— Как вам будет угодно, гер Деттманн.

— Конечно, при первой возможности...

Время шло, а возможность все не представлялась. От времени до времени разговоры эти в разных вариациях повторялись, и, по странной случайности, как раз тогда, когда Иоганну Палласу, к тому времени уже шефу монтеров, поручалось особо трудное и ответственное дело, иногда связанное с длительной отлучкой из города.

Генрих Деттманн был подлинным представителем своего класса. Правда, он не склонен был к откровенно-грубым методам эксплуатации, которые он считал признаком культурной отсталости. Но зато он знал другие, более действительные средства. Он умел задобрить, обласкать, обнадёжить, пообещать что угодно — золотые горы, чтобы легче покорить человека, сделать его своим послушным орудием. Обещания можно и не выполнять — обещание не вексель: в суд не потянут; когда нужный человек будет использован до конца, можно от него освободиться, для приличия отдавшишь необременительной для дела подачкой. Эти методы, усвоенные и проверенные им в оптической мастерской на Герренштрассе, Деттманн целиком перенес на завод.

★ ★ ★

Всякий раз по возвращении из командировки Паллас находил изменения. Он ходил по мастерским, останавливался у станков. Все привлекало его внимание, заставляло его удивляться. Казалось, все происходило на его глазах, и, однако же, как быстро рос завод... Он вспоминал, как поступил к Деттманну в тысяча восемьсот восемьдесят девятом году. Тогда это был маленький заводик электрических принадлежностей. Два токарных станка с трудом успевали изготавливать приспособления для привозимых

за границы динамомаши́н. Это было все, что можно было сделать при том жалком оборудовании, которым располагал в то время Деттманн. Но за несколько лет завод расширялся, вырос. Сейчас уже было пять токарных станков, одна литейная для изготовления медных деталей.

Первого января тысяча восемьсот девяносто третьего года жизни „Русско-Балтийского электротехнического завода“ произошло событие большой важности. В этот день завод приобрел в собственность два патента на изготовление динамомаши́н новой конструкции.

Самое изобретение произошло раньше. Еще шестнадцать октября тысяча восемьсот восемьдесят девятого года был выдан патент № 11534 на идею волнообразной обмотки, а двенадцать девятого мая тысяча восемьсот девяносто второго года—второй патент за № 6535—на построение тихоходных динамомаши́н с колесообразным якорем.

Имя изобретателя, впервые сконструировавшего динамомаши́ну в технически отсталой императорской России, вскоре было забыто. Кому нужно было это имя? Кого интересовало изобретение, не имевший никаких средств, никаких возможностей для применения своей конструкции на практике?

Генрих Деттманн не был изобретателем электрических машин, каких бы то ни было иных машин. Но зато Генрих Деттманн был достаточно изобретателем по части овладения и использования чужих мыслей и открытий. Да к тому же у него были все возможности для применения новой конструкции на практике. Правда, его завод был еще небольшим предприятием, но все же он имел свою кузницу, одну литейную. Он располагал несколькими десятками рабочих, работавших в мастерских его завода, и группой опытных монтеров, во главе с шефом монтеров Иоганном Класом, человеком, на которого он мог положиться, как на самого себя. К тому же Деттманн располагал тем, чего не имел изобретатель тихоходной динамомаши́ны с колесообразным якорем и волнообразной обмоткой,—Деттманн имел деньги и кредит в русских и заграничных банках, а это давало ему возможность с небольшими затратами сделать чужое изобретение своей собственностью с такой же легкостью, с какой он делал своим послушным орудием нанятых им людей.

Собственная конструкция давала сильнейший толчок развитию завода. Новая машина была запатентована в Германии, Бельгии, Франции, Италии, Швеции, Норвегии, Австро-Венгрии, Соединенных Штатах Северной Америки, Англии, Швейцарии и Дании. Никто во всем мире не имел права изготовлять тихоходную динамомаши́ну с колесообразным якорем и волнообразной обмоткой системы „Русско-Балтийского электротехнического завода в Риге“.

Мечты Деттманна сбывались. Веселый толстяк, чреватый угодник, больше всего в жизни думавший о себе, о своей семье, о детях, оставивший себя всеми удобствами в доме со службами на Петербургском шоссе № 19, на окраине Риги, становился важной персоной. Машины его завода должны были пойти на мировой рынок. Из ловкого дельца, умеющего наживать состояние на сборке и продаже иностранных машин, Деттманн станет крупным промышленником, делящим владычество на мировых рынках с крупнейшими электротехническими фирмами. Отныне он не станет уже униженно кланяться в поисках кредита перед иностранными банкирами и заводчиками. Напротив, он сам будет диктовать им свою волю...—Так думал Деттманн.

Он сам ходил по заводу, наблюдал за работой, отдавал распоряжения мастерам, следил за отправкой заказчиков машин и аппаратуры и думал о том, как все это разрастется, как будут суетиться сотни и тысячи людей, выполняя его волю—волю купца и фабриканта Генриха Деттманна. Как именовался он в строительных проектах, то и дел представляемых им в строительную комиссию при Рижской магистрате.

В тысяча восемьсот девяносто четвертом году Деттманн выпустил на прекрасной бумаге объемистый проспект своих машин и аппаратуры. Плотная зеленая художественная обложка с изображенными на ней медалями и названием фирмы вызвала представление о большом заводе, но грубо выработанное изображение на первой странице до смешного не гармонировало с общим впечатлением. В расположенном горизонтально яйцеобразном овале было изображено несколько домиков, и только длинные хвосты дымовых труб должны были свидетельствовать о грандиозности производственных процессов, совершавшихся внутри.

Но стоило войти внутрь, и грандиозные представления рассеивались, как дым. Пять токарных станков—это было совсем немного для мирового рынка... Разделение труда было проведено слабо. Слесарь, собиравший электрические машины, сам ставил катушки, сам обтачивал шкивы, сам строгал и сверлил. Большая часть из этих операций производилась вручную. Ручное сверло приводилось в действие натягиванием обыкновенной пеньковой веревки, о которой до сих пор еще вспоминают старейшие кадровики завода.

Нельзя сказать, чтобы Деттманн не видел этого и не учитывал должным образом. Но он не унывал. Он верил, что все это не надолго, что скоро его завод вырастет и догонит крупнейшие заводы Германии.

Над овалом была фирма, а вплотную к нему примыкала рамка с надписью на немецком языке: „Специальность—динамомашинны“.

Главное место в проспекте было уделено подробному описанию новой конструкции и наставлениям, как ею пользоваться, как обеспечить чистоту помещения, предотвратить порчу машины от внешних влияний, как смазывать и чистить. Описание было дано на немецком и русском языках снабжено рисунками и таблицами чертежей.

Тут же в проспекте была помещена фотография, изображавшая электрическую станцию с четырьмя такими же динамомашинами общей мощностью в шестьсот двадцать лошадиных сил. Дальше был приведен перечень электрических установок до момента выпуска проспекта, всего сто сорок установок в различных городах, на предприятиях, магазинах и частных домах.

Еще дальше — таблицы с изображением и описанием электрической аппаратуры. Здесь были: лампы накаливания, оправы для них, штепселя и кнопки, грушевидные металлические и деревянные выключатели с украшениями, выключатели на камне, коммутаторы, однополюсные выключатели с рычагом, сейчас называемые рубильниками, патроны Эдиссона, полный ассортимент для работы „Зибеню-Фрицис — Фрица-Молнии“.

Здесь были измерительные приборы: вольтметры, амперметры, гальваноскопы, морские вольтметры для кораблей, автоматические регуляторы напряжения, предохранители, мутационные доски, дуговые лампы и реостаты, чугунные столбы для дуговых ламп, кронштейны и люстры, съемные приборы, угли, стеклянные абажуры, тюльпаны, трапезники, арматурные части для ламп, бра и подвесы, всякая арматура для ламп, установочный материал, провода для электрического освещения, кабели, аппараты для аккумуляторов, самые аккумуляторы.

Конечно, далеко не все это изготовлялось на „Русско-Балтийском электротехническом заводе“, но все решительно было доставлено заказчику по первому требованию завода. И в конце проспекта, чтобы не оставить уже никаких сомнений в том, что, связавшись с заводом, не придется ни о чем беспокоиться, приводились рисунки паровых машин „Вестингауз-Стендарт“ и „Вестингауз-Компаунд“. И паровой двигатель для электрических установок готов доставить завод по первому требованию своему клиенту...

★

Когда слесарь Пауль Ленерт ушел с завода Рихарда Дитте и поступил к Деттманну, „Русско-Балтийский электротехнический завод“ был в периоде самого быстрого роста. Чтобы делать крупные машины, установили динамомашину на „Балтийском вагоностроительном заводе“, две динамо-

машины по сто пятьдесят киловатт на фабрике резиновых изделий „Проводник“ и на заводе бывшем Фельдзера.

Вскоре после поступления к Деттманну Паулю Ленерт представился случай применить свой опыт, приобретенный еще у Рихарда Поле. Динамомашинны приводились в действие керосиновыми двигателями. Эти двигатели получились из за границы, и на „Русско-Балтийском электротехническом заводе“ не умели еще подходить к ним, как от того требовали. Старый механик долго возился, стремясь пустить двигатель, но так ничего и не добился.

В первый раз Ленерта позвали к хозяину. Он немного смутился от неожиданности, не понимая, зачем он понадобился Деттманну. Деттманн смерил его взглядом с ног до головы — Паулю было тогда всего двадцать три года — сразу определил, что Ленерт принадлежит к разряду талантливых людей, которые ему полезны, и из которых он может выжать все, что ему нужно, без особых затрат и без всякого риска его стороны. Прищурив глаза, он сказал:

— Ленерт, говорят, что вы умеете обращаться с двигателями. Это правда?

— Конечно, герр Деттманн, — оживившись и почему-то покраснев, ответил Ленерт, — ведь я имел с ними дело у Рихарда Поле...

— Прекрасно, — с удовлетворением заметил Деттманн, — тогда вы для нас — настоящий клад: ведь мы уже думаем выписывать специалиста из заграницы. Ну-ка, покажи свое искусство! Если удастся, мы вам этого не забудем. Примитесь за дело, работайте, если понадобится, день и ночь: мы вас не обидим. Только бы был результат...

Ленерт принялся за работу. Дело было в понедельник. Ленерт разобрал двигатель, тщательно почистил отдельные части, вновь составил и пустил. Двигатель работал великолепно — всякой похвалы. Ленерт недоумевал, почему с ним так долго и безрезультатно возились... В субботу дело было закончено, и Ленерт, никому не сказав ни слова, ушел домой.

В понедельник, когда он пришел на работу, шеф испытательной станции Максгаузен вызвал его:

— Послушайте, Ленерт, герр Деттманн вами очень доволен, — вкладывая в свои слова все их значение, сказал он: — с вами договорились, что вы не оставите работы, пока не приведете в действие двигателя. Неужели вы не понимаете, что могли погулять в другой день? Или ваш пастор запрещает вам работать по воскресеньям?.. Герр Деттманн пришел вчера в мастерскую, чтобы посмотреть, как идет у вас дело, и не нашел вас на месте...

Намеки Максгаузена были более чем прозрачны: Ленерт не выполнил обещания, не оправдал надежд хозяина, значит... ничего хорошего ожидать не приходится.

— Но, гер Максгаузен,—ответил Ленерт,—я совершенно понимаю, чем я подал повод к недовольству... Я окончил свою работу и ушел домой. Разве мне еще что-нибудь было поручено? Но тогда извините, я не имел об этом представления...

— Двигатель пошел в ход? — нетерпеливо бросил в ответ Максгаузен.

— Конечно, гер Максгаузен,—удивляясь, что его об этом спрашивают, ответил Ленерт,—иначе я не закончил бы субботу и работал бы еще и в воскресенье.

— Чего же вы молчите?—рассмеялся Максгаузен.—Ведь в этом все дело...—И Максгаузен бросился к Деттманну.

Спустя несколько минут Деттманн вместе с Максгаузен и Ленертом осматривали двигатель. По требованию Деттманна Ленерт пустил его в ход. Двигатель работал прекрасно.

— Ну, молодой человек,—сказал Деттманн,—вы показали себя хорошим, полезным работником. Генрих Деттманн очень ценит хороших мастеров: примите от меня этот маленький подарок,—протянул он Ленерту пять рублей,—деньги за проработанные сверхурочные часы получите в кассе.

Ленерт поблагодарил хозяина. Его радовали деньги, но не больше радовало, что его знание и опыт, повидимому, оценили по достоинству на новой месте. Кто знает, только раз вернулись эти пять рублей, записанные в дебет личного счета Ленерта, как „поощрение“, в кассу „щедрого“ хозяина!

Дела Деттманна шли неплохо. Успех подталкивал вперёд и без того подвижного предприимчивого оптика. Он проводил время в разъездах. Ездил за границу за материалами, у него их был достаточный запас. Он не жалел высококачественной меди на коллекторы для своих машин — ведь затраты с лихвой окупались за счет заказчиков,—и машины это превосходили указанную мощность и долго работали без ремонта. Он ездил по России и заводил новые деловые связи, новую клиентуру. В условиях так называемой „свободной конкуренции“ это была необходимая функция для успеха капиталистического предприятия.

В технические вопросы Деттманн вникал мало. Он умел подбирать людей: люди конструировали и делали машины. Если эти машины были хорошего качества, их легче было вывезать. Если машины были неудачны... ну, что же, без этого нельзя... У Деттманна достаточно „делового опыта“, чтобы повисить их качество в глазах клиента, хотя бы ценой понижения критических способностей у последнего. Для этого в старой Риге было достаточно средств.

Машины постоянного тока в двести пятьдесят киловатт

В. И. Ленин

морского ведомства, неудачно сконструированные инженером Гагеманом, были из рук вон плохи. Подшипники быстро нагревались, и машины часто выходили из строя. Но Деттманн умел сдавать продукцию своего завода.

Приемщиков морского ведомства, прибывших в Ригу, вокзале встретил гостеприимный толстяк Деттманн, который повез их в своем экипаже, запряженном хорошей парой лошадей, прямо в отель „де-Ром“, против немецкого театра. Там они сели за обед, и следовавшие одно за другим блюда, увлажняемые лучшими винами, заставили их забыть о цели приезда. Не успев отдохнуть от обеда, они сели за ужин. Чем занимались после ужина верные слуги его величества, неизвестно, но когда они на утро, не выспавшиеся после обильных возлияний, с тяжелой головой приехали на завод принимать машины, руки не слушались. Как можно было усумниться в качестве машин после такого радушного приема? Оставалась небольшая формальность: надо было поставить клеймо на машинах.

— На, ставь! — заплетающимся языком сказал представитель морского ведомства Паулю Ленерту, слесарю, собиравшему машины.

И Пауль Ленерт, поощряемый хозяином, взял в руки клеймо и молоток и засвидетельствовал ими пригодность доброкачественных машин для судов военного флота его императорского величества.

Представители морского ведомства, выполнив с честью свои обязанности, сели в экипаж и в сопровождении лютого хозяина направились обратно в отель „де-Ром“ — отпраздновать.

Что было делать механикам морских судов флота его величества? Им оставалось только посылать недвусмысленные „приветствия“ по адресу конструктора негодных машин, владельца завода и господ офицеров.

Был случай, когда внимание со стороны Деттманна сожгло Ленерту службу. Однажды при расчете табельщик, заметив, что Ленерт неплохо заработал, тут же снизил цену.

— Что вы делаете? — закричал Ленерт. — Ведь это мои заработанные деньги! Мой кровный труд... Если я работаю лучше, так ведь это моя прибыль, моя награда. Зачем вы кладываете руку на мой труд?

И Пауль Ленерт пошел к Деттманну жаловаться. Он умолялся, не сумел все рассказать, как приготовился по дороге. Деттманн слушал, склонив голову, не глядя на него, чтобы не увеличивать его смущенного состояния. Казалось, он обдумывал, как ему поступить в данном случае. Пауль Ленерт принадлежал к числу людей, которыми Деттманн дорожил. На него в случае затруднений можно было опе-

реться. Ленерт ему предан. Табельщик перестарался, и это ему надо указать. Когда Пауль кончил, заикнувшись на полуслове, он посмотрел ему прямо в глаза и спокойно сказал, отчеканивая каждое слово:

— Не волнуйтесь, молодой человек, я вашего не хочу и идите и пришлите сюда сейчас же табельщика.

Ленерт вернулся в мастерскую и с видом победителя заранее предвкушающего свое торжество, склонив голову над набором и, прекомично жестикулируя, сказал:

— Прошу вас, гер табельщик, гер Деттманн требует вас к себе.

Когда табельщик вошел, Деттманн, сидевший за письменным столом, велел ему плотно закрыть дверь.

Разговор продолжался довольно долго. И к концу его табельщик полностью усвоил „золотое правило“ хозяйского подхода к рабочим: срывать, не стесняясь, можно с тем, кого легко заменить в случае ухода стоящими наготове за воротами. С таких рабочих, как Ленерт, надо снимать осторожно, незаметно, так, чтобы это не портило их отношения с хозяином.

Деттманн не ошибался в своих расчетах. Рабочие, вчерашние цеховые подмастерья, исполняли все требования хозяина. Когда нужно было выполнить срочный заказ, они работали целые ночи напролет.

***

„Патриархальным“ отношениям, простиравшимся, конечно, лишь на высших квалифицированных рабочих, рано или поздно должен был наступить конец. С одной стороны ухудшались дела Деттманна. Германские фирмы имели уже в Риге и в других крупных городах России своих представителей, сбывавших на русском рынке, может быть, не всегда добротные по качеству, сделанные с экономией дорогого металла, но зато более дешевые машины, к тому же на условиях самого широкого кредита. Деттманн не мог в такой же мере кредитовать своих клиентов. Ему не хватало для этого оборотных средств. Чем сильнее была конкуренция, тем больше ощущал этот недостаток в средствах Деттманн. Ему нехватало уже денег не только для того, чтобы давать своим рабочим для „поощрения“ пятерки на чай, но и для выплаты причитающегося им заработка. В дни получки случалось подолгу ожидать после работы пока Деттманн с бухгалтером Рейнеке принесут с Кауфштрассе, из магазина оптических принадлежностей, не менее нужные и там для оборота деньги.

Это не всегда удавалось. Арнольд-Энгельберт Деттманн еще в тысяча восемьсот девяносто третьем году уехал и

Рижский ли климат не понравился ему, или ему трудно было ладить с братом Генрихом, не любившим делить с ним бы то ни было барыши, но с 1893 года земельный надел на Петербургском шоссе № 19 и оптический магазин на Кауфштрассе, куда он перешел вместе с мастерской из прежнего помещения, остались в единоличном владении Генриха Деттмана. Магазином заведывал младший брат, добродушный толстяк Пауль, в противоположность Арнольду быстро акклиматизировавшийся в Риге, живший в свое удовольствие и своим легкомысленным отношением к делу оставлявший немало хлопот старшему брату Генриху.

С другой стороны, пришли новые времена. Рабочие были уже не те. В те годы в Риге были довольно широкие по тому времени круги революционной интеллигенции, группировавшиеся вокруг легальной газеты „Дейнас-Лапа“ и руководимые такими крупными впоследствии деятелями-марксистами, как Стучка, Янсон-Браун и другие. Кружки объединялись под общим названием „Яуна-Страва“ („Новое течение“) и состояли, главным образом, из студентов, учителей, гимназистов и реалистов и частью из сознательных рабочих. По воскресеньям в зале Малого Верманского парка, клубах культурно-просветительных обществ „Аусеклис“, „Сонатан“ и других устраивались „вечера вопросов“ на социально-политические темы, охотно посещаемые членами обществ, рабочими рижских заводов. В Риге по крупным заводам медленно нарастало рабочее движение. Мастер-завьяин, „отец и благодетель“, уходил в прошлое. По мере того, как наиболее крупные мастерские превращались в большие фабрики, а мастер становился фабрикантом и занимался в полный борьбы и конкуренции рынок, он терял связь с прежними своими рабочими и приучался отречься от них, как от рабочую силу, которую при случае мешает заменить более дешевой и более послушной, а пока надо заставлять работать побольше и подешевле. Сложно было при таких условиях рассчитывать на добросовестность, на совесть хозяина. Рабочие приучались к тому, что надо зорко следить, как бы хозяин не продрал лишнюю копейку, прислушивались к тому, каковы работы на других заводах.

Волна забастовочного движения, прокатившаяся в середине девяностых годов по крупнейшим промышленным центрам царской России, доплеснула и до Риги. В 1896 году на пробочной фабрике Кригсмана вспыхнула забастовка.

Может быть, волна забастовочного движения обошла бы и большой завод на Петербургском шоссе. Но там была другая группа рабочих, особенно живая и подвижная. Это были мастера. Их то и дело перебрасывали с одного конца города на другой, с предприятия на предприятие. Они всюду

«Красная Гвардия» — Фундамент Красной Армии

оспевали, эти „Зибеню-Фрицис“, все разузнавали и, конечно, из всего делали для себя соответствующие выводы.

В числе монтеров был и Якобсон, работавший у Деттманна с основания завода, и шурин Иоганна Палласа, брат его жены, слесарь Иоганн Аустрин. Средний заработок монтеров достигал девяноста копеек в день. Деттманн же довольствовался тем, что поручил руководство работами в „Фениксе“ своему шефу монтеров Палласу, и сам от времени до времени приходил на завод, наблюдал за ходом онтажа. Однажды утром Иоганн Паллас, приходивший обычно раньше всех, был порядком изумлен поведением монтеров. Вместо того, чтобы приступить к работе, они собрались в кружок, стали закуривать и, как ни в чем не бывало, перекидываться ничего не значащими фразами о качестве папирос, о том, кто сколько выкуривает в день...

— В чем дело? — подойдя, спросил Паллас. — Почему вы не работаете?

— Гер Паллас, — сказал один из монтеров, — мы полагаем, что мы ничуть не хуже других.

— Ну, конечно, не хуже! Но какое это имеет отношение к делу?

— А такое, гер Паллас, что мы несогласны работать на прежних условиях. Прибавьте нам по три копейки в час, мы станем на работу.

— Но ведь я не хозяин... — ответил озадаченный Паллас.

— Как я могу вам прибавить?

— Тогда передайте это геру Деттманну!

Паллас вышел из ворот „Феникса“, перешел через улицу, пройдя мимо дома Деттманна, вошел в контору. Деттманн был уже там.

— В чем дело, гер Паллас? — спросил он, удивленный таким посещением Палласа.

— Гер Деттманн, — развел Паллас руками, — я должен вас поручить: — монтеры отказались работать и требуют прибавки трех копеек в час.

— Как? — вскочил с места Деттманн. — Они недовольны своим заработком? Требуют прибавки? Выходит, что я еще плохой хозяин... или, может быть, я богаче других?

— Гер Деттманн! Они говорят, что на „Фениксе“ слесари зарабатывают на сдельной работе по два рубля пятьдесят, по три рубля в день.

— На „Фениксе“? А вы не спросили их, где был „Феникс“, когда я дал им работу и хлеб, и что бы они делали тысяча восемьсот девяносто пятого года: ждали бы на улице, пока откроется „Феникс“? Идите, гер Паллас, и велите им приступить к работе: я не могу им прибавить ни одной копейки.

Паллас вышел из конторы.

„В сущности,—думал он,—Деттманн неправ: что там лишних три копейки в час на человека? Деттманн не обижается от этого, а монтеры будут довольны прибавкой: работа пойдет быстрее. Пожалуй, Деттманн еще выиграет от этого“.

Но сказать это Деттманну Паллас не осмелился: И, вынужденный на „Феникс“, передал монтерам:

— Гер Деттманн отказался дать вам прибавку и велел приступить к работе на прежних условиях.

— Отказался? Велел приступить к работе?..—загудели монтеры. — Ну-ка, пойдем к нему! Неужели он нас так дешево ценит?

Когда монтеры вошли к Деттманну, он, не вставая с места, поднял на них глаза, в которые стремился ворваться гнев, и, словно не зная, в чем дело, спросил:

— Что такое? Почему я вас вижу здесь, а не на месте вашей работы?

— Гер Деттманн,—сказал один из рабочих,—гер Паллас передал уже вам, что мы просим прибавить три копейки в час. Вы сами знаете, жизнь дорога... работаем мы хорошо. Но никогда не выражали недовольства нашей работой...

Деттманн смотрел на монтеров и думал о том, что выгоднее: отказать категорически в прибавке означало озлобиться против себя рабочих, что вряд ли хорошо отзовется на деле. Если они и сдадутся сегодня, то завтра и в ближайшие дни поодиночке уйдут на „Феникс“ или на другой завод: ведь хорошие слесаря нужны всюду. Где взять новых людей? Пожалуй, он рискует на некоторое время остаться без монтеров... И это теперь, при выполнении срочного заказа! Пойти на уступку, дать незначительную прибавку—это значило сохранить свой авторитет среди рабочих и предотвратить возможность повторения таких неприятных разговоров в будущем. И Деттманн остановился на последнем. Он прибавил копейку, и монтеры, прогуляв час, стали на работу.

Трудно себе представить возмущение Деттманна, когда спустя всего три месяца монтеры опять пришли к нему в контору и потребовали прибавить три копейки в час. Деттманн почувствовал приближение чего-то нового. „Если это явление будет повторяться, с ним придется вести организованную борьбу“...—подумал он. Он изошрялся в красноречии, убеждал, доказывал, что ему грозит разрыв с непомеренных требований рабочих. Наконец, возмущенный, кричал... Но все было напрасно. Монтеры в один голос утверждали, что на прежних условиях работать они могут. И опять ссылались на „Феникс“. Истощив все свое красноречие, Деттманн с налившейся кровью апоплексической шеей опустился в кресло и согласился набавить копейку в час. Когда монтеры вышли, Деттманн посидел

минуту неподвижно, о чем-то раздумывая, затем снял с себя тяжелое преспапье, крепко стиснул в руке и, наконец, положив его у чернильного прибора, продолжал писать.

★ ★

После одного из очередных разговоров с Палласом о командировке за границу Деттманн перешел к главной теме.

— Гер Паллас! — сказал он после небольшой паузы.

— Я вас слушаю, гер Деттманн!

— Нам предстоит серьезная работа...

Деттманн устремил взгляд на Палласа. Тот слушал, с почтительной готовностью склонив голову.

— Мы взяли подряд на электрическое оборудование строительства военного и коммерческого порта в Либаве. Работаем мы там, как вы знаете, уже не впервые. Сейчас идет речь о расширении, о большом масштабе работ. Вы понимаете значение этой работы для нашей фирмы?

— Понимаю, гер Деттманн.

— Так вот, вы, конечно, понимаете, что никому, кроме нас, я этого поручить не могу. Вам придется поехать с группой рабочих и выполнить эту задачу.

— Слушаю, гер Деттманн!

Деттманн знал, что слово Иоганна Палласа так же точно, как устанавливаемые им машины. И потому он был совершенно спокоен.

На строительстве порта в Либаве работал и младший брат Иоганна Палласа Фридрих. Развернувшиеся работы произвели сильное впечатление на обоих братьев. И в этом деле, масштаб работ был грандиозен. Надо было орудить мол. Для этого огромные глыбы камня опускались в пасть камнедробилки, которую на стройке называли «уснаккер» *). Захватываемые стальными челюстями, они грохотом разгрызались на части и выбрасывались в виде мелкого щебня. Издали можно было подумать, что на стройку бежал из лесу огромный кабан и оглашает всю площадку строительства громким хрюканьем.

Фирма Деттманна не только взяла на себя поставку и монтаж электрического оборудования, но и руководство всеми работами, связанными с применением электрической энергии. Иоганн Паллас с утра до вечера проводил на стройке, руководил работами, давал указания и советы в затруднительных случаях. Все энергетическое хозяйство на огромном строительстве Либавского порта велось под его руководством и наблюдением. Он жил и дышал им. Когда он шел, как мощный кран подымает на воздух бетонный массив величиной в комнатку, в которой жил Паллас в Ли-

*) Щипцы для орехов.

баве, чтобы погрузить его в шаланду, ему казалось, что это не рычаг крана, а его протянутая, удлиненная ручка подымает огромную тяжесть.

И все же он мечтал уже о большем: теперь, когда вернется в Ригу, Деттмани, наверно, найдет возможность отправить его за границу учиться.

Работы продолжались около двух лет. Когда Иоганн Паллас вернулся в Ригу, Деттмани радушно встретил его и, перекинувшись с ним парой фраз, касавшихся его здоровья и условий путешествия из Либавы, сделал небольшую паузу и перешел к главной теме.

— Гер Паллас, — сказал он, — я имею вам нечто предложить. „Командировка в Берлин“... — обрадовался Паллас и стал уже думать о том, как сказать жене о неизбежном втором отъезде.

— В ваше отсутствие, — продолжал Деттмани, — мне было очень трудно обходиться без руководителя монтажных работами, и я вынужден был предложить должность шеф-монтеров геру Максаузену. — Деттмани сделал паузу и наблюдал впечатление, которое произвели его слова на Палласа. Но в глазах Палласа он не прочел ничего и поэтому продолжал: — Я был уверен, что вы не станете возражать... Двухлетняя работа в Либавском порту, вдали от дома, без заботливого ухода со стороны жены вас, наверно, порядком утомила, и вам полезно будет перейти на более спокойную работу. Я хотел предложить вам место заведующего складом.

Деттмани не ошибся: ненормальный образ жизни, напряженный труд, плохое питание в ресторане — все это плохо повлияло на Палласа, привыкшего к домашнему столу и внимательному уходу. Но ведь с его прежней работой были связаны все его мечты: разве Деттмани обещал послать его за границу? И потом: ему с его опытом и знаниями заведывать складом!..

Если бы на его месте был младший брат Фридрих, разговор принял бы такой оборот:

— Данке зеер! *) — сказал бы с легкой улыбкой Фридрих.

— Битте шен! **) — вежливо ответил бы Деттмани.

— Ауфвидерзеен! ***) — сказал бы, сняв шляпу, Фридрих.

И это был бы последний их разговор.

Но не таков был Иоганн Паллас. Ему очень не хотелось совсем порывать с заводом. За годы своей работы он успел порядком к нему привыкнуть. Уйти обратно к Фельдзеру или еще куда-нибудь у него не было никакого желания. Годы его детства, домашнее воспитание, ученичество на заводе приучили его к покорности.

*) Очень благодарен! **) Пожалуйста! ***) До свиданья!

„Что же,—подумал он,—не мы распоряжаемся в жизни. Это — дело сильных мира сего“...

Паллас прекрасно понимал, что во всем этом деле немалую роль должна была сыграть фрау Деттманн, которой Максгаузен приходился родным братом. И все же Паллас ответил:

— Ну что же, я согласен!

Так Деттманн и не отправил Иоганна Палласа в Берлин. И в самом деле,—рассудил расчетливый фабрикант,—зачем тратить на обучение в течение ряда лет своего работника за границей, когда из Германии он может получить уже готового специалиста? А затем.. ведь Паллас нужен ему на заводе: где найти такого точного, аккуратного, такого преданного фирме заведующего складом, как Иоганн Паллас?

С тех пор Паллас стал возвращаться по вечерам с толстыми книгами подмышкой. За этими книгами он просиживал целые вечера. Стол от ножной швейной машины забросили на чердак. Дети забирались туда и, нажимая педаль, приводили в движение колесо. Колесо вертелось холостую. Когда расшалившиеся дети врывались в комнату, жена Иоганна Палласа сердито обрывала их:

— Тише, отец работает...

Условные обозначения оживали в воображении Палласа. Он видел, как продвигаются электрические машины по железным дорогам Западной и Центральной России, по шоссейным путям, как покачиваются они на спинах верблюдов караванах, идущих по степям Юго-восточной России, Средней Азии. Он движется вместе с ними, встречает пестреющие разноцветными халатами толпы туземцев. Случалось, что в этих мечтах он так и засыпал за книгами, и жена будила его:

— Проснись, Иоганн! Разденься и ложись спать. Достаточно уже на сегодня.

***

Первые забастовки в Риге, на пробочной фабрике Кригсманна, на „Русско - Балтийском электротехническом заводе“ — отзвук классовых боев середины девяностых годов в промышленных центрах царской России — были только началом. Настоящие классовые бои в крупнейшем промышленном центре Прибалтики развернулись позже — в тысяча восемьсот девяносто девятом году, когда вспыхнула забастовка на Джutowой фабрике, и рабочие „Феникса“ и „Униона“ (бывшего завода Деттманна) с колыями в руках кинулись выручать арестованных джutowских рабочих. Но об этом еще впереди.

ПУТЬ К ПЕРВОЙ МАЕВКЕ

ОЧЕРК ИЗ ИСТОРИИ

Этот очерк был написан к Первомайским дням текущего года и издан для ХПЗ отдельной брошюрой. Автор ставил перед собой задачу, в связи с Первомайскими праздниками, рассказать рабочим завода о знаменитой Харьковской маевке 1900 г. и показать путь рабочих ХПЗ к этому первому массовому революционному выступлению. Разумеется, что этот очерк не является еще ни главой, ни отрывком истории, а именно очерком из истории ХПЗ.

В начале заводской брошюры помещена статья В. И. ЛЕНИНА, написанная им, как предисловие к брошюре „МАЙСКИЕ ДНИ В ХАРЬКОВЕ“, изданной „Искрой“ в 1901 году. Без этой статьи Владимира Ильича невозможно понять характер, значение и уроки этих событий в Харькове.

Документы, приведенные в очерке, извлечены из арх. фонда ХТЗ, хранящегося в Харьк. Обл. Историческом Архиве.

I.

Вдалеке от пыльного и грязного Харькова, на городском выгоне, среди болот и свалок в 1895—6 г.г. был построен завод „Русского Паровозостроительного и Механического Общества“.

В 1900 году на Паровозостроительном заводе работали уже три тысячи четыреста рабочих; больше, чем на крупнейших Харьковских заводах „Бельгийского общества „Гельферих-Саде“ и железнодорожных мастерских, вместе взятых.

Этот самый молодой и самый крупный в тогдашнем Харькове завод сразу внес в жизнь торгового, мелко-промышленного и ремесленного города новые черты заводского центра. По тому времени завод был гигантский. Так заводов было немного и по всей России. Даже в те годы быстрого роста капиталистической промышленности он насчитывался единицами. И завод с 3.400 рабочих был необычным явлением и для капиталистов и для рабочих.

К началу 1900 года завод выпустил свыше 300 паровозов и до двухсот станков. Каждый паровоз принес не меньше шести тысяч и каждый станок не меньше одной тысячи рублей прибыли господам акционерам и сотенные премии администрации завода.

Хозяева получали в среднем семьдесят пять тысяч рублей прибыли за паровозы и станки, которые они выде-

лько на photographиях в приемной Правления в Петербурге. Рабочим же заводская контора выплачивала около сорока тысяч рублей в месяц.

Но капиталистический барыш выколачивался из работы не только в цеху. Из пищи и одежды, отдыха и сна, веры в бога выколачивалась прибыль. И к рабочему ману потянулись за барышом, налогом и взяткой купцы, чиновники, попы и кабатчики, адвокаты и домовладельцы. Из города, за Конную площадь полезли к заводу кабаки и лавки, ларьки и харчевни, деревянные халупы и ползучий бар. А вдоль немощенной дороги были расставлены столбы дорожные. Город потянулся к заводу.

Господа акционеры выгоняли на заводе высокие прибыли, но и видели в нем грозную опасность. Шуточное ли это, изо дня в день собирать больше трех тысяч рабочих! Но ведь не мастерская, или заводик какой-нибудь, где можно было „крамольника“ и „бунтовщика“ немедленно повесить, посадить, а остальных припугнуть. Среди трех тысяч могут найтись десятки „бунтовщиков“, и спянных за ночь тысячи людей запугать нелегко. А времена наступили хозяев страшные, в России уже развивалось массовое рабочее движение.

В самый год основания завода в Петербурге прокатилась бешеная доселе волна стачек. Небольшая группа революционеров, объединенная в „Союзе борьбы за освобождение рабочего класса“, под руководством молодого Владимира Ульянова сумела поднять на стачку тысячи рабочих и рабочих столицы империи, вынудить хозяев на уступки, и даже столичная полиция ничего не могла поделать.

Хозяева паровозостроительного завода хорошо видели опасность, которую им несет заводской гигант. И они поэтому учли эту опасность. Директор завода Риццони с самого основания обратил особенное внимание на подбор рабочих и административного персонала. Рабочие местных заводов принимались со строгим отбором. Когда новый завод захотело перейти несколько десятков рабочих из мастерских, Курско-Севастопольско-Харьковской железной дороги, Риццони категорически отказал им в приеме. Потом только он стал принимать их на завод, в крайней нужды в квалифицированных мастерах. Директор считал этих рабочих „испорченными“ и „развращенными“. Они уже кое-что понимали в эксплуататорской механике, они прошли уже небольшую школу рабочей солидарности, они начинали чувствовать свою силу. Риццони опасался, что эти мастеровые разнесут крамолу по всему городу.

Высококвалифицированная сила привозилась на завод из других мест. При чем это делалось

так: с какого-нибудь завода переманивался мастер, и ему поручалось отобрать на этом заводе лично ему знакомые наиболее „благонадежных“ рабочих. Эти специально набранные и привезенные рабочие ставились мастером в наиболее выгодное положение, получали высшие расценки, жили в заводские квартиры и становились опорой своего „благодетеля“ в цеху. Так, мастером паровозостроительного цеха Гороховым была привезена с Брянского завода группа рабочих, которых он особо подкармливал и на которых опирался. Горохов давал им зарабатывать от 80 до 100 рублей в месяц, в то время как месячная заработная плата других квалифицированных рабочих колебалась от 30 до 50 рублей. Эти „брянцы“, как их называли рабочие, действительно выполняли роль „степенных“ хозяйских холоуев.

Очень охотно принимались на завод разорившиеся ремесленники и их подмастерья. Тут тоже был свой расчет. Недавние ремесленники были надежнее, покорнее рабочих „голытьбы“. Они были воспитаны в строгом благочестии и уважении к начальству; в каждом из них жил еще старый цеховик, каждый шел на завод с тайной надеждой получить от нас „голытьбы“ „выбиться в люди“. Из этой группы постепенно вербовались „благонадежные“. Кое-кто из них ценой своего реального послушания и угодливого наущничества выбивался так в унтер-офицеры капиталистической эксплуатации, остальные терпеливо ждали хозяйского „благоволения“.

Выросшие с детства в маленьких мастерских, заботливо и замученные хозяйским „попечением“, ремесленные подмастерья шли на завод с радостью. Завод казался им освобождением от душной конуры кустарной мастерской, бесконечного хозяйского понукания и „ежевых“ расхождений от тяжелого труда за „харчи и сапоги“. Только со временем завод воспитал в этих разобщенных и темных людях сознание и чувство классовой солидарности и готовность к революционной борьбе.

До тысячи рабочих нового паровозостроительного завода были связаны с селом. Эти люди уже давно пришли в завод, но им казалось, что это временно. Будучи арендованные помещиком и растущим кулаком, они видели в своем разорении временное бедствие и пришли на завод, чтобы добыть немного денег, а там — даст бог! — и землю, чтобы будет выкупить у помещика, и долг вернуть кулаку, и няку купить у цыгана на базаре. Первое время завод для них был чужд. Как только раздавался гудок, они толпой бежали к Балашовскому вокзалу или плелись на городскую электричку, чтобы зайцем проехать в Мерефу, Карачевку, Тарановку, Борки, к себе, домой, на село, к „хозяйке“.

Сначала они проходили на завод только на зимнюю пору, когда зябьство не поднималось, деньги уходили на новые по-

том они оставались на целый год—хозяйство не подни-
лось, деньги уплывали кулаку. А когда „хозяйство“ вко-
д разорялось, они собирали его остатки и навсегда пе-
селялись в город. Заводские люди называли этих сель-
х жителей „муриками“. „Мурики“ первое время были по-
скому робки, необщительны, безмолвно покорялись
стерам, мало интересовались рабочей жизнью и все огля-
вались на свое „хозяйство“. Но через два-три года
гие из них целиком поглощались заводом и они же на-
тали своих односельчан-новичков на заводе „муриками“.
Многих рабочих дирекция завербовала в Польше. Это
алось по двум причинам. Во-первых, в Польше уже
ормировалась более или менее крупная промышленность,
там можно было найти высококвалифицированных ра-
их, и, во-вторых, дирекция рассчитывала, что националь-
пестрота в составе рабочих будет препятствовать
янию рабочих в единый коллектив.

А ведь главной заботой хазяев было именно то, чтобы
чески помешать этим 3.400 рабочим объединиться, ибо
ое объединение неминуемо принесет грозу. Главной за-
ой было всячески разделять, дробить эту огромную
су; подкормить небольшую кучку „степенных“ и про-
опоставить их тысячной „голытьбе“, посеять неприязнь
ду коренными уже „развращенными“ рабочими и пу-
ыми „муриками“, разжечь вражду между русским,
инцем и поляком, собрать вокруг мастеров „земляков
цев“ и натравить их против „земляков орловцев“—
сделать, всем воспользоваться, чтобы не дать этой
шной силе собраться в кулак.

Господин Риццони до того боялся своих рабочих, что
сался даже их селить вместе. Когда Правление Обще-
задумало построить несколько жилых домов и среди
один большой для ста семейных рабочих, директор
ода завопил. 26 июня 1896 года Риццони писал предсе-
елю Правления Общества, полковнику Иванову:

—...Что же касается постройки одного большого
каменного здания, специально на сто человек рабочих,
то считаю необходимым, в силу веских причин, не
одобрять подобного проекта... Такой дом в скором
времени превращается просто в вертеп и подобное
скопище небезопасно и в отношении охранения по-
рядка на заводе. Если в Петербурге и существуют
такие громадные дома около некоторых фабрик, то
заводы там, благодаря усиленной полицейской власти,
находятся в несравненно лучших условиях, чем наш
завод, находящийся в совершенно беззащитном состо-
янии на далеком расстоянии от города.

...Если Правление уже постановило построить очень большое здание, то покорнейше прошу не отказываться и доложить Правлению о необходимости построить несколько домов меньшего размера для рабочих.

Правление Общества вняло мольбе испуганного директора. Для рабочих было построено в заводской колонии несколько домиков, и с расширением этой колонии решено было не спешить. Пусть лучше рабочие после работы разбредаются по городу и ближайшим селам. Так будет спокойнее...

Но важнее было то, что заводские рабочие двенадцать часов в сутки находились на заводе, и их нужно было «держать в руках». Риццони тщательно подбирал цеховой командный состав, который сумел бы «обращаться с людьми». Это должны были быть верноподданные зубры, из которых они не сразу. Так был найден мастер Горохов, его «брянцами» и посажен начальником основного, в то время, паровозостроительного цеха; в машиностроительный цех начальником был посажен черствый швед Энгельс, в модельный—украинский кулак Иван Масло, в котельный Шилин, инструментальный—немец Гарнунг и т. д.

Это были люди, особо проверенные и соответствующие комендованные. Вот, к примеру, одна из рекомендаций 4 ноября 1897 года начальник Нижне-Днепровских заводов мастерских писал Риццони:

„Уважаемый Павел Павлович.

Рекомендую Вашему вниманию кузнечного мастера Константина Александровича Иванова, который теперь нужен по независящим от него обстоятельствам оставить занимаемое им место. Главной причиной этому послужило крайне скверный и испорченный элемент рабочих, которого здесь, к крайнему сожалению, немало. Рабочие были страшно развращены старым мастером и поэтому не хотели повиноваться требованиям нового, который желал водворить порядок в мастерской и требовал более добросовестного отношения к исполняемым работам.

Всегда готовый к услугам (подпись)

Простому говоря, рабочие Нижне-Днепровских заводов мастерских забунтовали против оголтелого деспота Иванова и выгнали его вон, а начальник мастерских, боясь, как бы этот «испорченный элемент рабочих» не взялся за него самого, скрепя сердце, скорчил любезный

ну и передал это свирепое сокровище своему приятелю Риццони. Благодарный Риццони с радостью направил Ивана в кузнечный цех. Так формировался заводской ковидный состав.

II.

Но этого было еще мало, чтобы „держать в руках“ тысячи рабочих. Нужно было обеспечить постоянство состава рабочих, особенно квалифицированных. Завод создавался в короткие годы промышленного под'ема, быстро строящиеся фабрики и заводы нуждались в рабочей силе; квалифицированного рабочего тогда еще старались „беречь“. Первое средство для удержания рабочих было вскоре найдено. Еще в 1896 году Риццони предложил дирекциям всех горьковских заводов заключить взаимное соглашение, по которому они обязываются не принимать к себе на работу рабочих, „если они бросят работу против желания дирекции“. Такое соглашение было заключено. Но это не помогло; рабочие бросали выросший на свалках и болоте завод. До 1900 года они могли еще позволить себе такую роскошь — уйти на другой завод.

Тогда Риццони изобрел новое средство для удержания наиболее нужных рабочих. Это были заводские квартиры. 1 октября 1897 года по заводу полетел циркуляр:

„О назначении общественных квартир достойным рабочим.“

Так как общественные квартиры в колонии предназначены исключительно для рабочих, которые своей работой и поведением заслуживают внимания, и удерживать которых на работе лежит в интересах завода, покорнейше прошу господ начальников цехов иметь ввиду эти соображения при назначении впредь рабочим квартир в колонии, а также дать знать конторе завода о тех рабочих, занимающих общественные квартиры, которые своим поведением (пьянство, манкирование работой и проч.) должны быть лишены сих квартир.

Директор Риццони“

Под „прочим“ господин директор подразумевал, конечно, „бунтовщиков“.

И вот началось в колонии вселение „достойных“ и выселение „недостойных“. Начальники цехов и мастера, получив в свои руки новое средство для прижима, воспользовались им в полной мере. В первую очередь в списки

„достойных“ были вставлены верноподданные „земляки“, затем просто „достойные“. Заводская квартира была по манкой, на которую шли очень охотно. Но малейшая почтительность к мастеру или попытка заговорить о низ расценках немедленно вызывала перевод в разряд „не стойных“ и лишение квартиры. Но что это были за квартиры?

Квартиры были хорошие: три комнаты с кухней, а можно две комнаты с кухней. Таких квартир уже к 1897 году было построено больше ста. Но когда эти первые квартиры еще строились, Риццони в письме Иванову уже вызывал опасение, как бы „квартиры остались незанятыми“ (29 июля 1897 г.). Господин директор имел основания опасаться.

Дело в том, что квартира из трех комнат с кухней стоила четырнадцать рублей в месяц, из двух комнат с кухней—12 руб., а в деревянных домиках из одной комнаты с кухней—8 рублей. Квалифицированный же рабочий получал от 30 до 45 рублей в месяц и отдавать одну треть своего заработка за квартиру он, конечно, не мог.

Но выход был найден и очень простой. В заводские квартиры стали селиться по несколько семей. Директору завода осталось только распорядиться: „каждому нанятелю разрешается держать в своей квартире жильцов, но только исключительно из числа рабочих нашего завода“.

Как жили в этих квартирах, можно себе представить по заявлению, поданному 22 мая 1898 года директору группы жильцов заводской колонии:

**ЕГО ВЫСОКОБЛАГОРОДИЮ ГОСПОДИНУ ДИРЕКТОРУ
ХАРЬКОВСКОГО ЗАВОДА РУССКОГО ПАРОВОЗНО-
СТРОИТЕЛЬНОГО И МЕХАНИЧЕСКОГО ОБЩЕСТВА**

Занимая в квартире нижних этажей корпусов № 2 по одной комнате, мы имеем сильную нужду в недостатке необходимого помещения для хранения продуктов, а также и топлива. Помещая топливо в жилой комнате, что вредно относится на здоровье заражая воздух. Что же касается до хранения продуктов, мы не можем запасть в более удобное время года, а потому не имея помещения на оклад должны переплачивать за все вдвое дороже, и находим в крайне безвыходное положение. Имеем честь покорнейше просить Вашего Высокоблагородия, найдете ли Вы возможным разрешить построить хоть небольшие погреба и чуланы и тем устранить наше безвыходное положение.

Рабочие завода: Федор Углицкий, Иван Епифанов, Тимофей Корыстылев, Егор Синюков, Егор Величенко, Илья Калинин, Леонтий Захаров, Павел Деревянкин, Войцех Петрушак, Антон Борщиховский, Иван Вороптанский, Петр Чечерин.

Господин директор „не нашел „возможным“ удовлетворить эту просьбу. А ведь это были уже самые „достойные“! достойные жили на селе, а большинство ютилось за несколько километров от завода на Холодной и Лысой горах. Редким стилицам удавалось нанять конурку поближе к заводу на Гинской или Змиевской.

Работа начиналась в 6 часов утра. Следовательно, рабочий, живущий на противоположной окраине города (так было большинство), должен был подняться не позже, чем за два часа до гудка, и в зимнюю стужу, или по неблагодарной грязи пешком идти на завод. Сельские жители были вынуждены вставать еще раньше, чтобы успеть к поезду, пройти от вокзала до завода. Рабочих поездов тогда еще не было. Была только переписка о рабочих поездках. В городе ходила только унылая конка, но для рабочего она была слишком дорогая роскошь и добиралась эта конка только до Конной площади. В шесть часов вечера рабочие проделывали то же путешествие обратно. Таким образом, время рабочего, сутки его жизни распределялись: двенадцать часов на заводе, четыре часа в пути и восемь часов, так сказать, „личной жизни“.

III.

Что это была за „личная жизнь“, мы уже немного знаем из заявления рабочих, удостоившихся жить в заводской колонии, дальше мы с ней познакомимся подробнее, а сейчас посмотрим, как первому поколению рабочих ХПЗ распорядилось на самом заводе. Вот приказ, который директор издал 10 ноября 1899 года:

СПРЕДЕЛЕНИЕ РАБОЧЕГО ДНЯ НА ХАРЬКОВСКОМ ЗАВОДЕ Р. П. и М. ОБЩЕСТВА.

Рабочий день на заводе считается с шести часов утра до шести часов вечера, по субботам до пяти часов вечера, с перерывом для обеда на полтора часа (от 12 до 1½ часов пополудни). Ночная смена работает с шести часов вечера до пяти часов утра с часовым перерывом для отдыха (от 12 до 1 часу ночи). Еженедельно с понедельника смена меняется.

Кроме того на заводе производятся сверхурочные работы вечером и в праздничные дни. Если эти работы производятся поделно, то восемь рабочих сверхурочных часов считаются за день четыре часа—за три дня и два часа—за одну четверть дня; если же сверхурочные производятся задельно, то за обычные нормы увеличенной платы не полагается.

Для дежурных по заводу, как-то: сторожей, машинистов, кочегаров, рабочих при печах и на прочих работах, требующих по техническим условиям непрерывного действия, рабочий день длится двенадцать часов.

Директор завода Риццони

Каждая минута рабочего дня приносила хозяевам определенную прибыль, и они строго следили, чтобы эта минута не пропала даром. Из ограбленного у рабочего труда составлялась 75 тысячная прибыль в месяц. Поэтому каждая пропущенная минута!

И от рабочего требовали не просто ежедневной работы а работы изо всех сил. В этом и заключалась главная обязанность Горохова, Энгблома, Масла и прочих—выколота из рабочего наибольшую пользу для хозяев. В этом и заключался весь смысл „Правил внутреннего распорядка“. За малейшее опоздание, слушание, нарушение правил—штраф! Весь заводской аппарат, начиная от директора кончая фельдшером, был подчинен задаче: взять с рабочего как можно больше и дать как можно меньше. Условия работы меньше всего интересовали Правление. Экономил даже на отхожих местах. Вопросы отхожих мест для рабочих специально обсуждались в Правлении Общества—нельзя ли и здесь что-нибудь сэкономить?—и 15 июля 1896 года Иванов по телеграфу решил Риццони запроектировать „одно очко на сорок человек“.

Охрана труда, здоровье рабочего очень мало заботило Правление и дирекцию. То-есть администрация всячески старалась проявить свою трогательную заботливость, но делалось это так, чтобы эти заботы, опять таки, можно меньше стоили хозяину и больше—самим рабочим.

Вот, например, охрана труда. „Заботы“ господина директора об охране труда за весь 1896/7 год выразились в таком единственном приказе: „В тех случаях, когда работа представляет опасность для глаз, рабочие обязаны одевать предохранительные очки. Директор завода Риццони“ (9 ноября 1896 года).

Где взять эти самые предохранительные очки, в

казе не сказано. Само собою разумелось, что рабочий должен приобрести их где угодно и за свой счет.

Между тем, завод буквально каждый день калечил людей. Только с 1 июля по 27 августа 1897 года на заводе произошло 88 несчастных случаев. По заведенному порядку о каждом несчастном случае заводской врач, цеховой мастер и околоточный надзиратель в присутствии двух свидетелей из „достойных“ составляли протокол. Самым важным пунктом этого протокола было: по чьей вине произошло несчастие. И эта троица неизменно „устанавливала“, что несчастие, конечно, произошло по вине самого рабочего. Так, в этих 88 случаях она признала, что 85 из них произошли „по собственной неосторожности пострадавшего“, а 3... „по непредвиденным случайностям“. Во всяком случае администрация здесь была „не виновата“, она не могла быть виновата—за это заводской доктор и цеховой мастер жалование получали, а околоточный надзиратель — взятки.

Заводской врач Беллин и фельдшер Клейнер вообще не столько лечили рабочих, сколько по-латински удостоверяться, что администрация не виновата. В заводском приемном покое им дела было мало: в 1898 году на 3.000 рабочих было пять коек и то, как писал Риццони Иванову— „не для лечащихся больных, но лишь для временного их помещения от времени получения повреждения или поражения до времени отправки их в городскую больницу“ (2 июля 1898 года). Если же городская больница, как обычно, была переполнена, и рабочие вынуждены были оставаться дома, то и от этого у заводских медиков работы не прибавлялось. Еще 8 ноября 1896 года Риццони разослал извещение:

„ГОСПОДАМ МАСТЕРАМ.

Довожу до сведения господ мастеров, что медицинская помощь на дому больным рабочим или членам семейств может быть подаваема заводским медицинским персоналом лишь в том случае, если больные живут на расстоянии от завода не далее Конной площади.

Директор завода Риццони“.

Короче говоря, живешь дальше Конной площади—око-
левай!

А ведь дальше Конной площади жило громадное большинство рабочих, И заболели рабочие страшно. Даже верный слуга своих хозяев доктор Беллин иногда осмеливался почтительно напомнить господину директору о

страшных заболеваний среди рабочих. Так, например, 8 февраля 1898 года он позволил себе написать:

„Уважаемый Павел Павлович!

Ежедневно у меня бывает 5 – 10 человек из медно-котельного с отчаянными катаррами легких от пребывания в тяжелой, вредной атмосфере. Не примет ли Вы какие-либо меры для устранения таких условий

Ваш преданный Беллин“.

Этот „преданный Беллин“ хорошо знал, что лезет не в свое дело, поэтому у него и хватило смелости только робкий вопрос. „Преданный Беллин“ и его помощник фельдшер Клейнер, максимально разгруженные от лечебных хлопот, отлично знали свои истинные обязанности и выполняли их с большим рвением. Это ревностное служение хозяевам доходило до откровенного холуйства. 19 июля 1897 года во время работы умер слесарь машиностроительного цеха Александр Трубецкой. В протоколе об этом случае преисполненный раболепной угодливости фельдшер Клейнер собственноручно засвидетельствовал: *„Скоротужно умер от внутренних причин, не имеющих ничего общего с эксплуатацией“.*

Клейнеру, видите ли, это было доподлинно известно: решительно „ничего общего с эксплуатацией“!

Этим свидетельством фельдшер освобождал хозяев от необходимости платить хоть какое-нибудь пособие семье умершего. Так служители „общечеловеческой“ „высококультурной“ медицины становились служанками хозяйского багрового рыща.

Но пособие рабочим все-таки давали.

Рицони хотел прослыть милостивым. Но это была не нормированная, обязательная выдача рабочим, а, именно, милостыня от хозяйских щедрот. Заболел, к примеру, рабочий или у него в семье умер кто-нибудь. Лечиться нечем, хоронить не на что... Вот этот рабочий и должен был припасть к хозяйским стопам. При чем это делалось не просто: выдайте, мол, господин директор, какое-нибудь пособие. Нет. Для этого писались особые прошения, которые начинались так: „Осмеливаюсь покорнейше“, или „всепокорнейше“, или „нижайше просить Ваше Высокоблагородие...“ и кончались так: „Утешаю себя надеждой“ или „Остаюсь с надеждой на Бога и еще единственно на Вас, господин директор“. Сами рабочие сочинять такие прошения не могли, конечно; их писали, за соответствующую мзду, конторские служащие.

Получив прошение, директор запрашивал цехового мастера — достоин ли? — и, судя по заключению мастера, выдавал или не выдавал пособия. Так в течение целого года с июня 1899 по июнь 1900 г. дирекцией было выдано 69 больным и увечным рабочим, проболевшим в среднем по 5 недель каждый, всего 649 рублей; в среднем на каждого пришлось по 9 рублей 40 коп. Таким образом больной рабочий должен был лечиться и прожить с семьей на 25 копеек в день. Но директорские „милости“ простирались еще дальше. Они простирались и на „личную жизнь“ рабочего. За то же время 19 рабочих получили на погребение 20 детей 140 рублей; по 7 рублей на умершего ребенка. Больше всех получил слесарь машиностроительного цеха № 1672 Константин Лукьянский; ему выдали сразу 15 рублей на похороны двух дочерей. Кроме того, семьи 6 умерших в том же году рабочих были дирекцией „облагодетельствованы“ пособием в размере 85 рублей; по 14 рублей на семью. Такое пособие считалось редким счастьем; ведь дирекции наверняка известно было, что все рабочие умирали „по причинам, не имеющим ничего общего с эксплуатацией“. Об этом даже доктор Беллин имел честь неоднократно докладывать.

Но хозяйские щедроты все же имели предел. Милости, мол, милостями, а баловать рабочих не следует. Поэтому господин Риццони долго торговался с рабочими за пособие. И если пособие выдавалось, то уже окончательно, в полный расчет, особенно увечным рабочим. Потерявшему трудоспособность, зажатому голодом и холодом увечному рабочему хозяйская дирекция, после долгих торгов, бросала подачку и лишала его права и возможности добиваться еще чего-нибудь. На заводе установилась особая форма прошений увечного рабочего, которая была не столько прошением о пособии, сколько распиской в том, что рабочий весьма удовлетворен этим пособием и беспокоить администрацию больше не будет. Вот характерное прошение такого рода

ПРОШЕНИЕ.

Находясь на службе в сборном цехе во время работы 7 июля 1899 года, я получил увечье пальцев на левой руке, а поэтому имею честь покорнейше просить о выдаче мне единовременно в полное удовлетворение за полученное мною увечье тридцать (30) рублей, получением означенной суммы я сочту себя навсегда вполне удовлетворенным Русским Паровозостроительным и Механическим Обществом.

Харьков, 10 августа 1899 года.

Евграфий Васильев Гусаков.

Получай 30 рублей за пальцы и не смей больше пикнуть. Будь доволен и не просто доволен, а навсегда удовлетворен. Это было не пособие, а расправа.

IV.

Итак пособия выдавали. Дирекция была „милостива“. Но... эти „милости“ хозяевам ничего не стоили. Ни полушки. Дело в том, что эти щедроты черпались из особого капитала, и назывался этот капитал „штрафной“, а составляло он из штрафов, содранных с рабочих же цеховыми драками Гороховым, Энгбломом, Масло, Шиловым и прочими. Это издевательство было освящено законом.

У слесаря машиностроительного цеха № 1672 Константин Лукьянского заболело двое детей. Они лежат в конуре и сгорают на его глазах. Слесарь Константин Лукьянский живет на Лысой горе, заводской врач к нему не придет. Слесарь Константин Лукьянский, прибежав с работы в 8 часов вечера, отправляется к частному врачу. Частный врач отказывается идти так поздно в такую даль. Частный врач предлагает слесарю Константину Лукьянскому приехать к ним на „ваньке“ завтра утром. Чтобы не опоздать на работу, слесарь Константин Лукьянский приезжает за доктором в 5 часов утра. Возмущенная горничная заявляет, что доктор еще „спят“, нужно подождать. Слесарь Константин Лукьянский ждет. Уже прогудели все утренние гудки, и слесарь Константина Лукьянского на завод уже не пустят. А доктор еще спит. Наконец, слесарь Константин Лукьянский привозит доктора к детям. Доктор говорит, что девочки смертельно больны, они нуждаются в тщательном уходе, кормить их нужно куриным супом и лечить дорогими лекарствами. Слесарь Константин Лукьянский почтительно благодарит, не уключе сует доктору в руку рублевку, провожает до „ваньки“, платит и этому полтинник и возвращается к детям. Сбрав все последние гроши, слесарь Константин Лукьянский посылает жену в аптеку и до утра остается с детьми.

В четыре часа утра он отправляется на завод. В цехе его встречает мастер. Не вынимая трубки изо рта, Энгблом произносит страшное слово: штраф! Слесарь № 1672 оштрафован в размере двухдневного заработка. Он и не пытается оправдываться: это бесполезно. Усталый, взволнованный, рассеянный слесарь Константин Лукьянский роняет напильник, и инструмент ломается. Он снова штрафуется и снова в двукратном размере.

Во все дни болезни детей слесарь Константин Лукьянский то опаздывает на работу, то теряет инструмент, то сердцах грубит цеховому начальству. Штраф, штраф, штраф.

Уже иссякли все деньги и продано все, что кто-нибудь купит. Детям все хуже и хуже, а лечить их не на что.

Слесарь Константин Лукьянский ждет получки. Но вместо получки ему выдают грошовый остаток после вычета всех штрафов. Этих денег хватает на три дня, и дочери слесаря Константина Лукьянского умирают.

Что поделаешь—на то, мол, воля божья!—надо хоронить по христианскому обычаю с попом и поминками. А денег нет. Слесарь Константин Лукьянский идет с прошением к мастеру Энгблomu: „к вашей милости... 25 рублей...“ Мастер Энгблом, не вынимая трубки изо рта, произносит: „20“ и подписывает прошение. А Рицциони, рассмотрев эту „всепонимнейшую“ и „нижайшую“ просьбу, пишет: „Выдать слесарю № 1672 из штрафного фонда 15 рублей“.

У слесаря Константина Лукьянского ограбили его зарплаток, когда нужно было лечить детей.

Это был закон.

Слесарю Константину Лукьянскому вернули часть ограниченного у него заработка, когда нужно было уже хоронить детей.

Это была хозяйская милость.

Но источник этих щедрот — „штрафной капитал“ стал со временем отставать от потребностей в милостях. Количество увечий, заболеваний, смертей рабочих с каждым днем возрастало, и как ни старались господа мастера каждый день пополнять „штрафной капитал“, его уже стало не хватать даже для самых мизерных милостынь. Дело дошло до того, что дирекция вынуждена была давать пособия уже из заводских сумм. Это совершенно нетерпимо! — и господин Рицциони 8 августа 1897 года написал в Правление:

... „Вопрос о страховании рабочих на случай их смерти, увечья или временной неспособности к труду вследствие повреждения, полученного на работе, я считаю неотложным и таковое страхование необходимо и, в то же время, для нашего Общества выгодно. В настоящее время, несмотря на все возможные предохранительные меры (господин Рицциони имел ввиду уже известные нам очки), случаи тяжелого увечья рабочих происходят почти ежедневно, иногда по нескольку случаев в день... Происходящие увечья вызывают довольно значительные расходы завода по вспомоществованию увечным, кои в течение трех лет превысят, вероятно, расходы по уплате премий страховому Обществу. Ввиду изложенного я покорнейше прошу вопрос о страховании рабочих не откладывать и застраховать их неотлагательно... ибо каждый день влечет за собою ряд увечий, материальный ущерб по коим падет непосредственно на счет завода“.

В Правлении Общества быстро сообразили, что Риццони прав; если уж платить, то лучше страховому обществу. Это выгоднее по двум причинам: во-первых — дешевле, а во-вторых — это совсем снимает с завода заботу об охране труда рабочих...

И вот началась подлая комедия страхования.

Дело тянулось очень долго; Правление приценивалось в разных страховых обществах. Эти общества именно и промышляли, что выколачивали барыш из увечий и смертей рабочих, поэтому старались сорвать премии покрупнее. Вступление Паровозостроительного Общества долго торговалось, наконец, договорилось таки со страховым обществом „Россия“. Договорились они вот на чем: страховое общество согласилось снизить стоимость премии (ежегодные взносы), но Паровозостроительное Общество обязалось помогать страховому как можно дешевле рассчитывать выплаты рабочими. Такие условия были для Паровозостроительного Общества вполне приемлемы. Председатель Правления, инженер полковник Иванов давно уже решил идти всякие сделки со страховым обществом, но только за рабочих — это был принцип господина Иванова. Еще до заключения договора с Обществом „Россия“ 1 декабря 1898 года его высокоблагородие поучало Риццони:

„... С каким бы обществом договор заключен был, при определении вознаграждения пострадавшим мы должны быть солидарны с этим обществом. Основной принцип должен быть тот, что каково было вознаграждение, рабочему выгоднее не получать увечия, повреждения и т. д. Иначе, согласитесь, не работать?“

Его высокоблагородие подозревало, что, соблазнившись страховым вознаграждением, рабочие начнут нарочно ломать себе руки и ноги и даже умирать.

Страховое общество, со своей стороны, разделяло „основной принцип“ полковника Иванова. 26 марта 1899 года инспектор страхового общества писал Иванову:

„Многоуважаемый Виктор Михайлович.

... Александр Александрович (это директор страхового общества) просил меня передать Вам, что касается рабочих Харьковского завода застрахованных с 1 ноября прошлого года по 1 апреля сего года все три случая (т. е. смерть, инвалидность, временная нетрудоспособность) и просит, чтобы все расчеты к 1 апреля были окончены господином Риццони, по

усмотрению. При этом, Александр Александрович полагает, что вряд ли будет желательным для Общества, а также и для завода баловать рабочих, удовлетворив их несоразмерные требования, во всяком случае было бы желательно окончить все расчеты миром, если же Павел Павлович (Риццони) найдет нужным какую-либо просьбу рабочих не удовлетворить и таковой доведет дело до суда, то Правление после 1 апреля возьмет на себя ведение такового дела по суду“...

Так была заключена эта сделка двух капиталистических дел, сделка, основанная на крови и смерти рабочих.

И изувеченный рабочий вынужден был брать, что ему дали. Некоторые пытались сопротивляться, они обращались за защитой в суд. Но что значило обратиться в суд, писал сам Риццони: „Этот способ удовлетворения рабочих — писал он Иванову 2 апреля 1898 года — отражается неблагоприятно на самом рабочем, вследствие ужасной судебной волокиты по таким делам (имеем один май, длящийся уже третий год) и высокой оплаты присутствующего поверенного истца, доходящей до 50% с присужденной пострадавшему суммы“. Нет, в суд лучше было не обращаться, и рабочий приходил к Риццони, чтобы „кончить делом“. „Давно бы так — приговаривал Риццони и по должности страхового общества платил за оставленные на оде пальцы — 30 рублей.

Для полноты „благоустройства завода“ не хватало еще ссудосберегательной кассы. Риццони давно уже заметил этот недостаток и просил правление прислать на завод проект устава. Познакомившись с этим уставом, Риццони подумал — лучше такой кассы не создавать: как бы она не стала источником крамолы. Но потом он нашел выход: можно не пустить рабочих в кассу и сделать ее органом заводоуправления. И касса на заводе будет, и крамола будет предотвращена. Так Риццони и сделал. 7 июня 1897 года директорский кабинет были вызваны как „представители участвующих“ на заводе: главный бухгалтер Яблонский, помощник директора Зелиг, начальник технической конторы, главный инженер по электричеству Фирсов, секретарь заводоуправления Витковский и все начальники цехов. Этому почтенному собранию директор предложил рассмотреть проект устава ссудосберегательной кассы. Почтенное собрание рассудило и вынесло такое решение:

„Приглашенные господином директором для обсуждения проекта ссудосберегательной кассы пришли к единодушному соглашению просить Правление Р. П. и М. Общества о введении в Харьковском заводе ссудо-

сберегательно-вспомогательной кассы, основанной на принципе, выраженном в проекте устава, присланного Правлением... Но со следующими основными изменениями.

1) Касса учреждается при заводе и находится в непосредственном ведении заводоуправления.

2) Вычеты служащих и взносы Правления поступают в оборотный капитал завода...

3) Участниками заводской кассы Харьковского завода могут быть исключительно служащие Харьковского завода и Правления Общества.

Мотивами к означенному нашему решению послужили:

1) Упрощение ведения кассы и гарантия о целостности капитала кассы.

2) Однообразие в управлении делами кассы, особенно в случае распространения кассы и на рабочих, которые при выборном и самостоятельном правлении кассы легко могли бы, по многочисленности своей, получить нежелательный перевес в заведывании делами и операциями ее..."

Этого "нежелательного перевеса" боялись пуще всего. Так было с отворено еще одно "благодаяние".

V.

Но все это — буденная жизнь, а бывали, ведь, и праздники на заводе. Вот, например, 27 декабря 1897 года дирекция устроила праздник по случаю выпуска первого паровоза. К нему долго готовились. Риццони испросил Правления для устройства праздника специальный кредит. Правление разрешило истратить три тысячи рублей "на молебствия и приема". Но Риццони решил урвать из этих трех тысяч пару сот рублей и распространить праздник на рабочих. Все же оные тоже имеют некое отношение к паровозу. Да и, помимо сего, хорошо бы, знаете, встретить администрации с "братцами-рабочими" и вместе, слившись в одну семью, отпраздновать выпуск первого паровоза. Обдумавшись этой счастливой мысли, Риццони распорядился выписать из Москвы от Трехгорного Товарищества несколько бочек пива, а потом сел за стол и написал:

ЕГО БЛАГОРОДИЮ ГОСПОДИНУ ПРИСТАВУ ПЕРВОГО УЧАСТКА

27 декабря сего года в 11 часов утра имеет быть торжественное молебствие на Харьковском заводе по случаю выпуска первого паровоза, после чего рабочим завода будет предложено угощение.

Доводя о сем до Вашего сведения, прошу отрядить на завод полицейский наряд.

Директор завода Риццони“.

Обеспечив, таким образом, все условия для наиболее близкого единения с „братцами рабочими“, Риццони принялся рассматривать список официальных лиц, приглашенных на завтрак в директорском доме и обед в ресторане.

В день праздника первыми на завод прибыл полицейский наряд во главе с подтянутым, вычищенным и выглаженным, нарочито распорядительным приставом Анищенко. Он был чем-то расстроен; сегодня он особенно сердито покрикивал на городских: „поторапливайся“...

На заводском дворе было непривычно тихо, чисто и безлюдно. Анищенко расставил своих тяжеловесных черберов у ворот, в паровозосборном цеху, по двору и отправился в квартиру к директору почтительно поздравить, доложить и хлопнуть рюмочку.

Широкоплечие и толстоусые городовые — цвет губернской полиции! — выросли в землю. Их черные шинели придавали заводскому двору какой-то злобещий вид. Праздник начался.

Понемногу стали сходиться рабочие. Они шли медленнее, чем обычно, и в руках у них не было кошелок с пищей. Это было уже празднично. Некоторые одели праздничные шинели, длинные пальто и широчайшие фуражки. Большинство же было одето, как обычно, только сапоги наваксили, из-под старых пальто были видны чистые воротники новой и выстиранной ситцевой рубахи.

В цеха не пускали. Непривыкшие к безделью на заводе рабочие скучно слонялись по двору, а потом разошлись под сны в ожидании.

У паровозосборного цеха, особняком от прочих, столпились ревностные „брянцы“ и прочие „степенные“. Эти выжидали, „как приличествует случаю“, в бережливо неошененные пальто, узкие брюки, блестящие штиблеты; многие имели даже в котелках и „при галстук“. Если один из них снимал часы, то остальные сдержанно спешили извлечь свои — знай, мол, наших — и держали их нарочито дольше. Тогда из проходной конторы появился поп с причтом, они поторопились к нему навстречу и почтительной стайкой проводили до директорского кабинета.

Уже давно минул одиннадцатый час, с'ехалось почти все начальство и приглашенные, но молебна не начинали; еще не прибыл господин полицмейстер. Сегодня именно он должен был представлять высшую государственную власть, так как губернатор Тобизен изволили отбыть в Таганрог.

У ворот полицмейстера встретил с рапортом встревожен-

ный Анищенко. Но его превосходительство, не дослушав рапорта, проследовал дальше. Это было плохое предзнаменование, бравый Анищенко совсем приуныл.

Полициймейстер очень холодно ответил на приветствие Рицони, сугубо официально поздравил господина директора, дал ему понять, что все это его очень мало интересует, повернулся к директору спиной и скучно заговорил с городским головой.

Удрученный Рицони распорядился начать молебен и попросил всех пожаловать. Анищенко был рад наступившей, наконец, возможности скрыться от ужасных взглядов начальства. Полициймейстер смотрел на пристава пустыми глазами, как будто пристав первого участка Анищенко нет на свете.

Анищенко коршуном вылетел из кабинета. Вот сейчас он покажет, что пристав первого участка Анищенко еще существует на свете. Сейчас он проявит такую распорядительность, что ледяное сердце полициймейстера растает, и в его глазах зажжется огонек восхищения бравым приставом. Этот огонек так часто согревал Анищенко...

Анищенко коршуном вылетел из конторы.

— Чего поставали? Ма-а-ар-р-ш на молебен! Поторапливайся!!— и пристав прошипел сквозь усы добротную матершину.

Городовые, как будто их буря из земли вырвала, бросились приглашать рабочих на молебен и угощение. Это делалось так: левой рукой шашкой пониже спины, а кулаком правой по затылку.

Промерзшие рабочие и сами рады были согреться. Со всех сторон к паровозостроительному цеху бросились люди. Впереди, конечно, заводские мальчишки. Они не хотели пропустить ни одной минуты, ни одного звука. Они слышали, что будет музыка.

У дверей образовалась свалка. Воспользовавшись толчеей, заводские мальчишки стали мять „степенные“ котелки, начался крик.

Анищенко совсем расшвирился.

Пристав врвался в толпу и стал приглашать шашкой по затылку.

Наконец, все приглашенные втиснулись в цех. Мальчишки, конечно, впереди. Многие из них повесили носы; они не нашли, чего ждали.

Посредине цеха стоял новенький, четырехосный товарный паровоз. Он был глупо увешен елочными гирляндами. Над трубой повис, как намокший, флаг Российской империи. Спереди из рамы выглядывал щуплый император, а рядом с ним строгая императрица.

Ближе к паровозу пробрались и мастерские паровозо-

орного. Они безмолвно поглаживали паровоз, как родного перед расставанием, и словно жалели, что его так нелепо прирядили. „Брянцы“ тоже стояли у паровоза, но не касались его — как бы не запачкаться.

В дверях показалось начальство. Впереди полицмейстер и мадам Риццони. Анищенко бросился отгонять рабочих от паровоза, но они и сами ушли. Полицмейстер пустыми глазами глянул на пристава. Расстаравшийся Анищенко вдруг ркнул:

— Шапки долой!! — хоть все рабочие давно уже сняли шапки.

Начался молебен. Поп запевал, причт подхватывал, а „степенные“ благообразно подтягивали. Толпа рабочих щедро широко крестилась. Начальство небрежно вскидывало к плечам кисти рук. Полиция крестилась; как по команде: „продовые“ вслед за приставом, пристав — вслед за полицмейстером.

Молебен кончился. Началась вторая часть праздника — угощение рабочих.

Из начальства в цеху остался только секретарь завода Витковский, начальник паровозосборного Горохов и Анищенко. Витковский взлез на паровоз и сказал такую речь:

— Братцы, в ознаменование выпуска первого паровоза дирекция приглашает вас разделить скромную трапезу. Подходите по одному вон туда, в угол. Только уж, пожалуйста, без скандалов...

Выполнив поручение Риццони, Витковский слез с паровоза. Ему надо было спешить на директорскую квартиру, чтобы тоже „разделить скромную трапезу“.

В углу цеха стояло несколько бочек пива и огромные деревянные корыта с хлебом и ломтиками колбасы.

Толпа тронулась с места не сразу: несколько минут она ждалась на месте. Потом из нее выделилась группа „степенных“ и вышла из цеха, дав понять, что они очень благодарны за угощение, но они сыты.

Были и такие, которые дали понять, что они, хоть и молодые, но угощаться не желают.

— Пошли вы с вашим угощением... — и токарь Нехорошев с силой распахнул калитку цеха.

— Опять бунтуешь?! — завопил Горохов — и стал искать глазами Анищенко. Пристава в цеху не оказалось.

Часть толпы двинулась к бочкам. Там каждому отцеивали кружку пива и совали в руку кусок хлеба с ломтиком колбасы. Понукаемые сзади товарищами, они захлебывались пивом и, набив рот хлебом, говорили Горохову:

— Покорно благодарим...

— Покорно благодарим...

Горохов не отвечал. Праздник кончился.

Завод понемногу опустел. Анищенко снял посты и направился на директорскую квартиру. У ворот его ждала группа мальчишек.

— Дяденька, а музыка будет?

— Вот тебе музыка!

И пристав с размаху ударил мальчику по лицу.

Если товарищу, которого ударил тогда Анищенко, попадет в руки эта книжка, он поймет, почему Анищенко так свирепо ответил на вопрос о музыке. Именно музыка, эта неслыханная затея Риццони пригласить на завод оркестр, принесла так много неприятностей приставу и самому директору. Вот письмо, которое нам объяснит, и почему музыки не было, и почему полицмейстер был так холоден на празднике, и почему Анищенко рассвирепел. За два дня до праздника, 25 декабря 1897 года, пристав писал Риццони

Многоуважаемый Павел Павлович.

Вчера вечером господин полицмейстер вызвал меня к себе и показывал присланный на его имя бланк паровозостроительного завода, под каким то еще и номером, подписанный Вами, в котором Вы уведомляете его, что во время угощения рабочих 27 декабря будет играть оркестр военной музыки, вследствие чего Вы просите его уведомить Вас о неимении препятствия к сему. На это господин полицмейстер приказал мне передать Вам, что ни по каким вообще вопросам не сносится ни с кем из частных лиц, а для этого существует известный порядок при удовлетворении просьб от частных лиц, определяемый его служебным положением. Ввиду чего о разрешении в данном случае иметь музыку для рабочих в стенах завода где предвидится скопище народа, Вам необходимо обратиться к нему формальным прошением и не на бланке завода, о разрешении оркестра в этот день о чем в своей резолюции он даст знать мне, как местному приставу; без этого же музыка не под каким видом не может быть разрешаема администрации завода. А о прошении относительно разрешения музыки я вчера же Вам лично говорил. Присовокупляя свою просьбу при этом прошу Вас за этим обратиться заранее, дабы и я не получил неприятностей за это.

Уважающий Вас Н. Анищенко.

Музыка на заводе, да еще и обращение не по чину! Да это же „потрясение основ“!!

Нет, „не может быть разрешаема“. „Ни под каким видом“!!

Праздник обошелся без музыки. Вернемся к будням.

Следующий день принес рабочим две вести: большую и маленькую.

Большая весть, в виде об'явления, висела на стене конторки мастера. Ее повесили в обед. Обедавшие на станках и козлах, у кранов и верстаков, а то и на корточках под стеной, рабочие оставили свои кошолки и красные платки с пищей и столпились у об'явления. Как обычно, впереди — цеховые грамотей. Они долго и медленно что-то шепчут. Задние торопят. Потом выделяется самый бойкий грамотей и читает об'явление вслух. Это было не обычное об'явление. Хорошее отношение господина директора к братьям-рабочим распростерлось так далеко, что он решил познакомить их даже со своей личной перепиской. Рабочим была представлена честь прочитать письмо самого председателя Правления к директору завода.

„Дорогой Павел Павлович!

Правление получило Ваше приглашение на заводской праздник и поручило мне искренне поблагодарить Вас и об'яснить Вам совершенно правдиво и просто, почему правление считает лучшим разделять радостное и торжественное настроение всех трудившихся на заводе, оставаясь все же в Петербурге. Если б было возможно, то праздник следовало бы устроить правлению где-нибудь даже вне завода и пригласить на него всех, весь завод, начиная с Вас и ближайших Ваших сотрудников, и кончая последним рабочим, если только есть последний в деле, в которое каждый полагал свое знание, свой опыт, свою душу. К сожалению, этого сделать нельзя и завод сам празднует свое торжество, доставшееся ему упорным, настойчивым и нелегким трудом, во время которого были и сомнения, и раздумье, и тревоги. Пусть же этот праздник и остается заводским праздником, в котором никто даже на минуту, даже намеренно не мог бы отнять внимание и значение вполне подобающее истинным, настоящим виновникам торжества. Я пишу это по поручению правления и обращаюсь не к Вам одним, а ко всем сотрудникам и деятелям завода, как бы ни было относительно скромно занимаемое положение кем-либо в общем ряду заводских труженников.

Пусть мне простят и извинят, что я не называю никого по имени. Называя Вас, я обращаюсь и что каждого из потрудившихся для успешного выпуска первого паровоза, что всегда будет составлять гордость

общества. Позвольте, поэтому, просить Вас принять и передать всем и каждому из деятелей завода, исключая и рабочих, искреннейшее поздравление привлечения с успехом и праздником так счастливо совпавшим с великим праздником Рождества Христова а также пожелание успеха и всего лучшего в наступающем Новом Году.

Искренне уважающий Вас В. Иванов*.

Господин председатель Правления отлично знал, что рабочие завода не очень будут обеспокоены отсутствием ег высокоблагородия на празднике.

Эти подлые, насквозь лицемерные завывания материалистического хищника имели другую цель. Риццони, когда читал письмо понимающе осклабился: — „умеет же, однако, Виктор Михайлович завернуть!“ — и распорядился вывесить письмо в цехах „на один день“.

Риццони, очевидно, понимал, что держать эту гнусную похабщину в цеху дольше — небезопасно: а вдруг „братцы-рабочие“ сорвут или напишут какую-нибудь „пакость“. Ведь как ни оберегал господин директор завод от „развращенного элемента“, он на заводе все таки „завелся“. Это письмо и писалось и вывешивалось именно „для успокоения умов“. Господин полковник думал этим своим высокопарным словоблудием „внушить“ и „предостеречь“.

„Братцы-рабочие“ отнеслись к письму по-разному: одни отошли, не дослушав — слышали, мол; другие дослушали до конца, — может дальше что-нибудь дельное будет; „степенные“ слушали благоговейно и делали вид, что они как люди серьезные, очень, очень польщены и вполне принимают важность каждого слова господина председателя. Многие из них действительно понимали суть и цель письма и именно поэтому приговаривали: „Золотые слова! Истинная правда!“ и поглядывали на мастера — слышит ли?

Маленькую весть сообщили мастера.

— В ознаменование, так сказать, радостного для заводской семьи события из жалования рабочих производится вычет в размере однодневного заработка. Недоумевавший было немедленно разъяснено, что это вычет за вчерашний день. За праздники завод не платит. „Сами понимаете“. А впрочем:

— Поговори у меня!..

VI.

Господин Риццони ошибся. Завод был сильнее своего хозяина. Господин Риццони всячески старался не дать проникнуть „этому развращенному элементу“ извне, а он не только проник, но и возник на самом заводе, изнутри воз

ник. Немногие пришли на завод „бунтовщиками“, но многие становились ими. Тот же завод, который давал огромные прибыли хозяину, воспитывал, выращивал, закалял боевые революционные силы. Постепенно свершалось то, чего хозяева больше всего боялись: огромная масса заводских рабочих сжималась в кулак. Это началось с отдельных, незначительных, казалось бы, всплеск и перекатывалось из цеха в цех, охватывая все больше и больше людей.

Первые признаки массового недовольства стали проявляться в 1897 году во время получек. День полочки был особым днем в жизни завода. Его ждали рабочие, к нему готовилась администрация. Никто из рабочих не знал наверняка, сколько он получит; даже грамотный рабочий, могущий самостоятельно подсчитать свой заработок, очень редко мог хоть приблизительно угадать, сколько ему причитается, сколько у него вычтут и что ему останется. У хозяев была своя арифметика. И самые скупые предположения оказывались выше, чем действительные расчеты.

Дирекция была заинтересована в том, чтобы полочка была выдана в самое короткое время.

Получай и отправляйся! Получай и проваливай!

Это нужно было для того, чтобы во время полочки толпилось как можно меньше людей. Вопрос о полочке не должен становиться предметом обсуждения толпы. Первые месяцы полочка проходила сравнительно спокойно. Получали, что вылавали. За 45 минут все расчеты были окончены.

Потом время полочки стало растягиваться. Рабочие начали задавать вопросы — почему, мол, столько, а не столько? — Со временем начались и открытые протесты, настойчивые требования перерасчетов, при чем один уже поддерживал другого. Защита полочки становилась общим делом.

Во второй половине 1897 года цеха уже гудели во время полочки по два-три часа. 9 августа Риццони строжайше приказал бухгалтеру сократить время полочки. Но бухгалтерия тут уже ничего не могла поделать.

В сентябре 1897 года в кузнечном цеху вспыхнула стачка молотобойцев. Первая на заводе стачка. Ее зачинщиком был Иван Новомоднов. Он не был агитатор. Этот безграмотный рабочий только высказывал вслух то, что он думал. Иван Новомоднов знал свой тяжелый молот, и он знал, что обязан махать им по десять с половиной часов в день и получить за это 70—80 копеек. Если Иван Новомоднов хотел получить рубль, он должен был отмахать еще два часа. Если же Иван Новомоднов, обессиленный работой, неучтиво отвечал на окрик мастера, то он должен был возратить этот рубль хозяину. Штраф! Иван Новомоднов старался наверстать потерянный день и отобранный заработок, и он целый месяц работал сверхурочно. И вот приходит день

получки, Иван Новомоднов получает на три рубля меньше, чем он заработал. Мастер посылает к табельщику, а табельщик к мастеру. Что мог думать и говорить Иван Новомоднов? Он мог говорить, что расценки низки, что завод бит его заработок, что правила внутреннего распорядка каторжные, что нужно бы вырвать хоть один час в неделю и сократить рабочий день в субботу.

Разве в этом нужно было убеждать других молотобойцев?

Нет, Иван Новомоднов говорил вслух то, что они думали.

И когда в сентябрьскую получку 1897 г. их всех, и Ивана Новомоднова, обсчитали, они окружили мастера и заявили, что не станут на работу, пока им не вернут заработок.

Что мог ответить Иван Новомоднов на грозный окрик начальника цеха Попелло?

Он ответил, что „я тебе, кровопийце, молотом голову разобью“.

Это был уже бунт!

Попелло бросился к Риццони. Риццони вызвал Анищенко. А Анищенко подождал в проходной конторе, пока к нему приведут Новомоднова.

Молотобойцы простояли полдня. Это нарушило работу всего цеха. На молотобойцев надели „степенные“. В цехе появился Анищенко.

С обеда молотобойцы стали на работу. Первыми пошли „мурики“. Их было среди молотобойцев много. Они не столько бастовали, сколько ждали, когда же исправят эту явную несправедливость с получкой.

Анищенко поговорил с Попелло и вызвал в контору двух перепуганных „муриков“. Они подтвердили, конечно, предположение господина пристава, что Иван Новомоднов „был главным подстрекателем“. Попелло писал в донесении Риццони, что „на это указывали сами молотобойцы“. Иван Новомоднов на завод больше не вернулся.

Так завод, не успев еще выпустить первого парового, выпустил уже первого бунтовщика.

Риццони думал, что стачка молотобойцев это случайный эпизод. Но господин директор ошибся. 11 декабря 1897 года произошла новая вспышка уже в модельном цеху. Там „людей держал в руках“ мастер Иван Масло. До этого времени все егоделки сходили гладко, но на этот раз дело закончилось новым „бунтом“, и обнаружился новый элемент.

Модельщики Зеленов и Передерий получили долгожданную сдельную работу. Им было дано изготовить модель за 190 руб. Модельщики горячо взялись за работу. Им хотелось, понятно, сделать ее как можно скорее. Они

...ли в месяц заработать по 95 руб. каждый! Они работали 15—16 часов. Они позволяли себе потратить на обед —15 минут. Заработать такие деньги за месяц удается всегда. Нужно воспользоваться счастливым случаем.

И вот, за два дня до окончания модели, мастер Масло заявляет, что модель испорчена. Модельщики пытаются обко протестовать. Мастер Масло, не дослушав, твердит: "модель испорчена".

— Иван Онуфриевич, может быть переделать что-нибудь до? Мы переделаем. Не испорчена ведь модель... Дайте нам ее докончить.

— Нет, модель испорчена, я сдаю ее другому модельщику.

— Иван Онуфриевич...

— Ну, ладно, я запишу вам 20 руб.

— Как 20 рублей! Ведь целый месяц вдвоем работали... то же разбой!

— Ларик, проверь-ка модель!

И Масло уходит. К модели, не глядя на модельщиков, подходит "степенный" Ларик, закадычный собутыльник мастера. Ему, конечно, и без проверки ясно видно, что модель "испорчена". Он прикидывает "на глазок".

Взбешенный Зеленов бросается на Ларика и избивает его. Передерий сдерживает товарища.

Масло возвращается к модели. Передерий раздражается ганью:

— Я найду на тебя управу,— угрожает Передерий,— я ю, чего ты хочешь!

— Завтра за расчетом — бросает Масло и снова удаля...

Передерий и Зеленов уходят из цеха. Они пишут заявление директору: "Мастер... хочет отдать модель родственнику, который недавно испортил модель пресса... Просим назначить экспертизу".

Какая там экспертиза! "Уволить модельщиков № 3521 и 3527 за грубое отношение к мастеру и нарушение правил".

Стачка молотобойцев и увольнение двух модельщиков были известны по заводу. Большинство живо интересовалось этими случаями, многие расспрашивали о подробностях, каждый про себя одобрял "бунтовщиков", но не каждый желивался сделать то же. Это нарастание скрытого протеста против хищнического произвола толкнуло некоторых убегнуть к способу безымянных угроз. В проходной кон... стали находить письма с угрозой расправиться то с кем-нибудь мастером, то с самим директором. Эта наивная попытка запугать начальство очень обеспокоила администрацию. Ришони стал направлять к Анищенко "объявление, брошенное сегодня рабочими во время прохода толпой

через проходную контору. Объявление это было вложено в конверт без подписи" (25 февраля 1898 года).

Испуганный ростом брожения среди рабочих, Рицц бросился к полицмейстеру с просьбой „отрядить из шт. Харьковской городской полиции двух городских для наблюдения за рабочими в районе завода надзора" (31 января 1898 года).

Но вскоре господин директор получил возможность убедиться, что двум постоянным городовым у ворот не остановить роста брожения на заводе.

Вскоре обнаружился целый бунтарский цех. Таким цехом долго стал машиностроительный. В этом цеху собрались наиболее бывалый народ, и швед Энгблом не мог подобрать себе большого количества „земляков". В этом цеху чаще всего во время полочки раздавались протесты против штрафов, вычетов и расценок. Плохо говоривший по-русски Энгблом поручал вести все переговоры с рабочими своему помощнику монтеру Серикову. Этот держиморда опирался на незначительную группу своих приверженцев и свирепствовал так, что даже Энгблomu приходилось иногда сдерживать.

И вот вечером 14 марта за несколько минут до шабаша Сериков придрался к токарю Петецкому за то, что тот слишком, мол, долго задержался в отхожем месте.

— Гудка дождался, лодырь!

Больной Петецкий, обычно спокойный и уравновешенный мастеровой, ни слова не говоря, огрел монтера ключом. Сериков взревел и набросился на Петецкого.

Вмиг на монтера навалились соседи Петецкого. Сериков был основательно помят. Пошабашившие рабочие других цехов пришли на шум и заполнили цех. Прибежал и Энгблом.

— Кто бил?

— Все!

— Зубков, я спрашиваю тебя — кто бил?

— Все.

— Казаченко, кто бил?

— Все.

Толпа замерла. Энгблом приказал немедленно очистить цех. Толпа двинулась к выходу. В это время кто-то крикнул:

— Мы еще возьмемся за вас, шкуродеров!

Из толпы понесся оглушительный свист. Энгблом попытался узнать, кто это крикнул.

Когда цех опустел, он побежал к директору на квартиру. Риццони немедленно позвонил к старшему инспектору Гнедичу, рассказал ему о происшествии и условился завтра утром представиться по этому поводу губернатору. Тобизен принял их 16-го, сделал все „нужные распоряжения" и приказал полицмейстеру лично посетить завод.

На следующий день полицмейстер в сопровождении Ричи обошел завод и, решив, очевидно, что одного его явления достаточно для успокоения — уехал. Что было дальше, мы узнаем из письма, посланного директором гужонатору 20 марта 1898 года.

„16 сего месяца я, совместно со старшим фабричным инспектором Гнедичем, имел честь представиться Вашему Превосходительству по поводу беспорядков, происшедших 14 марта в машинностроительном отделе Харьковского Паравозостроительного завода. Вы изволили распорядиться, чтобы подвергшийся насилию монтер Сериков неотлагательно подал на рабочих Козаченко, Петецкого и Зубкова, проявивших главнейшее участие, жалобу мировому судье, которым эти лица на другой же день должны были быть привлечены к водворению в тюремное заключение. Согласно Вашего Превосходительства указанию, Сериков в тот же день подал мировому судье жалобу, который ему заявил, что рассмотрение ее будет назначено на 24-е число будущего апреля месяца. Вследствие изложенного обстоятельства, названные рабочие, оставаясь на свободе, продолжают пребывать около завода и подговаривать других рабочих к выражению недовольства, требованию увеличения платы и проч. Таким образом, постановка вопроса об ответственности виновных в происшедших беспорядках получила совсем неожиданный, очень опасный оборот в смысле поддержания порядка в заводе посредством привлечения рабочих к законной ответственности. Убедившись, что после посещения завода высшими чинами полиции и после тщательного разбора дела никаких мер воззвания не принято, рабочие видят лишь косвенное одобрение их поступков и это внушает им смелость и уверенность в безнаказанности в будущем“.

Не трудно догадаться, что Козаченко, Петецкий и Зубов были взяты, посажены в тюрьму, а потом высланы из Харькова.

Таковы были первые взрывы рабочего негодования и теста. Но дело было не только в них самих. Сами по себе они не представляли еще очень большой опасности хозяев. Огромное значение этих первых выступлений рабочих против эксплуататоров заключалось в том, что поднимали, сплывали весь завод, они подсказывали каждому рабочему необходимость борьбы, они звали его на борьбу.

Эту опасность учуял господин директор. Потому-то он и заметался, что дело приняло „совсем неожиданный

очень опасный оборот в смысле поддержания порядка заводе". Недаром господин директор подсказывал губернатору, что растерянность полиции и недостаточная, по мнению, решительность в борьбе с „беспорядками“, „учиняемыми рабочими, внушает им смелость и уверенность в безнаказанности в будущем". Господин директор предостерегал городские власти и указывал им на это страшное „будущее". А оно неминуемо надвигалось.

VII.

То, что происходило на Харьковском паровозостроительном заводе, не было частным явлением. Во всей России, всех фабриках и заводах, на каждом предприятии по-прежнему происходило то же самое. В России вырастал рабочий класс, как единая сила, которая единственно способна выдержать и довести до конца борьбу с царско-помещичьим строем, с капитализмом. И во главе этой силы уже тогда, в первой половине девяностых годов, становился великий Владимир Ульянов-Ленин. Уже тогда он начал создавать авангард рабочего класса — его партию.

Еще в 1894 году, будучи молодым человеком 24-х лет, Владимир Ильич в брошюре: „Что такое „друзья народа" и как они воюют против социал-демократов?" писал:

„Раздробленная, единичная, мелкая эксплуатация привязывает трудящихся к месту, разобщает их, не дает им возможности уразуметь своей классовой солидарности, не дает возможности объединиться, не понимая, что причина угнетения — не та или другая личность, — а вся хозяйственная система. Напротив, крупный капитализм неизбежно разрывает всякую связь рабочего со старым обществом, с определенным местом и определенным эксплуататором, освобождает его, заставляет мыслить и ставит в условия, дающие возможность начать организованную борьбу. На класс рабочих и обращают социал-демократы свое внимание и всю свою деятельность. Когда массовые представители его усвоят идею научного социализма, идею об исторической роли русского рабочего, когда эти идеи получат широкое распространение и среди рабочих создадутся прочные организации, преобразующие теперешнюю разрозненную экономическую войну рабочих в сознательную классовую борьбу, — тогда русский РАБОЧИЙ, поднявшись во главе всех демократических элементов, сметет абсолютизм и поведет РУССКИЙ ПРОЛЕТАРИАТ (рядом с пролетариатом ВСЕХ СТРАН) прямой

рогой открытой политической борьбы К ПОБЕДОНОСНОЙ КОММУНИСТИЧЕСКОЙ РЕВОЛЮ- ЦИИ“.

Тогда же Владимир Ильич ставил перед рабочими ближайшей задачей „организацию социалистической рабочей партии“.

В конце 1897 года Владимир Ильич написал брошюру „Задачи русских социал-демократов“, в которой он указал пути создания такой партии. Он писал тогда:

„Перед русской социал-демократией еще громадное, едва начатое поле работы. Пробуждение русского рабочего класса, его стихийное стремление к знанию, к объединению, к социализму, к борьбе против своих эксплуататоров и угнетателей проявляется с каждым днем все ярче и шире. Гигантские успехи, которые делает русский капитализм в последнее время, ручаются за то, что рабочее движение будет безостановочно расти вширь и вглубь. В настоящее время мы переживаем, видимо, тот период капиталистического цикла, когда промышленность „процветает“, торговля идет бойко, фабрики работают всю и, как грибы после дождя, появляются бесчисленные новые заводы, новые предприятия, акционерные общества, железнодорожные сооружения и т. д. и т. д. Не надо быть пророком, чтобы предсказать неизбежность краха (более или менее крутого), который должен последовать за этим „процветанием“ промышленности. Такой крах разорит массу мелких хозяйчиков, бросит массы рабочих в ряды безработных и поставит, таким образом, перед всеми рабочими массами в острой форме те вопросы социализма и демократизма, которые давно уже встали перед каждым сознательным, каждым думающим рабочим. Русские с.-д. должны позаботиться о том, чтобы этот крах застал русский пролетариат более сознательным, более объединенным, понимающим задачи русского рабочего класса, способным дать отпор классу капиталистов, пожинающих ныне гигантские барыши и стремящихся всегда сваливать убытки на рабочих, — способным выступить во главе русской демократии в решительную борьбу против полицейского абсолютизма, связывающего по рукам и по ногам русских рабочих и весь русский народ“.

В этой брошюре Владимир Ильич указывал на необходимость упрочения связи социал-демократических кружков рабочими массами, на необходимость перехода от замкну-

той пропагандистской работы в узких кружках к широкой политической и экономической агитации в рабочих массах к развернутой практической деятельности по созданию боевой рабочей партии. В той же брошюре Ленин писал:

„Итак, за работу же, товарищи! Не будем терять дорогого времени! Русским социал-демократам предстоит масса дела по удовлетворению запросов пробуждающегося пролетариата, по организации рабочего движения, по укреплению революционных групп и их взаимной связи, по снабжению рабочих пропагандистской и агитационной литературой, по объединению разбросанных по всем концам России рабочих кружков и социал-демократических групп в единую социал-демократическую рабочую партию!“

Первый социал-демократический кружок в Харькове возник в 1892 году. Он объединял небольшую группу интеллигентов и вел замкнутую „школьную“ жизнь. Первые социал-демократы в небольшом кружке изучали Маркса, вели теоретические споры „о судьбах капитализма в России“ и пытались выработать в этих спорах свое мировоззрение. Впоследствии харьковские социал-демократы в шутку называли этот первый кружок „социалистической академией“. Этим подчеркивался учебный, замкнутый характер кружка. Этот первый кружок не имел каких-нибудь связей с рабочими Харькова.

В 1895—96 годах в Харькове уже было три-четыре кружка, объединенных центральным кружком. Все эти кружки тоже вели замкнутую внутреннюю учебу и пополнялись главным образом, за счет студенчества и редких одиночек рабочих. При активном участии этих рабочих организации удалось в городском районе создать ряд кружков средних печатников, наборщиков, картонажников, белошвеек, ювелиров, конвертниц, конфетниц, табачников и других.

Открытая массовая агитация среди рабочих считалась еще „преждевременной“.

В те же годы организации удалось связаться с одиночными рабочими в заводском районе. Зимой 1895—96 года в организацию вошли рабочие железнодорожных мастерских, Семенов и Матросов. Одновременно рабочие Давыденко и Зоткин организовали в тех же мастерских кружок из молодых рабочих-учеников.

Попытка проникновения социал-демократического кружка на паровозостроительный завод началась с приходом туда на работу тов. Семенова, в конце 1896 года.

Семенов долго присматривался к товарищам по паровозостроительному цеху. Из опасения быть раскрытым, Семенов настолько конспирировался, что не вел агитационной работы среди рабочих, а выискивал одиночек для привлечения в замкнутый кружок. Стихийное нарастание недовольства и протеста среди рабочих, стихийные вспышки против заводских порядков и заводской администрации прошли мимо Семенова. Он не сумел первое время собрать, сплотить вокруг себя наиболее активных рабочих, не сумел на основе недовольства рабочих заводскими порядками, на основе их разрозненных экономических требований начать и политическую агитацию. Семенов тоже считал это „преждевременным“.

Работа слишком замкнутого социал-демократического кружка отставала от растущего брожения в рабочих массах.

Со временем это начал понимать и Семенов. Он начал понимать, что замкнутая, не ведущая работы в широких массах социал-демократическая организация может превратиться в мертвую секту. Он начал понимать, что на заводе зреют силы, которые социал-демократическая организация, если она хочет быть боевой, революционной организацией, должна объединить, возглавить, направить.

Семенов пришел к этому выводу по собственному опыту.

Он узнал о стачке молотобойцев, когда об этом говорил уже весь завод.

Он видел, как рабочие машиностроительного цеха стеной стали против заводской администрации.

На его глазах завод выделил таких людей, как Новомоднов, Зубков, Петецкий, Казаченко.

На его глазах завод вырастал в грозную силу, которая переполошила уже администрацию и городские власти.

Когда Семенов это продумал, он потребовал от центрального кружка перехода к широкой социал-демократической агитации.

По настоянию Семенова в 1898 году организация выпустила свой первый листок к харьковским рабочим.

Этот отпечатанный на гектографе листок впервые разъяснял рабочим необходимость сплочения, призывал к стачечной борьбе за экономические требования и политические права. Листок был подписан „группой социал-демократов“. Как и прежде, социал-демократический кружок уделял главное внимание железнодорожным мастерским, поэтому из небольшого количества этих листов большинство было распространено там. На ХПЗ попало только несколько листов.

Рано утром, перед началом работ, Семенов рассовал по ящикам у станков и верстаков паровозостроительного цеха несколько листов. Он видел, как рабочие вынимают

листки, сначала недоуменно разглядывают их, а потом поспешно прячут в карман.

Потом они стали выходить. По нужде, мол. Некоторые из них по пути подталкивали локтем товарища:—Пойдем-ка дело есть... И возвратившись, они очень старались показать, что ничего не произошло.

В обед к Семенову подошел токарь Артемий Нехорошев.

— У меня к тебе дельце завелось... Пойдем что ли, покурим.

Покурить можно было только в отхожем месте, но Нехорошев увел Семенова мимо. Артемий несколько минут маялся. Семенов помог ему заговорить.

— Тут листочек один нашелся... Может, возьмешь почитать?

Семенов заинтересовался. Нехорошев дал почитать.

— Только не рви, еще пригодится...

Семенов возвратился в уборную, а Нехорошев в цех.

В цеху Нехорошев и Семенов старались не глядеть друг на друга.

Кто-то из „брянцев“, прочитав найденный у себя листок, а потом еще раз, сделал подобострастно-озабоченное лицо и побежал к Горохову. Мастер всей пятерней хватил листок.

— Читал ты это?

— Нет, как же, кто его читать станет...

— Найдутся... Иди и помалкивай.

„Брянец“ петушком убежал и за работой строго оглядывал цех.

После шашаба Нехорошев догнал за воротами Семенова. Несколько минут они шли молча. Заговорил Нехорошев.

— Ну, как?.. Дельная, ведь, бумажка?

— Справедливо написано.

— Ты мне ее отдай. Спрячу.

— Зачем прятать? Может дать кому-нибудь...

— Нет, уж я сам дам.

Семенову это и нужно было.

В тот же вечер Нехорошев показал бумажку своему соседу, слесарю машиностроительного цеха Александру Коробченко. Он еще раз прочитал ее вместе с соседом и оставил у него.— „С нашим Гороховым и его братией много не прочитаешь...“

Утром листок пошел по машиностроительному цеху. И пошел так, что даже Сериков не узнал о нем.

Так пришла на завод первая социал-демократическая листовка. Кто читал первую, ждал уже вторую. Но она долго не появлялась. Как ни настаивал Семенов, кружок

лишенный элементарной техники, не сумел ее выпустить вплоть до 1899 года.

До этого времени социал-демократическая организация не сумела еще проникнуть на завод, не смогла превратить этот гигант в свою опорную базу, не могла его охватить более или менее постоянным и организованным влиянием.

Первая маевка в городе состоялась в 1898 году. Но она охватила только несколько десятков рабочих, связанных с кружками, главным образом из железнодорожных мастерских, и не затронула широких масс завода. Да и не могла их затронуть. Широкие массы ничего еще не знали о великом дне. И городская социал-демократическая группа не сумела еще предпринять сколько-нибудь важных шагов к тому, чтобы объединить массы рабочих в организованном выступлении.

Весть о первом мая широко разошлась среди рабочих только в 1899 году. К этому времени группа окрепла настолько, что смогла выпустить листовку, специально посвященную этому дню.

Тысяча рабочих впервые узнали о своем празднике. Прокламация разъясняла им его значение. Первое мая стало памятным днем в календаре рабочих.

Листовка снова появилась на заводе через Семенова, но теперь уже в большем количестве экземпляров и распространена она была более широко.

Семенов принес на завод еще и картинку. Она называлась „Майская картина“. На ней был изображен рабочий с красным знаменем, пришедший в кузницу звать товарищей бросить работу.

Кто видел эту картину, рассматривал ее пристально и долго, как будто она изображала не только этот эпизод, а люди ожили на ней и они действуют, и вот смотрящий следит за тем, как они действуют.

На заводе заговорили о прокламации и картине, заговорили о 1 мая. Нехорошев в беседе с Семеновым стал говорить, что хорошо бы забастовать и нам. Семенов с ним согласился. Но как это сделать? Как поднять эти тысячи людей? Этого Семенов еще не знал.

Городской организации стало известно, что рабочие поговаривают о забастовке. Но и в этом году она не смогла еще поднять сколько-нибудь значительного числа рабочих. 1 мая 1899 года снова ознаменовалось только несколькими загородными собраниями, в которых приняло участие по десятку рабочих. Но как незначительны ни были эти первые маевки, они все же имели огромное значение. В широких рабочих массах стало известно, что маевки уже происходят, что какие-то рабочие принимают в них участие. В сознании рабочих маевка становилась непреложным фактом.

О последней маежке разнюхала и жандармерия. По городу на заводах прокатилась первая волна обысков и арестов. Охранники искали прокламаций, того, кто их распространял и даже того, кто их читал. Но эта полицейская вылазка не принесла им большого успеха. Основные силы организации остались нетронутыми.

Вторая половина 1899 года принесла ряд событий, имеющих огромное значение в упрочении революционных настроений среди рабочих ХПЗ. Осенью, без призыва и руководства со стороны социал-демократической организации на почве экономических требований вспыхнула забастовка на соседнем заводе „Бельгийского Общества“. Уже после ее возникновения организация обратилась к рабочим этого завода с листовкой и сумела поддержать забастовщиков тысячей рублей, собранной среди сочувствующих в городе. Забастовщики держались стойко. Хозяева завода вынуждены были пойти на уступки.

Вслед за этой забастовкой на некоторых небольших Харьковских заводах возникло движение за сокращение рабочего дня с 11½ часов до 10½ часов, как это было на крупных заводах. Эти требования рабочих были удовлетворены. Хозяева и городские власти испугались стачки.

Успех первых забастовок укрепил в сознании рабочих уверенность в силе стачек и возможности победы. Эти первые забастовщики вынудили хозяев на уступки. Кто-то забастовщикам помогает. Стачка тоже становилась неслучайным фактом. Так среди сотен рабочих завода нарастала внутренняя готовность к стачке, когда она начнется.

VIII.

Между тем на паровозостроительном заводе, как и во всей промышленности, свершалось то, что пророчески предвидел и к чему готовил русских социал-демократов Владимир Ильич.

Период кратковременного „процветания“ кончился. Наступала полоса затяжного кризиса. Завод подходил к окончанию правительственного заказа на паровозы. Сжимаемые кризисом заводы-потребители прекратили заказы на станки. И хозяева по-своему готовились к кризису.

12 марта 1899 года Иванов послал директору завода первый сигнал: „...кризис наступит рано или поздно, — писал Иванов, — и надо заранее быть подготовленным к довольно разнообразному выходу из затруднений“.

Риццони отлично понял, что значит этот „довольно разнообразный выход“. Хозяева приказывали ему свалить издержки кризиса на рабочих. Прибыль не может быть снижена. За капиталистический кризис должны расплачиваться рабочие. И Риццони начал осуществлять „выход“.

Первым из этих „довольно разнообразных выходов“ было снижение заработной платы. Уже в апреле 1899 года средний заработок в машиностроительном цеху с 1 р. 30 к. снизился до 1 руб. 11 коп.; в чугунолитейном — с 1 р. 46 к. — до 1 рубля. 30 коп. и т. д. В то же время Гороховским брянцам, этим хозяйским приспешникам среди рабочих, заработная плата была повышена. С рабочего стали сдирать по двугривенному в день, чтобы сохранить хозяйские сотни тысяч.

Выход должен был быть „разнообразным“ — приказал Иванов, — и Риццони вскоре нашел еще один способ: ликвидировать постоянные расценки, установить порядок, при котором мастера в каждом отдельном случае договариваются с отдельным рабочим о расценке.

Мастер вызывал к себе рабочего и говорил ему: даю за работу 10 рублей. Рабочий пытался сопротивляться. Ему нужно было работать для этого две недели. Еще в прошлом месяце он за эту же работу получал 15 рублей. Вот, мол, господин мастер, и в расценках написано: за эту работу полагается 15 рублей.

— Постоянных расценок на заводе больше нет. Получай, что дают, или не дам и этого. Завод лодырей не держит. Можешь подавать на расчет.

А это было самое страшное. Перейти на другой завод уже нельзя было. Квалифицированных рабочих уже не „берегли“. Их выбрасывали за ворота пачками. Вскоре это самое страшное началось и на паровозостроительном заводе. 9 ноября 1899 года была выброшена первая группа рабочих: 24 кузнеца и их молотобойцы.

Сама администрация постаралась, чтобы это стало известным по всему заводу. Угроза безработицы была самой сильной угрозой в руках хозяев. Оплата за сдельную работу стала ниже прежней поденной. Поденная плата была фактически ликвидирована. Литейщик номер 2517 Москалев, имея в книжке обозначенной поденную плату в размере 1 руб. 50 коп., был переведен, как и все другие, на сдельную и стал вырабатывать только по 80 коп. Риццони нашел еще один способ „довольно разнообразного выхода“.

Но кризис все возрастал. 4 декабря Риццони уже сообщил правлению: „...Если завод будет продолжать работу в полном объеме, то паровозосборному цеху хватит работы лишь до апреля месяца включительно... На июнь месяц работ для котельной пока еще не имеется...“ И тут же директор сообщает о „выходе“: — „С 1 января заявлен расчет 35% рабочих кузнечного цеха“.

Так на заводе совершалось то, что предвидел для всего русского капитализма Ленин. Наступил крах, и капита-

листы, пожинавшие гигантские барыши, начали сваливать убытки на рабочих.

Но Ленин предвидел не только это. В 1894 году Ленин предвидел, что этот крах „поставит перед всеми рабочими массами в острой форме те вопросы социализма и демократизма, которые давно уже встали перед каждым сознательным, каждым думающим рабочим“.

Вскоре началось и это. На заводе стали накапливаться взрывные силы. Даже фабричный инспектор господин Кошечкин это заметил. Кошечкин засуетился. Кошечкин старался убедить Риццони, что, мол, законы Российской империи, „Устав о промышленности“ дают капиталистам достаточно возможности для эксплуатации и обеспечивающим довольно высокие барыши, зачем же понадобилось господину директору нарушать эти, и без того хорошие, законы. Господин фабричный инспектор стал чаще появляться на заводе и аккуратно записывать в книгу „замеченные мною недостатки“. Но господин директор плевал на господина инспектора, и господин инспектор терпеливо вытирал эти плевки. Когда дело стало заходить слишком далеко, Кошечкин увидел страшную опасность для своих хозяев, он 2 марта 1900 г. написал Риццони:

Секретно.

„Считаю долгом предупредить Вас, милостивый государь, что по некоторым данным можно предположить о возрастании недовольствия среди рабочих Харьковского паровозостроительного завода, которое может повести к печальным последствиям; что главнейшими причинами недовольствия являются:

а) понижение заработка, б) его неравномерность и в) неимение определенных всем известных и законом требуемых расценок, и что вследствие сего рост недовольствия среди рабочих может быть приписан упорному неисполнению заводом законных требований фабричной инспекции.

*С совершенным почтением фабричный инспектор
КОШЕЧКИН*

Письмо возмутило Риццони. Куда он лезет, этот Кошечкин. Или он забыл кому служит? Что он суется со своим законом, когда дела Общества идут плохо! Прибыль! — высший закон, и фабричный инспектор должен это знать. Риццони и сам знает о недовольствии среди рабочих. Пусть Кошечкин сделает так, чтобы этого „недовольствия“ не было; для того и поставлен. И 4 марта Риццони написал Кошечкину издевательский ответ:

„В отношении Вашем от 2 марта за № 105 Вы по некоторым данным устанавливаете предположение о возрастании неудовольствия среди рабочих вверенного мне завода, которое, по Вашему мнению, может привести к печальным последствиям...”

Вследствие вышеуказанного имею честь выразить Вам искреннюю благодарность за сделанное Вами указание, к какого рода последствиям, по Вашему мнению, может привести предполагаемое неудовольствие. Мне было бы еще приятнее, если бы имеющиеся у Вас данные позволили бы более определенно разъяснить печальность указываемых последствий. То есть более точно указать самые последствия, без каких-либо дополнительных разъяснений я не в состоянии представить себе этих предполагаемых последствий...”

Так Риццони в весьма вежливых выражениях сказал инспектору: — пошел прочь, остолоп! Не лезь не в свое дело!

Кошечкин поджал хвост и побежал жаловаться к старшему фабричному инспектору Быкову. Быков, хоть и был с Риццони в очень хороших отношениях, но взял своего чиновника под защиту. Павел Павлович — решил Быков, — очевидно, не понимает, как далеко зашло дело. Массовое брожение началось среди рабочих всего города. Нужно, по возможности, конечно, хоть на время, ослабить нажим. Иначе это брожение действительно приведет к весьма печальным последствиям. Лучше сейчас немного уступить, чтобы потом не потерять большего. И 14 марта Быков написал Риццони:

— „...Приближение весеннего времени, часто весьма беспокойного для промышленных заведений, вынуждает меня настойчиво просить Вас в возможной полноте исполнить все требования устава о промышленности и согласные с ним замечания фабричной инспекции и лишний раз указать, что уклонение от установленных требований в деле расчета с рабочими может повлечь иногда крайне нежелательные последствия.

Вместе с тем, честь имею покорнейше просить Вас, милостивый государь, незамедлительно сообщить мне о всех замеченных администрацией завода признаках неудовольствия среди рабочих”.

Указывая неосмотрительному Риццони на опасность, Быков в то же время успокаивал его: в случае, мол, чего — позови меня... Риццони не ответил Быкову. Он и сам стал убеждаться, что брожение на заводе действительно огромно, и что ни он, ни мастера с „земляками“ уже не смогут „удержать в руках“ тысячи рабочих. Рабочие уже вырываются из хозяйских рук.

IX.

В 1900 году социал-демократическая организация сумела развернуть более широкую подготовку к 1 Мая.

Уже 22 апреля за Ивановкой, неподалеку от пивного завода, собралась первая сходка, посвященная подготовке к 1 Мая. На сходку сошлось свыше 100 человек рабочих в подавляющем большинстве из железнодорожных мастеровских. Эти мастерские остались основной базой социал-демократической организации; здесь были сосредоточены лучшие силы и создано рабочее ядро. Остальные заводы в том числе и паровозостроительный, попрежнему не были охвачены руководством этой организации. На паровозостроительном попрежнему действовали одиночки, которых мы уже знаем. На этой сходке от паровозостроительного завода присутствовал, вероятно, только Семенов.

Сходка наметила план забастовки 1 мая. Центром демонстрации была намечена Конная площадь. Сюда должны были сойтись все заводы и отсюда общей демонстрацией двинуться в город.

Семенов в тот же день виделся с Нехорошевым. Артемий убежденно заговорил, что завод 1 мая бросит работу. Он уверен в успехе. Он готов немедленно начать агитацию. Семенов поручил ему поговорить об этом только с некоторыми рабочими.

Нехорошев сейчас же пошел к Коробченко. — Как смотришь на это? Коробченко ответил, что за машиностроительный цех он ручается. Этот цех не подведет. В цеху появились боевые парни. Коробченко стал их перечислять: Марченко, Володин, Квитченко, Рыболович, Казымыков. Все это новый народ на заводе. Все они пришли только в прошлом году. Но Коробченко знает цех и уверен, что эти ребята не подведут.

Во вторник, 25 апреля, на заводе появились листовки и брошюры о 1 Мае. Они были заготовлены организацией и привезены из Екатеринослава еще в начале апреля. На этот раз листовок было уже свыше двух тысяч. Сколько можно было принести с собою — Семенов принес. Но этого было мало. Теперь уже никто не недоумевал, когда находил у себя в ящике листовку; теперь уже многие сами заглядывали в ящик: нет ли, мол, там чего-нибудь такого. Это должно бы быть...

В среду вечером, 26 апреля, перед шабашом у заводских ворот все было, как обычно. Грузно похаживали городовые, бойко тараторили торговки. За несколько минут до гудка на заводе появилась группа мальчишек. Это тоже было обычно. Эти „аравы“ — как тогда называли мальчишек — часто приходили к заводу перед гудком, чтобы раздать рабочим объявления о „дешевой распродаже“ какого-нибудь предприимчивого

торговца. После гудка, когда рабочие стали выходить из дверей проходной конторы — „арапы“ раздали им свои бумажки. Необычно было только то, что мальчишки делали это очень поспешно, и рабочие рвали у них объявления из рук. Когда у мальчишек объявлений уже не стало, они мигом скрылись.

Нам не трудно догадаться, что это были не объявления, прокламации. Но об этом трудно было догадаться городовым. Анищенко устроил им свирепый нагоняй и приказал „глядеть в оба“.

В четверг городовые были бдительнее. Городовые уже специально ждали „арапов“. Они долго не появлялись. Но как только из проходной стали выходить первые рабочие, мальчишки появились как из-под земли. И у каждого в руках была огромная пачка желтых листовок. Городовые бросились за „арапами“. Они хватали их за воротники и трясли так, что мальчишки посинели.

— Ой, за что, дяденька?

— За что бьете? За что бьете мальчишек, архангелы?! И вокруг городских столпились рабочие.

— За дело — ответил один из вспотевших архангелов и стал складывать отобранные у мальчишек листовки в кучу.

— Да ты посмотри, что это! — и один из рабочих ткнул городовому под нос желтое объявление весьма уважаемой даже господином полицмейстером торговой фирмы „Пононарев и Рыжов“.

Рабочие подняли оторопелых стражей на смех. „Арапы“ мялись сквозь слезы.

В эту минуту за толпой началось какое-то движение. Когда толпа рассеялась, городовые увидели проехавшую же мимо пролетку, за которой бежали рабочие. На пролетке сидел человек и бросал за спину листовки. Это были именно те листовки, которых ждала полиция. Пролетка мчалась, и рабочие живо расхватывали прокламации. Городовые бросились их отбирать, но отобрать у рабочего листовку было нелегко. Пока городовые возились с двумя-тремя рабочими, остальные разошлись.

Анищенко обрушил на архангелов все громы преисподней. Листовка широко разошлась по заводу. Ее читали почти открыто.

Эта прокламация и брошюра рассказывали рабочим историю 1 Мая, раз'ясняли его значение; они призывали рабочих к борьбе за политические права; они выдвигали лозунг 8-часового рабочего дня и раз'ясняли его международное революционное значение; они призывали к сплочению и забастовке 1 мая; они призывали рабочих всех национальностей к классовому единению. Заканчивалась прокламация так:

„Мы требуем:

1. Свободы союзов, стачек, собраний, слова, печати неприкосновенности личности и участия в издании законов.
2. Установления законом 8-часового рабочего дня для всех рабочих без исключения.
3. Отмены сверхурочных работ.
4. Восстановления праздников, запрещенных законом 2-го июня 1897 года.
5. Распространения фабричных законов и инспекции на казенные и ремесленные мастерские.
6. Обязательного государственного страхования рабочих и ответственности хозяев за несчастные случаи.

Итак, товарищи, вперед, за нашу свободу, за наши права, за лучшую жизнь. Пусть беснуется наше правительство, пусть грозит нам штыками, пусть бросает в тюрьмы, ссылает нас в Сибирь, мы не остановимся перед этим. Мы заявим себя членами той великой рабочей семьи, которая искоренит на свете неправду и зло, воцарит на земле братство, равенство, свободу.

Мы не будем работать в этот день, мы посвятим его собраниям и сходкам, нашему общему делу.

Да здравствует 1 Мая!

Да здравствует международная социалдемократия!

Да здравствует Российская Социалдемократическая Рабочая Партия!

Товарищи, полиция, чтобы иметь повод послать нас войска, постарается вызвать нас на беспорядки. Но мы не поддадимся на удочку, мы мирно и спокойно без буйств и насилия отпразднуем день 1 Мая!

ХАРЬКОВСКИЙ КОМИТЕТ РОССИЙСКОЙ СОЦИАЛ-
ДЕМОКРАТИЧЕСКОЙ РАБОЧЕЙ ПАРТИИ

Типография „Южного Рабочего“.

Листовка проникла в самую гущу рабочих. Для огромного большинства она была впервые услышанным революционным словом. И понятно, что это огромное большинство еще не поняло, не осознало всего значения выдвигаемых прокламацией политических лозунгов и требований. Им понятно было одно: листовка указывала способ и срок для протеста против зверских порядков на заводе, против хозяйского грабежа, против тяжелой жизни. Именно это объединило тогда тысячи людей. Политические требования были понятны еще только небольшой группой передовых рабочих. И в те времена это имело огромное значение. Голос токаря паровозосборного цеха Артемия Нехорошева, требовавшего

конституции, прогремел тогда на всю Россию. На этот голос откликнулся великий Ленин.

29 апреля на Лысой горе собралась вторая сходка. Собирались около 40 человек. Они приняли окончательное решение 1 мая забастовать и разработали окончательный план демонстрации. Этот план в полной мере отражает в себе слабость тогдашней социалдемократической организации, отсутствие связи с широкими рабочими массами. План сводился к следующему: забастовку провести под чисто политическими лозунгами; никаких экономических требований не выдвигать. Социалдемократическая организация настолько не знала действительных настроений рабочих масс, что на этой второй сходке было решено сузить забастовку против первоначального плана; решено было забастовку закончить к 8 часам утра.

Как рассказывает в „Летописи Революции“ один из руководителей тогдашней забастовки, рабочий железнодорожных мастерских товарищ Матросов, окончанием забастовки в 8 часов утра они хотели „показать начальству нашу готовность к борьбе за празднование и за 8-часовой рабочий день, но не начинать самой борьбы“.

Последующие события „неожиданно“ далеко переклестили этот план.

Основные силы социалдемократической организации были попрежнему собраны в железнодорожных мастерских; здесь был сосредоточен „главный штаб“. На этой сходке Семенов с Матросовым условились поздно вечером сходить на Найковскую улицу и в условленном месте получить для распространения новую листовку, написанную в духе решений, принятых на этой сходке.

Поздно ночью они встретились в условленном месте. Найковская улица была тогда еще заросшим диким кустарником пустырем, среди которого сутулились одинокие домики. Они много передумали и о многом переговорили в эту тихую ночь. Листовок так и не принесли. С рассветом Семенов ушел на завод.

Завод уже знал, что готовится забастовка. Об этом не говорили вслух, но это знал каждый. Пришел день, когда нужно было решать, что делать завтра. И решали по-разному.

Степенные „брянцы“ побаивались забастовки. Они оказались между молотом и наковальней. Они поглядывали на начальство и хотели у него почерпнуть уверенность, что забастовки не будет. Они поглядывали на молодежь и видели, что забастовка неминуемо будет.

Последние дни Горохов ходил мрачный, как туча. Он не очень был уверен в силе своих „брянцев“. 30 апреля он вызвал к себе в конторку наиболее „степенных“ Карасюка,

Бренчугина, Проскина и Титаева. Горохов не говорил ни о том, чтобы они не смели бастовать. Это само собой разумеется, что они не посмеют.

— Завтра — сказал им Горохов — не пускать чужих цех и не выпускать своих из цеха. Понятно?

— Понятно, Егор Макарович...

И „брянцы“ ушли. Они были совсем удручены.

„Мурики“ тоже знали, что будет забастовка. Многие из них решили совсем не выходить; то есть не то, чтобы забастовать, а просто уйти от греха подальше и пересидеть этот день дома. Остальные из них порешили выйти на работу: мастер предупредил, что шкуру сдерет. „Мурики“ удивленно поглядывали на своих односельчан, уже переставших быть „муриками“. До чего, мол, изменились люди...

В машиностроительном цеху большинство решило при себя бастовать. Но все-таки: „Посмотрим, как другие“. Это выжидательное настроение было общим для всего основного ядра рабочих.

В модельном цеху, во время обеда, вдруг заговорил обычно молчаливый и необщительный Анисим Петруха. Он заговорил о самом важном, о чем в эту минуту думали одни, или пытались не думать другие. Не переставая есть и ни на кого не глядя, Петруха сказал как бы себе самому:

— А надо бы забастовать... К чертовой матери...

И этого было достаточно. Никто Петрухе не ответил.

После вечернего гудка 30 апреля толпа выходила типично обычного. Старались не говорить друг с другом. Только мальчишки шушукались.

Риццони созвал начальников цехов и до поздней ночи с ними совещался.

Х.

Ночью по улицам рабочих окраин и у завода зацокали конные раз'езды. Во многих домиках до рассвета горели лампы. Ранним утром жены и матери рабочих, выпроводив своих на завод, собрались по дворам в горстки и ожесточенно шушукались.

— Мой не вышел — говорила какая-нибудь и заглядывала в глаза соседкам; это, мол, очень благоразумно — но все-таки как вы на это посмотрите?

— И правильно сделал — отвечали ей соседки, но дальше понять, что „наши“ не такие трусы.

Не выйти на работу до начала забастовки, значило упрятаться в кусты. Это понимали и жены рабочих.

По пути на завод рабочие еще успели видеть три красных флага. На них было большими белыми буквами написано: „Помни, рабочий, завтра Первое Мая“. Высланный приставом городовые сняли флаги и попытались их унести.

так, чтобы никто не заметил. Но все это видели. И флаг, сорванный городовым, стал еще значимее.

У завода расположились полицейский наряд и казачий раз'езд. Рабочие входили в завод, как в тюрьму. У ворот стали Нехорошев и Коробченко. Они не говорили речей и ничего не провозглашали. Они только на миг задерживали небольшую группу идущих в завод и быстро говорили: — Помни, ребята, бастовать, — так дружно.

В шесть часов утра Риццони сообщили, что на работу вышло немного больше половины рабочих. Огромное большинство живущих на селе и часть „степенных“ на работу не вышли.

Рабочие разошлись по цехам. Но никому не работалось. Все ждали, когда это начнется, и никто не знал, как это начнется. Мастера суетились, покрикивали, делали вид, что они заняты обычными цеховыми делами и вот пытаются наладить дело, но им это не удавалось.

В механическом цеху за работу совсем и не принимались. Рабочие толпились и ждали. Сериков упрятался к Энгблomu в конторку и боялся показываться. Энгблом считал свое появление в цеху тоже бесполезным.

В семь часов утра на завод прибыл Кошечкин. Он нарочито озабоченно поздоровался с Риццони. Он дал понять директору, что вот, мол, не послушались меня, а теперь мне же нужно расхлебывать эту кашу. Но, ничего, сейчас он все это уладит; фабричная инспекция среди рабочих популярна.

Риццони советовал Кошечкину сходить в машиностроительный цех. Это „самый развращенный цех“, отсюда все может и начаться. Кошечкин в сопровождении помощника директора Зелига пошел в машиностроительный цех.

— Здравствуйте, братцы... —

— Ага! Доброго здравия...

Кошечкин не знал, как продолжать. Рабочие встретили инспектора явно недоброжелательно. Помявшись, Кошечкин стал спрашивать, почему не работаете?

— Боимся, господин инспектор. Городских рабочих боимся. Они ведь не работают?

Слесарь Усов подождал ответа; ему нужно было выпытать у инспектора, началась ли забастовка у „городских“ рабочих. Глуповатый Кошечкин не сообразил, в чем дело.

— Ну и ответят за это! По всем строгостям закона ответят!

— Вот мы и боимся, чтобы они нас не побили.

В разговор вмешался Зелиг. Он понял, что это уловка и постарался сыграть на ней. Он стал доказывать явную нелепость такой боязни, да еще под защитой вооруженной силы.

В это время возле цеха стала собираться группа мальчиков. Они слишком долго собирались. Пристав успел разгадать их намерение разбежаться по цехам и бросился городовыми их разгонять и ловить. Начался крик и свист. Токарь Марченко выглянул из цеха.

— Чего там разговаривать? Выходи, ребята!

Он увлек за собою несколько десятков человек. Анищенко бросился в цех. Пристав отеснил не успевших выйти и приказал двум городовым никого не выпускать, а сам побежал за вышедшими. Оставшиеся стали требовать, чтобы их выпустили: нас побьют, мол. Они так надели на Зелина, что ему осталось только „разрешить“ им выйти из цеха. Для того, чтобы это носило характер именно разрешения, Зелин заявил:

— На сегодняшний день штрафовать вас не будем. Но завтра на работу явитесь.

Его почти никто не слушал.

Вывавшись из машиностроительного цеха, толпа бросилась к паровозосборному. Тысяча пятьсот человек этого цеха решали успех забастовки. Толпа ворвалась в паровозосборный с криками — бросай работу! Долго кричать не пришлось. Паровозники стали складывать инструмент и одеваться. Вдруг у выхода появился Горохов. Вокруг него собралась кучка „брянцев“. Горохов завопил:

— Куда? Гоните, братцы, бунтовщиков-хриstopродавцев! „Брянцы“ бросились на пришедших. Особенно старались Карасюк, Бренчугин и Проскин. Во время свалки паровозник Трунов оттянул Горохова от двери, и часть толпы противулась из цеха. Горохову удалось удержать только половину своих рабочих. На дворе образовалась большая толпа. Мальчишки разлетелись по остальным цехам.

— Началось! Бросай работу!

Из котельного, кузнечного, модельного и других цехов стали выходить сначала одиночные рабочие, а потом группы.

Некоторое время огромная толпа топталась на дворе. Потом раздались крики: выходи на улицу! — и из толпы выделилось до трехсот человек. Они раскрыли ворота и вышли на улицу. Многие из оставшихся стали расходиться в одиночку. На заводском дворе осталось до тысячи человек. Они не знали, что делать. К ним вышел Риццони. Директора почтительно окружили „степенные“.

— Выпустите нас, Павел Павлович. Сами видите — работать не будет...

Риццони распорядился выпустить всех из завода.

В половине одиннадцатого завод опустел.

Вывавшаяся ранее группа безмолвно двинулась в город. Впереди шли Семенов, Нехорошев и группа мастеровых машиностроительного цеха.

По пути они остановились у завода „Бельгийского Общества“. На этом заводе, как будто, работали. Из толпы понеслись крики:

— Открывай ворота! Бросай работу!

За воротами началась беготня. Через несколько минут из завода вышла толпа в пятьсот человек.

Их встретили радостным „ура“.

Отсюда все вместе двинулись к заводу Штейна. Из этого завода тоже вышли рабочие. Таким образом, собралось до 2 тысяч человек. Только теперь над ними появилось, на высоком шесте, красное знамя.

Впервые эти люди объединились под своим знаменем. И каждый почувствовал, что в его жизни свершился какой-то перелом. Такие минуты в жизни рабочих никогда не забываются.

— Куда дальше?

— Пойдем снимать Гельферих-Саде!

На Конную!

И толпа двинулась к Гельферих-Саде, чтобы оттуда пойти на Конную. Они шли почти молча. В те времена революционная песня еще не объединяла тысяч рабочих. Рабочие не знали этих песен. Кто-то пытался затянуть слышанную от студента-демократа некрасовскую „Укажи не такую обитель“. Но и эту песню знали только немногие, да и чувствовалось, что песня не та. Этой мерно шагающей двухтысячной толпе рабочих, которая сейчас встретится с казаками, нужна была другая песня.

Толпа двигалась в суровом молчании. Не дошла она еще до завода Гельферих-Саде, как из переуллка с гиком свистом вырвались казаки.

— В нагайки-и!

Казаки пошли в нагайки. Лошадиный хrap, взлеты пагаек, крики, и толпа заметалась. Через несколько минут рабочие рассеялись. Казаки успели окружить только 80 человек. Их повели в город.

План соединения рабочих на Конной площади, разведенный властями, не удался. Рабочие железнодорожных мастерских, двинувшиеся навстречу заводам, тоже были разогнаны у Кузинского моста. Там казакам удалось арестовать до 180 человек. „Все движение было разбито на отдельные ручки“.

Рабочих, арестованных у завода Гельферих-Саде, повели на Холодную гору в каторжную тюрьму. Когда их повели по улицам города, за ними последовала толпа, во много раз большая, чем количество арестованных. Из этой толпы кричали все чаще и чаще раздаваться крики об освобождении. Это вселяло в арестованных уверенность, спокойствие, смелость и гордость. Это люди впервые шли в тюрьму, как

герои. Они знали, что за них есть кому постоять. Больше приближались они к Холодной горе, тем больше возрастала толпа. Кроме студентов и служилого люда толпе стали появляться рабочие, жены и матери.

Женщины пришли искать своих. Многие находили тогда женщины пробирались ближе к своему. Сначала плакали. Потом ругались. Срамили. Угрожали. Казаки рались их не слушать. Но женщины не отрывались от смян. Многие из арестованных впервые увидели, что жена или мать такая смелая женщина.

Эта толпа, сопровождавшая арестованных, была для стей не менее страшна, чем забастовщики. Когда арестованные приблизились к под'ему на Холодную гору, в каков полетели камни. Некоторые из казаков, по приказу офицера, бросились в толпу. Снова крики, нагайки и но аресты.

После того, как за рабочими закрыли тюремные ворота толпа не разошлась. Вскоре привели еще большую группу арестованных у Кузинского моста. Их сопровождала новая толпа. Эти пришли с песней. Они пели „Дубинушку“, „Заповит“. Только поздно вечером казакам удалось разгнать толпу у ворот тюрьмы.

XI.

Пришла первая ночь в истории Харькова, когда горожане ощутил, что в нем накопились новые, невиданные силы. Что эти силы впервые расправились.

Город студентов, ремесленников и служащих, город мелкобуржуазной демократии откликнулся на события бурной волной сочувствия и — все же — некоторого испуга. Мелкобуржуазная демократия успокаивала себя на том, что, мол, эта сила нуждается именно в ее руководстве и опеке. В эту ночь не один либеральный адвокат мнил себя во главе этих сил и примерял уже живописный плащ „родного вождя“. Не один мелкобуржуазный юнец выступил за вечерним чаем в столовой с речью о том „как бы поступил“. Эти рабочие — по его мнению — губят себя своей опрометчивостью; не слишком ли они размахнулись?

Город чиновников и торговцев, фабрикантов и банкиров, официальной науки и православной церкви сжался и отступил. Он взирает на губернатора. Он ждал и требовал от него более решительных действий, немедленного прекращения этого неслыханного бунта.

Губернатор, подписав все телеграммы в Министерство Внутренних дел, начал действовать; из Чугуева был вызван полк драгун, а через час и пехотный полк; с 11 часов утра 2-го мая город объявляется на военном положении; движение в город прекращено; ночное движение запрещено.

На рабочих окраинах стало необычно тихо; топот каменных патрулей и редкие свистки городских только подчеркивали эту тишину. Рабочие окраины подводят итог: забастовали, вышли на улицу — а дальше что? Тем и кончить? Так и оставить в тюрьме несколько сот товарищей? Снова вернуться на завод с теми же порядками, тем же грабежом, теми же мастерами, с тем же проклятым тяжелым трудом?

Жестокость расправы с забастовщиками вызвала озлобление даже у тех, кто еще оставался в стороне.

Второго мая на завод вышло больше народу, чем вчера, далеко еще не все. После гудка на заводе собралось 50 человек.

Многие из пришедших — жители сел — думали, что все уже кончено, большинство „степенных“ — тоже. В основных рабочих массах господствовало убеждение, что на этом можно кочиться не может и не должно. Всем уже стало известно, что завод „Бельгийского Общества“ и железнодорожные мастерские продолжают забастовку. В полдень на завод пришла радостная весть о том, что рабочие железнодорожных мастерских вынудили губернатора освободить забастованных.

Социалдемократическая организация и в последующие дни не укрепила руководства на заводе, и он был фактически предоставлен собственным стихийным силам.

За работу взялись неохотно и почти не работали. Машиностроительный цех совсем за работу и не принимался. Люди горячо обсуждали итоги первомайских событий и решили работы не продолжать, а предъявить администрации ряд экономических требований. О настроениях в машиностроительном цеху узнал весь завод. В остальных цехах стали ждать сигнала к продолжению забастовки.

В 9 часов утра Риццони из окон своей квартиры увидел группу в 20—30 человек, вышедших из модельного цеха. Он вывел Анисим Петруха. Эта группа направилась к машиностроительному цеху. Риццони попытался их остановить, но он не смог этого сделать. Они уже успели пробежать через машиностроительный цех с криком: бросай работу! оттуда в паровозосборный. Риццони приказал Зелигу с Кошечкиным отправиться в машиностроительный, а сам пошел успокаивать модельный.

В машиностроительный цех снова пришли Зелиг и Кошечкин.

— Почему не работаете?

К начальству подошла группа молодежи. Они требуют повышения расценок и сокращения рабочего дня.

Кошечкин снова заговорил о законе. Зелигу это надоело; он решил запугать рабочих.

— Кто сейчас же не станет на работу, будет считаться рассчитан!

Это возмутило цех.

— Бросай, ребята, работу! Пусть попробуют рассчитать весь завод!

Зелиг и Кошечкин были оттеснены, и цех вышел на двор. Испуганное начальство побежало докладывать директору. Они застали его в модельном цеху, уговаривающих рабочих не бросать работы. Модельщики его не послушались, и никто в цеху не остался. Завод собирался в паровозостроительном цеху. Здесь стояла густая пыль, из толпы раздавались крики. Никто этим собранием забастовавших рабочих не руководил.

Рицони приказал немедленно очистить цех. Его предложение ни к чему бы не привело, если бы Горохов со своими „земляками“ не стал выгонять рабочих. Толпа двинулась за ворота.

После обеда у ворот завода собралась тысячная толпа. Поодаль расположилась казачья сотня.

В редкие праздники Петинская улица была так оживлена. Улица запестрела радостной толпой. К паровозостроительному заводу стали подходить рабочие других заводов.

Рицони приказал всей администрации выйти в толпу. Он пытался уговорить наиболее „благоразумных“ рабочих войти в завод. Толпа уже начала расходиться, как произошла неожиданная стычка с казаками.

Мимо завода проскакал маленький отряд казаков, и кто-то из мальчиков бросил в казаков несколько камней. Унтер-офицер, командовавший казаками, приказал отряду возвратиться, и они остервенело набросились на толпу. Толпа заметалась. Силой напора был свален забор, и раздавлен сидящий на нем мальчик, ученик паровозосборного цеха. Десятки рабочих бросились искать камней и обрушивать их на казаков. Несколько рабочих было ранено; некоторые казаки оставили в толпе свои пики.

Казачий налет вызвал страшное озлобление.

После обеда на заводе осталось только тысяча шестьдесят человек.

XII.

3 мая утром по заводу прошли слухи, что забастовка окончена. Даже в машиностроительном цеху как будто начали работать. Вскоре однако завод узнал, что забастовал „Генерал-Ферих-Саде“. — С обеда машиностроительный цех работы прекратил. Туда снова явились Зелиг и Кошечкин. Кошечкин предложил рабочим выбрать депутацию для переговоров с дирекцией завода и фабричной инспекцией. Рабочие в начале отказались.

— Депутатов посылать не будем. Мы знаем, как вы с депутатами разговариваете!

Кошечкин стал убеждать рабочих „честным словом“, что депутаты будут неприкосновенны. Машиностроительный цех выделил группу в десять человек, среди которых были Коробченко, Володин, Рыболович, Марченко и другие.

Завод узнал о посылке машиностроительным цехом депутатов и стал ждать результатов переговоров.

Риццони очень любезно принял рабочих, рассадил их в кресла своего кабинета, всячески пытался показать, что вот сейчас они миром уладят все дела. От депутации говорил Коробченко.

— Рабочие требуют увеличения расценок, сокращения рабочего дня с 10½ часов до 10 часов; накануне воскресных и праздничных дней работать 8 часов; выплаты в получку производить в рабочее время.

В это время в кабинете Риццони появился старший фабричный инспектор Быков. Он первым стал отвечать рабочим. Он находит их требования незаконными. Он советует рабочим отказаться от этих „бессмысленных требований“.

Риццони отвечал иначе. Директор заявил, что машиностроительный цех уже давно не оплачивает себя. Машиностроительный цех приносит Обществу убытки. Дела Общества идут плохо. Он может предложить рабочим немедленное увольнение.

Депутаты прекратили переговоры и ушли от директора. Завод узнал, что переговоры с дирекцией ни к чему не привели, но все же некоторые цеха попытались выделить свои депутации. Риццони поручил мастерам сообщить рабочим, что никаких депутатий он больше не принимает. После гудка рабочие разошлись, не зная, что будет завтра.

Риццони был недоволен поведением фабричной инспекции и городских властей, Риццони требовал от них более решительных действий. 3 мая он писал в Правление.

— „.... Вообще должно заметить, что местные власти не проявляют должной силы и не внушают рабочим уважения к дисциплине. С рабочими разговаривают и совещаются и этим растягивают в длину смутное время. Предполагавшаяся однодневная забастовка растянулась и взволновала умы рабочих на долгое время“.

Директор требовал от власти казачьей расправы. 4 мая возбуждение среди рабочих не улеглось. В машиностроительном цеху нарастала решимость возобновить забастовку. Риццони предложил мастерам сообщить по заводу,

что на заводе „Бельгийского Общества“ всем рабочим заявлен расчет. В то же время в цехах стало известно, что рабочие железнодорожных мастерских добились от губернатора обещания удовлетворить все их экономические требования.

После обеда на заводе снова началась забастовка. Группа рабочих в количестве свыше 100 человек, взявшись за руки, закрыла доступ рабочим в завод. На заводе осталось только около 600 человек, не вышедших на обед. Рицони, Бик и Зелиг снова попытались обратиться к толпе с увещаниями. Небольшая группа „степенных“ под прикрытием начальства попыталась пройти в завод. Но из толпы в них начали бросать камни и осистали. — „Это был момент, когда бы необходимы казаки для воздействия на толпу шашка, но их не было“ — сожалел Рицони в письме Иванову.

Рабочие, находившиеся в заводе, бросили работу и стали требовать у директора выпустить их за ворота. Рицони распорядился их выпустить, но не через главный выход, а через ворота, ведущие в поле.

Толпа у завода не расходилась. Растерявшийся Бик несколько раз повторил вопрос — чего вы хотите? В ответ понеслись различные экономические требования.

К Быкову подошел ближе Артемий Нехорошев. Он подождал, пока толпа утихнет, и потом громко крикнул, обращаясь не столько к Быкову, сколько к толпе:

— Мы требуем 8-мичасового рабочего дня и заграничных прав для рабочих!

Толпа на минуту замерла. Впервые от ее имени потребовали политических прав.

Быков вышел из себя и обрушился на рабочих ругательствами. „Баранье стадо!“ „Дурачье!“ „Кого вы слышите?“

Толпа не оставила этого без ответа. По адресу Быкова закричали:

— Взятчик! Накачался у директора шампанским! Ругаться пришел с пьяных глаз!

Быков должен был скрыться. Ему на смену пришел окружной фабричный инспектор Гнедич. Он попытался успокоить толпу и предложил тут же выделить несколько человек, которые сформулировали бы требования рабочих. Из толпы вышли Годоцкий, Есин, Михайловский, Развалов, Коробченко, Бабкин, Малов и другие.

Они повторили требования машиностроительного цеха и добавили к ним еще два пункта: избрание из среды рабочих и администрации комиссии, которая бы разрешала в будущем недоразумения, возникающие между рабочими и заводской администрацией, и более человеческое обращение мастеров и монтеров с рабочими. Гнедич записал во

и требования и, упрятав в карман, пообещал их совместно администрацией рассмотреть. Толпа постепенно разошлась. Тогда еще немногие догадывались, что их депутация через пару дней будет арестована, а требования так и останутся инспектора в кармане.

Вечером у Риццони собрались губернатор, начальник жандармского управления, дивизионный генерал, Гнедич и сыновья. Посовещавшись, они решили оставить на заводе крупный отряд казаков и в их присутствии пропускать на завод всех, кто пожелает выйти на работу. Если на заводе работа не возобновится, то решено было объявить о закрытии завода и расчете всех рабочих.

Начальник жандармского управления и полицмейстер настаивали на высылке всех иногородних рабочих. „Но я — писал Риццони Иванову — им заявил, что завод против той меры, ибо самый лучший, самый спокойный элемент рабочих это суть именно иногородние, на коих держится все благосостояние завода. Бунтовщики же суть местные рабочие... Иногородних рабочих мы пожертвовать не можем ни в коем случае, ибо, лишившись их, мы так расстроим завод, что в течение года нам не поставить его на ноги“. Господин директор боялся лишиться своей опоры среди рабочих — „брянцев“ и других „земляков“. Что было 5-го мая, мы узнаем из письма Риццони к Иванову.

— „Сегодня, 5-го мая, в 5 с половиной часов утра собрались на улице около нашей проходной конторы я, господин Зелиг и все начальники цехов, для предупреждения образования около входа партии рабочих (нашего и чужих заводов), препятствующих входу в завод. В некотором отдалении стояли драгуны.

В завод прошло 2.400 человек. Внутри завода около отхожих мест поставлена мною полиция для воспрепятствования образованию в отхожих местах сходок.

В обеденное время будет от нашего завода до переезда железной дороги расставлено войско для оттеснения посторонних рабочих, приход коих с целью агитации мы ожидаем со стороны Бельгийского завода, который закрыт со вчерашнего дня, и где сегодня рассчитывают поголовно всех рабочих в количестве 500 человек.

В течение всего обеденного времени будем стоять около проходной конторы со стороны улицы я, г. Зелиг и начальники цехов для обеспечения свободного прохода рабочим, желающим работать. Тем не менее за послеобеденную работу я не ручаюсь, и весьма возможно, что работа снова не состоится. Харьков находится на военном положении“.

Это был последний день забастовки. Во время одной из группой рабочих Бельгийского завода была сделана одна попытка призвать паровозников не идти на работу. Но окруженная казаками эта группа вынуждена была бежаться. После обеда на работу стало 2.400 человек.

Риццони просил губернатора продержать войск завода до 8 мая. Губернатор удовлетворил просьбу ректора.

На рабочих окраинах прошла волна арестов: 6 мая рекция издала приказ об увольнении с завода рабочих машиностроительного цеха: Марченко Константина, Угасиля, Виниченко Ивана, Володина Александра, Рахлинова Михаила, Квитченко Тихона, Середы Федора, Мухоморова Никифора, Коробченка Александра, Есина Ефима, Бабкина Петра, Калмыкова Павла, Рыболовича Марцея, Малова Михаила, рабочих паровозосборного цеха: Нерошова Артемия, Трунова Александра, рабочего модельного цеха Петруху Анисима. Все они были высланы из Харьку.

Жандармерия предприняла разгром социалдемократической организации. По городу было арестовано свыше 100 человек. Среди арестованных был и Семенов. Большинство из них было сослано в Вятскую губернию. Первое массовое выступление харьковских рабочих было подавлено. Но борьба еще только началась.

Завод вступил в новый период роста классового сознания и сплочения рабочих, период зарождения большевистской организации и подготовки к баррикадам 1905 года.

Путь к победам указал великий Владимир Ильич Ленин.

ДЕЛО О ПОКУШЕНИИ НА И. НАДЕЖИНА".

ЭПИЗОД ИЗ ИСТОРИИ ХАРЬКОВСКОГО ПАРОВО-
ЗОСТРОИТЕЛЬНОГО ЗАВОДА В ДОКУМЕНТАХ

БЛИКАЦИЯ И КОММЕНТАРИИ РОГОВИКА,
ИСТНИКА РАБ. АВТ. ГРУППЫ ХПЗ

1908 год. Разгул черной реакции. Едва оправившиеся
сле бурного революционного взрыва 1905—07 г.г. капита-
сты переходят в наступление. На заводе господствует по-
дейский террор. Обнаглевшие хозяева предпринимают
совое увольнение и снижение расценок.

Большевистская организация в глубоком подпольи укреп-
ет авангардные силы для нового наступления. Реакции
удается окончательно подавить революционную энергию
бочих масс. Увольнения и снижения расценок встречают
рное сопротивление со стороны рабочих. К этому пери-
относится и „Дело о покушении на И. И. Надежина“,
ий эпизод из истории завода в период реакции. В доку-
тах этого „Дела“ вскрывается провокационная тактика
ев из „Русского Паровозостроительного и Механиче-
го Общества“.

Суть дела в общих чертах состоит в следующем: Обо-
нный троекратными увольнениями рабочий Василий
ильев избил начальника Паровозосборного цеха Наде-
на. Заводская администрация вкупе с полицией раздувает
т случай в громкое „Дело о покушении на Надежина“.
овокационная тактика дирекции завода и Правления
щества заключалась в том, чтобы, воспользовавшись этим
окушением“, сломить сопротивление рабочих снижению
ценок.

Последовательное развитие этого эпизода из истории
ода достаточно ясно показано в нижеприведенных доку-
нтах, извлеченных из архива завода. Примечания и ком-
ментарии приводятся после каждого документа петитом.

С. Р.

Июля 1-го дня.

Г. ФАБРИЧНОМУ ИНСПЕКТОРУ 1-ГО УЧАСТКА
Харьковской губернии.

ЗДЕСЬ.

Настоящим имею честь уведомить Вас, что
сегодня около 2¹/₂ час. дня в своем кабинете в

конторе Паровозосборного цеха ранен в голову одним из рабочих Начальник этого цеха И. И. Надежин.

Ка

КАЦ — заместитель директора завода.

Июля 2-го дня 1908

Г. ФАБРИЧНОМУ ИНСПЕКТОРУ 1-ГО УЧАСТКА
Харьковской губернии.

ЗДЕС

В дополнение к письму моему за № 8 от 1-го сего Июля при сем препровождаю копию объявления от вчерашнего числа, вывешенного вчера на заводе.

(подписи)

Копия объявления в деле не сохранилась. Его содержание становится известным из последующих документов.

Июля 2-го дня 1908

В ПРАВЛЕНИЕ ОБЩЕСТВА

Вчера 1-го с/м. около 2¹/₂ час. дня Начальник Паровозосборного цеха И. И. Надежин в своем кабинете в конторе цеха был ранен в голову одним из рабочих своего цеха.

Произошло это при следующих обстоятельствах: г. Надежин, сидя за письменным столом, вел переговоры с группой рабочих своего цеха о понижении расценок и делал записки об этих понижениях в книжках. Рабочих в его комнате было в это время, по его словам, около 12—15 человек. Около 2 часов, когда он разговаривал с рабочими, один из стоявших в комнате рабочих нанес ему железным прутом, длиной около 1 арш. и диаметром не менее 1 дюйма (весит 10¹/₂ фунта), удар в правый висок, чем причинил рану, проникающую до кости и имеющую длину около 5 сантиметров.

Затем, очевидно, был нанесен еще второй удар, попавший на правое плечо и лопатку.

Г. Надежин поднялся из-за стола и направился в свою комнату цеховой конторы, но по дороге упал от сильного кровоизлияния и боли. Из бывших в кабинете рабочих никто не задержал преступника и не оказал помощи г. Надежину, а все они выбежали из кабинета после нанесения удара. Г. Надежин заметил и назвал потом в больнице преступника. В заводскую больницу Надежин был доставлен сторожем цеховой конторы и одним из рабочих, случайно находившимся в цеховой конторе.

В больнице г. Надежину была сделана дежурным фельдшером перевязка, а затем был вызван из города врач.

который нашел, что рана в голову не угрожает опасностью жизни. Степень ушиба плеча и лопатки нельзя точно определить, вследствие сильной болезненности.

Около 9 час. вечера г. Надежин был перенесен из больницы на квартиру.

Ранивший г. Надежина рабочий № 2144 молотобоец Василий Васильев работал в паровозосборном цехе временно 3-го марта с/г., причем он был взят на определенный срок, который и окончился 1-го с/месяца. Раньше Васильев постоянно работал в Кузнице и 5 февраля с/г. был уволен 3-месячный отпуск за неимением работы. Во время этого отпуска в Сборном цехе потребовался молотобоец и туда 3-го марта с/г. был взят означенный Васильев, как временный рабочий на определенный срок, т. е. на 1 месяц, каковой продолжался 3 раза.

Заявленное понижение расценок в Паровозосборном цехе Васильева не касалось, так как его работа в этом цехе окончилась и 1 июля он должен был вернуться в свой прежний цех, т. е. в Кузницу, а в случае недостатка работы в Кузнице, ему пришлось бы опять числиться в отпуску.

Как уже указано, рабочие, бывшие в момент покушения в кабинете г. Надежина, не оказали никакого содействия задержанию преступника, хотя последний, по сведениям, полученным Полициейским Надзирателем Завода, не убежал сразу после покушения из завода, а скрывался в заводе около 6 час., когда и вышел в толпе рабочих. Не смотря на принятые полицией меры, преступник до сих пор не найден. Утром вечером был опрошен Следователем г. Надежин, назвавший фамилию преступника.

Произведенный Полициейским Надзирателем опрос некоторых рабочих, бывших во время покушения в конторе паровозосборного цеха, показал, что рабочие не содействуют раскрытию преступления и не дают правильных и точных показаний.

Для скорейшего выяснения этого преступления и его причин я вчера вывесил объявление с требованием, чтобы рабочие, бывшие в момент покушения в кабинете г. Надежина, явились бы в течение сегодняшнего дня к Полициейскому Надзирателю для дачи показаний, предупредив, в случае неисполнения этого требования, завод будет закрыт.

В течение сегодняшнего дня к Полициейскому Надзирателю явились всего лишь 3 человека, бывших в момент покушения в кабинете г. Надежина, показания которых не дали никакого пояснения этому случаю. Все эти свидетели заявили, что они не видели самого нанесения удара и кто это сделал. Затем, по их словам, они все испугались и

выбежали из комнаты. Показания эти очень неправдоподобны, так как трудно предположить, чтобы из 15 человек даже более человек, находившихся в маленькой комнате никто не видел самого нанесения удара и не заметил, именно его сделал.

Я сегодня был у Губернатора и доложил ему об этом факте и о вывешенном мною объявлении. Предположенна мера закрытия завода Губернатор признал целесообразной.

По заключению врача, рана опасности не представляет, но о последствиях ушиба пока ничего определенного сказать нельзя.

Согласно изложенному я телеграфировал Вам вчера:

„Сегодня половине третьего дня конторе сборного цеха время переговора рабочими понижении расценок ранив голову железным прутком Надежин. Рана серьезная, опасностью жизни, по заключению врача, не угрожает. Ранивший рабочий временно работал сборной и сегодня был уволен за истечением срока найма. Понижение расценок не касалось этого рабочего. Сегодня объявление потребовал чтобы все бывшие время покушения кабина рабочие явились Полицейскому Надзирателю, угрожающим в противном случае закрытием завода“, что настоящим подтверждаю.

О дальнейшем ходе этого дела и о состоянии здоровья Надежина я буду уведомлять Вас своевременно.

С совершенным почтением

Кац

ТЕЛЕГРАММА
ХАРЬКОВ ПАРОВОЗНОЕ КАЦУ
Из Петербурга

На телеграмме штамп

Харьковский завод
Р. П. и М. О.
Получено 3/VII—908
№ 84.
Отвечено 3/VII—908
телегр.

НЕ ОТКАЖИТЕ ТЕЛЕГРАФИРОВАТЬ СОСТОЯНИЕ
ЗДОРОВЬЯ НАДЕЖИНА. ПРАВЛЕНИЕ

На телеграмме резолюция:

„Ответить. Кац.

3/VII—08 г.“

Телеграмма Правления Русского Паровозостроительного и Механического Общества.

ТЕЛЕГРАММА

ХАРЬКОВ ПАРОВОЗНОЕ ДИРЕКТОРУ ЗАВОДА
ХАРЬКОВ ЛУГАНСКА 197,10, 3, 11,40.

На телеграмме штамп:

Харьковский завод
Р. П. и М. О.
Получено 3/VII—
1908 г. № 83
Отвечено 3/VII—
1908 г. телегр.

КАК ЗДОРОВЬЕ НАДЕЖИНА
БОГДАНОВ РУСАКОВ ТУНИК

На телеграмме резолюция:

„Собщить, что здоровье Надежина лучше.
3/VII—08“.

Кац

Богданов, Русаков, Туник — администрация завода Гартмана
в Луганске.

ОЧНАЯ

ПЕТЕРБУРГ ПАРОВОЗНОЕ

Рабочие, бывшие в кабинете Надежина время
покушения, не явились вчера Надзирателю не ис-
полнив моего требования. Точка. По обсуждению
начальниками цехов нахожу необходимым вре-
менно закрыть весь завод, предупредив рабочих
за две недели течение которых работа будет
продолжаться. Губернатор личных переговорах
нашел закрытие целесообразным. Точка. Ваше
решение срочьте.
3/VII 908 г.

Кац

ТЕЛЕГРАММА

ХАРЬКОВ ПАРОВОЗНОЕ КАЦУ
ХРК Петербурга 1355, 71/72, 11,36.

На телеграмме штамп:

Харьковский завод
Р. П. и М. О.
Получено 4/VII—908 г.
№ 137 Отвечено

Возмутительный поступок рабочего относитель-
но уважаемого Ивана Ивановича Надежина глу-
боко огорчил Правление оно утешается лишь

отчасти мыслью, что гнусное насилие было сделано рабочим не принадлежащим к постоянному и естественному составу завода Правление вполне одобряет ваши распоряжения по этому случаю про вас для выгоды самих же рабочих напомнить обещание через депутатов не допускать никаких насилий на заводе неужели же они хотят что я не верил их словам.

Председатель правления

На телеграмме надпись: „КАЦ. 4/VII—908 г.“

ТЕЛЕГРАММА.

ХАРЬКОВ ПАРОВОЗНОЕ 769, 31, 16, 9, 24

На телеграмме штамп

Харьковский завод
Р. П. и М. О.
Получено 4/VII-1908
№ 102 Отвечено

В таком случае завод может и должен быть закрыт на три дня, как это имело место у Гартмана. Телеграфите Бинируегген должен ли я медленно возвращаться. Риццони.

На телеграмме подпись: „КАЦ. 4/VII-908 г.“

Риццони—директор завода, находившийся в то время в Германии. Незадолго до „покушения на Надежина“, на луганском заводе Гартмана в связи с революционным выступлением рабочих объявлен локаут. Риццони в этой телеграмме предлагает повторить „опыт“ дирекции завода Гартмана. Здесь приведен русский перевод с немецкого текста телеграммы.

ТЕЛЕГРАММА.

ХАРЬКОВ ПАРОВОЗНОЕ КАЦУ

ХРКВ ПБРГ 1735, 13, 3, 6, 22

На телеграмме штамп

Харьковский завод
Р. П. и М. О.
Получено 4/VII-908
№ 139 Отвечено

416 СЛУЧАЕ НЕИСПОЛНЕНИЯ РАБОЧИМИ ВАШЕ
ТРЕБОВАНИЕ ЗАКРОЙТЕ ЗАВОД

ПРАВЛЕНИЕ 5

На телеграмме две пометки:

„5/VII вывешено объявление о закрытии завода через две неде

5/VII сообщили Правлению срочной телеграммой и письмом, что
одна вывесили объявление о закрытии завода через две недели.
Подпись: „КАЦ 4/VII-908 г.“

ТЕЛЕГРАММА.

СРОЧНО ХАРЬКОВ ПАРОВОЗНОЕ КАЦУ
ХАРЬКОВ ЛУГАНСКА 321, 89, 4, 11, 30

На телеграмме штамп:

Харьковский завод.
Р. П. и М. О.
Получено 5/VII 908 г.
№ 161 Отвечено.

Ваше четвертого виду происшедшего 28 февраля 1907 паровозном и 2 марта 1907 прокатном насилия вывоз на тачке двух рабочих другими рабочими а также вывоз на тачке 5 марта 1907 начальника паровозной кузницы и виду нежелания представителей рабочих выдать виновных завод 7 марта был закрыт все рабочие рассчитаны путем особого объявления котором указана причина закрытия точка специального указания закона не находили и объявлении ссыла на какой-либо закон не делали точка расчет выдан был по 7 марта и за две недели вперед не платили.

- ГАРТМАШИНА.

На телеграмме пометка:

„5/VII благодарили К. К. Хржановского письмом“.
Резолюция: „Благодарен. КАЦ. 5/VII-908 г.“

Эта телеграмма от дирекции Луганского завода является ответом на запрос дирекции Харьковского завода: как в Луганске был проведен локаут? Яркий пример „обмена опытом“ между капиталистами.

„Вывоз на тачке двух рабочих“ относится, очевидно, к провокаторам.

ТЕЛЕГРАММА.

СРОЧНО ХАРЬКОВ ПАРОВОЗНОЕ КАЦУ
ПРВ ХАРЬКОВ ЛУГАНСКА 335, С РЧ 21, 5, 9, 26

Наша четвертого вместо слов выдать виновных следует читать виду нежелания представителей рабочих согласиться на расчет виновных.

ГАРТМАШИНА.

На телеграмме подпись: „КАЦ. 6/VII-908 г.“
и пометка: „К вх. № 161, 5/VII-908 г.“

Июля 5-го дня 1906
Г. СТАРШЕМУ ФАБРИЧНОМУ ИНСПЕКТОРУ
Харьковской губернии.

ЗДЕСЬ.

При сем имею честь препроводить в 2-х экземплярах копию вывешенного в нашем заводе объявления от сего числа о закрытии, согласно распоряжения Правления Нашего Общества, завода с расчетом всех рабочих через две недели от сего числа, вследствие произведенного 1-го с рабочим паровозосборного цеха В. Васильева покушения на убийство начальника паровозосборного цеха И. И. Надеждина.

Завод будет работать по 18-е число сего месяца включительно и затем закроется на определенное время.

Кац

Копии объявления в деле не сохранились.

Июля 5-го дня 1906
В ПРАВЛЕНИЕ ОБЩЕСТВА

Подтверждая срочную телеграмму мою от 3 с/м за № 16: „Рабочие, бывшие в кабинете Надеждина в время покушения не явились вчера Надзирателю, исполнив моего требования. Точка. По обсуждению Начальниками цехов, нахожу необходимым временно закрыть весь завод, предупредив рабочих за две недели, течение которых работа будет продолжаться. Губернатор личных переговорах нашел закрытие лесообразным. Точка. Ваше решение срочьте“.

и полученную в ответ на нее Вашу телеграмму от 3 с/м. №

Случае неисполнения рабочими Вашего требования, закройте завод.

Уведомляю, что мастеровые и рабочие, бывшие в кабинете г. Надеждина в момент покушения на него, как я уже сообщил Вам письмом моим № 16 от 2 с/м., не исполнили моего объявления от 1 с/м. и не явились к Полицейскому Надзирателю для дачи показаний.

Из всего дальнейшего поведения рабочих ясно видно, что в высшей степени равнодушное отношение к совершаемому факту насилия. Ни в одном цехе никто не выражает ни сочувствия пострадавшему, ни своего возмущения этим фактом насилия.

Явились к Полицейскому Надзирателю и еще несколько рабочих, кроме указанных в моем письме № 16, но так

которые были у г. Надежина за 7—10 минут до покушения и которые, конечно, ничего полезного не могли сообщить.

Обсудив вчера положение дела с Начальниками и Мастерами цехов, нашедшими необходимым закрыть завод вследствие такого возмутительного факта покушения на убийство Начальника Цеха и отношения всех рабочих к тому факту, я решил, что завод необходимо закрыть через две недели, считая от сего числа, с расчетом всех рабочих, чем сегодня вывесил объявление, 2 копии коего при сем прилагаю.

Г. Директор П. П. Рицони, уведомленный мною о всем происшедшем, телеграфировал мне, что он считает необходимым закрыть завод.

Произвести закрытие завода без 2-хнедельного предупреждения и без уплаты рабочим пенного заработка за эти 2 недели мы не можем, во-первых, вследствие существующих на этот счет правил, а во-вторых, такое спешное закрытие крайне неудобно для нас по многим внутренним, хозяйственным причинам. Местный завод Т-ва М. Гельфен-Садё, на котором в прошлом году был точно такой же случай поранения в цехе Управляющего заводом инженера Реймонда, был закрыт также с предупреждением за две недели, в течение коих работа продолжалась вполне тихо и спокойно.

Подробности выдачи мастерам и рабочим расчета я уже сообщал, и все это будет мною разработано и сообщено Вам.

Время открытия завода сейчас определить невозможно.

О закрытии завода мною уведомлены сегодня Полицией, Инспекцией и Фабричная Инспекция. Работа у нас закончится к с/м. и с 19 с/м. завод уже будет закрыт.

Согласно изложенному я телеграфировал Вам сегодня:

„Здоровье Надежина заключению вчерашней консультации удовлетворительно; опасности нет. Предусмотреть осложнения нельзя“.

Преступник до сих пор еще не задержан полицией, хотя, по циркулирующим слухам, он вчера еще был в Харькове. Здоровье И. И. Надежина, по заключению бывшей у него вчера консультации 4 врачей (хирурга, окулиста, отоларинголога и нашего заводского врача), удовлетворительно и опасности никакой для жизни в настоящее время нет. Что же касается появления каких-либо осложнений, могущих явиться в виде последствий сильного удара в голову, то таковых теперь предусмотреть нельзя. Лечение г. Надежина будет вести наш младший заводской врач, при участии специалиста хирурга.

Согласно изложенному я телеграфировал Вам сего
„Здорорье Надежина заключению вчерашней конст
тации удовлетворительно; опасности нет. Предусмот
осложнения нельзя”,

что настоящим подтверждаю.

С совершенным почтением КАЦ.

ПРАВЛЕНИЮ РУССКОГО ПАРОВОЗОСТРОИТЕЛЬН
И МЕХАНИЧЕСКОГО ОБ-ВА.

ОТ РАБОЧИХ СБОРНОГО Ц

ЗАЯВЛЕНИЕ.

Будучи в большинстве врагами насилий с какой бы
роны они ни происходили, мы уполномочены от мастеров
и рабочих Паровозосборного цеха заявить перед Вами
глубокое презрение и порицание произведенному нас
над личностью Ив. Ив. Надежина 1-го сего Июля раб
Васильевым и выражаем наше глубокое сочувствие И
Ивановичу Надежину и желаем ему скорейшего выздр
вления; пораженные таким преступным фактом покуш
и отлично зная, что такими мерами положение рабоч
улучшается, полагали, что репрессий со стороны Прав
Общества не последует.

Объявленное 1-го сего Июля предупреждение Г
ститателя Директора Я. А. КАЦ, что в случае неявки к
цейскому надзирателю мастеровых и рабочих, присутст
ших в момент покушения, завод, по распоряжению Пра
ния Общества будет закрыт, понималось, как побужда
мера к явке в полицию очевидцев события.

Предупреждение по мнению рабочих не могло
приведено в исполнение, так как преступник извест
страдавшему, и что преступление совершено не на о
а на личной почве.

Рассматривая объявление от 5-го июля о закрыт
вода и его мотивах, констатируется факт огульного
нения всех рабочих завода в происшедшем, упуска
вида, что у рабочих нет средств и способов взаимодейс
препятствующих к индивидуальным выступлениям, пр
сящих вред промышленности, промышленникам и раб
Решением Правления О-ва закрыть завод обрекает
ужасы нужды полудесятков тысяч лиц (принимается в р
семья), а некоторое число на вечный невольный голо
всеми ужасными последствиями, решение не могущее
вить произведенного и окончательно предотвратить
ные факты в будущем.

Если было известно Правлению Общества (а ме
администрации это известно), что в 1905 году при

товках политических и экономических рабочие фактически защищали целостность имущества и неприкосновенность административных лиц завода (тогда рабочие имели возможность взаимодействовать в этом направлении), то такого рода решения оно не приняло бы, тем более, нравственно тяжело, если это известно Правлению. Правлением не принято в соображение, что в настоящее время каждый из рабочих предоставлен сам себе решать возникающие конфликты, и что за проявлениями индивидуальных в дурную сторону склонностей установлена на заводе специально, в библии, всякого рода охрана.

В виду вышеизложенного просим Правление Общества принять с рабочих Сборного цеха подозрение в равнодушном отношении к возмутительному факту покушения на убийство Ив. Ив. Надежина и в солидарности с преступником (так как он и известен - то только может быть десятку лиц данного цеха) и объявленный расчет всему заводу отменить за отсутствием у рабочих объединяющего органа.

Если же закрытие завода неминуемо, то принять при открытии всех мастеровых и рабочих на прежних основаниях.

Уполномоченные от рабочих сборного цеха:

Подписи: Н. Никитин, А. Беланок, К. Воронин, М. Дегев, Ф. Кубранов, С. Белецкий, А. Рыбкин, Н. Зверев, Г. Григорьев, Г. Бондарович, Петр Васильев, Иосиф Массименко.

Это холуйское обращение никем не уполномоченной группы мастеров сборного цеха к Правлению Общества с просьбой о милости - представляет собой яркий образец линии поведения буржуазной агентуры в рабочем классе - меньшевиков и эсеров. Дальнейшими документами будет вскрыта действительная подоплека предприняемого капиталистами доквата и в свете этих документов холуйская роль меньшевистско-эсеровских предателей предстанет со всей полнотой.

ТЕЛЕГРАММА.

*ХАРЬКОВ ПАРОВОЗНОЕ КАЦУ
ИЗ ПЕТЕРБУРГА № 3672*

На телеграмме штамп:

Харьковский завод. Р. П. и М. О. Получено 8/VII-903 г. № 276 Огвечено
--

Не откажите пригласить к Надежину лучшего врача не жалейте средств для восстановления его здоровья все лечение относите на счет общества.

ПРАВЛЕНИЕ

На телеграмме пометка: „8/VII копия передана И. И. Надежину“
 резолюция: „1) Сообщить Правлению, что все сделано согласно телеграммы.

2) копию этой телеграммы послать Надежину.

КАЦ. 8/VII-8 г.

Как мы увидим дальше, эта трогательная заботливость о здоровье Надежина продиктована далеко не „гуманными чувствами“. Избитый рабочим Васильевым Надежин простоял перед Правлением, как орудие для наступления на рабочих.

ТЕЛЕГРАММА.

ХАРЬКОВ ПАРОВОЗОНОЕ КАЦУ

На телеграмме штемп:

Харьковский завод
 Р. П. и М. О.
 Получено 12/VII-908 г.
 № 443 Ответен

В уважение просьбы Ивана Ивановича Надежина Правление согласно не закрывает завод при условии согласия рабочих на расценки если же на изменение расценок согласия не последует к назначенному вами сроку закройте завод.

ПРАВЛЕНИЕ

На телеграмме подпись: „КАЦ. 12/VII-908 г. 4“.

В этой телеграмме вскрывается вся суть провокационной тактики Правления Русского Паровозостроительного и Металлического Общества.

Никакой просьбы об отмене закрытия завода Надежин не возбуждал. Совершенно ясно, что во всем этом деле хозяева завода меньше всего интересовала судьба Надежина. Но они провокационно сыграть на нем, чтобы добиться основного — изменения расценок. Этой телеграммой Правление подсказало директору завода дальнейшую тактику: прикрываясь Надежиным, во что бы то ни стало добиться снижения расценок, не останавливаясь даже перед закрытием завода.

Июля 12-го дня 1908 г.

В ПРАВЛЕНИЕ ОБЩЕСТВА.

Подтверждая получение телеграммы Вашей от 11-го июля за № 9, имею честь сообщить, что на основании этой телеграммы я сегодня вывесил в заводе объявление со

что, согласно Вашему распоряжению, назначенное 18 с/м. закрытие завода отменяется и что завод закрыт не будет.

Копию означенного сегодняшнего объявления при сем прилагаю.

Как Вы усмотрите из прилагаемого объявления, я не обусловил отмену закрытия завода согласием всех рабочих на понижение расценков и не грозил закрытием завода в случае их несогласия, так как в настоящее время пониженные расценки приняты уже тою половиною рабочих Паровозосборного цеха, коим успели сделать заявление до 5-го с/м. и всеми остальными цехами, т. е. с 5 с/м были прекращены заявления и записи пониженных расценков ввиду предстоящего закрытия завода. Теперь же, по отмене закрытия завода, в Паровозосборном цехе будет продолжена запись пониженных расценков, каковая и будет окончена в назначенный моим объявлением от 30 пр/м., см. мое письмо № 2289 от 30 июня срок, т. е. 15-го сего июля.

Если же среди рабочих Паровозосборного цеха, коим теперь будет заявлено понижение расценков, окажутся такие, которые не согласятся на это понижение, то я их увольню на основании моего объявления от 30 пр/месяца.

Угрожать закрытием всего завода, в случае несогласия на пониженный расценкок некоторого незначительного числа рабочих, я не нахожу удобным, так как в настоящее время громадное большинство рабочих уже приняло понижение расценков и новая угроза закрытием завода была бы совершенно излишняя и даже вредна, вызывая собою лишь раздражение.

Согласно изложенному я телеграфировал Вам сегодня:

„Основании Вашей 9 сейчас объявил отмену закрытия завода, не обусловив ее принятием пониженных расценков, ибо понижение принято половиною Сборного цеха, которой успели заявить до пятого, и всеми остальными цехами. Точка. Если окажутся несогласные таковых расценкок основании моего объявления от 30 июня. Грозить закрытием согласившимся нахожу неудобным“,

что настоящим подтверждаю.

С совершенным почтением КАЦ

Из этого письма заместителя директора завода Правлению Общества видно, что дирекции уже удалось под предлогом „покушения на Надежина“ добиться перелома в сопротивлении снижению расценкок. Таким образом отпадала необходимость в локауте.

ОБ'ЯВЛЕНИЕ.

Начальник Паровозосборного цеха И. И. Надежин обратился через меня в Правление Общества с ходатайством об отмене распоряжения Правления о закрытии Завода по причине произошедшего на него покушения.

Правление Общества нашло возможным уважить это ходатайство И. И. Надежина и согласилось не закрывать Завод, о чем, в отмену объявления моего от 5-го с/м., настоящим сообщением мастерам и рабочим.

За Директора Завода КАЦ.

Июля 12-го дня 1908 года.

Дело сделано — расценки успешно снижаются. Теперь можно снова сыграть на Надежине и „уважить его ходатайство“. Это объявление представляет собой яркий образец циничного лицемерия капиталистов.

ТЕЛЕГРАММА

ХАРЬКОВ ПАРОВОЗНОЕ КАЦУ

Из Петербурга № 003265

На телеграмме штамп

Харьковский завод Р. П. и М. О. Получено 14-VII—908 № 509 Отвечено
--

67 Поступили правильно это обстоятельство меня сущность писем посланных мною сегодня вам и Ричи

ИВАНОВ

На телеграмме надпись: „КАЦ. 12/VII—903 г.“

Иванов — генерал-лейтенант, председатель Правления Русского Паровозостроительного и Механического Общества. Воодушевленный похвалой начальства Кац продолжает нажим.

ТЕЛЕГРАММА.

2 АДРЕСА КОПИЯ ПАРОВОЗНОЕ КАЦУ
ИЗ ПЕТЕРБУРГА № 0075

На телеграмме штамп:

Харьковский завод:
Р. П. и М. О.
Получено 15-VII — 908 г.
№ 587
Отвечено

Сегодня получена от уполномоченного рабочих Баланова телеграмма о согласии на 10% сбавку расценков вместо предлагаемых Кацем 20% сбавки просят командировать уполномоченного правления для мирного решения вопроса ждут ответа до понедельника правление уполномочивает нас решить вопрос на месте

БУНГЕ ГРУБЕ ЕНАКИЕВ

На телеграмме надпись: „КАЦ“.

Бунге, Груббе, Енакиев — директора Правления. „Уполномоченный решать на месте“ господин Кац „решает“, как это нужно капиталистам.

ПАРОВОЗОСТРОИТЕЛЬНЫЙ
ЦЕХ

На письме штамп.

Харьковский завод
Р. П. и М. О.
Получено 15/VII № 617
Отвечено

5 июля 1908 года.

Г-ну ДИРЕКТОРУ ЗАВОДА

Сегодня окончены записи в задельные книжки мастеров о понижении расценок на строящиеся паровозы, начиная с № 1605 и отобраны от мастеровых на особых бланках их расписка. О чем имею честь Вам донести.

За начальника Паровозостроит. цеха (подпись).

На письме пометка и резолюция:

„Уведомить Правление. КАЦ. 15/VII—98 г.“
„16/VII—908 г. Сообщено Правлению“.

Июля 16-го дня 1908

В ПРАВЛЕНИЕ ОБЩЕСТВА.

В дополнение к письмам моим от 30 пр/м. и 12 с/м №№ 2289 и 85 уведомляю, что вчера, 15 с/м, в Паровозосборном цехе были окончены заявления и записи в заданные книжки пониженных расценков на товарные паровозы типа 4/5 У., каковые расценки приняты всеми рабочими Паровозосборного цеха, с выдачей особых расписок с исключением нескольких человек, не бывших 14 и 15 на работе.

Рабочими остальных цехов означенные пониженные расценки также приняты всеми.

Таким образом понижение расценков на вышеуказанные паровозы принято, согласно объявлению моему от пр/м. мое письмо № 2289) Паровозосборным цехом и всеми остальными цехами.

С совершенным почтением Кац

Так закончился этот яркий эпизод из истории ХПЗ в 1908 г. Provocation удалась. Оружие провокации—Надежин получил 500 рублей на лечение. Ловкий исполнитель хозяйской воли господин Кац получил от Правления многообещающую благодарность. Избивший Надежина рабочий Василий Васильев был осужден на каторжные работы и оказался только после революции. Рабочие ХПЗ извлекли из этого дела классовой борьбы и рассчитались с хозяевами полной мерой в Октябрь 1917 года.

Сергей Ронин